

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

14
ТОМ

2016

4
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель: Южный федеральный университет

Главный редактор Мамедов О.Ю.

доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Редакционная коллегия:

- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Овчинников В.Н., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Редакционный совет:

- Овчинников В.Н., председатель, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор, директор Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Россия
- Белокрылова О.С., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор, ректор Южного федерального университета, Россия
- Валентинов В., доктор экономических наук, Лейбниц-институт аграрного развития в странах с переходной экономикой, Германия
- Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Клейнер Г.Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, замдиректора ЦЭМИ РАН, Россия
- Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Мамедов О.Ю., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Михалкина Е.В., доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета, Южный федеральный университет, Россия
- Нуреев Р.М., доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия
- Оганесян А.А., кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Южный федеральный университет, Россия
- Стриелковски В., доктор экономических наук, научный сотрудник, Кембриджская бизнес-школа, Кембриджский университет, Великобритания
- Туманян Ю.Р., доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
- Ханин Г.И., доктор экономических наук, профессор, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирский государственный технический университет, Россия
- Шевченко И.К., доктор экономических наук, профессор, проректор по организации научной и проектно-инновационной деятельности, Южный федеральный университет, Россия
- Эллан М.Дж., почетный профессор Амстердамского университета, Нидерланды

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105/42.
Тел.: (863) 265-31-58, 264-84-66
факс: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел.: 8 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/>
e-mail: te@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS

Registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 16th January, 2009.
Registration certificate PI № FS77-34982

Founded: 2003
Quarterly Journal
Subscription index in «Rospechat»
catalogue: 81958

**Before 2009 – Economic Herald
of Rostov State University**

TERRA ECONOMICUS is included into
«The list of the leading scientific journals
and publications under review, where the basic scientific
research results of the theses for academic Degrees
of Doctor and Candidate should be published»
of the Higher Attestation Commission (HAC),
the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Editor in Chief Mamedov O.Yu.

Doctor of Economics (DSc), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Editorial Board:

- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Volchik V.V. (Deputy Editor), Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Ovchinnikov V.N., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

Editorial Staff:

- Ovchinnikov V.N., Chairperson of Editorial Staff, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Aleshin V.A., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Arkhipov A.Yu., Doctor of Economics, Professor, Director of Higher School of Business, Southern Federal University, Russia
- Belokrylova O.S., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Borovskaya M.A., Doctor of Economics, Professor, Rector of the Southern Federal University, Russia
- Ellman M.J., Emeritus Professor, Amsterdam University, Netherlands
- Khanin G.I., Doctor of Economics, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration - Siberian Institute of Management, Novosibirsk State Technical University, Russia
- Kleiner G.B., Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Central Economics and Mathematics Institute, Institution of Russian Academy of Sciences, Russia
- Kryukov S.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mamedov O.Yu., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Matveeva L.G., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Mikhalkina E.V., Doctor of Economics, Professor, Dean of the Economic Faculty, Southern Federal University, Russia
- Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia
- Oganesyan A.A., Candidate of Economics, Principal Researcher, Southern Federal University, Russia
- Shevchenko I.K., Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Southern Federal University, Russia
- Strielkowski W., Doctor of Economics, Research Associate, Energy Policy Research Group, Cambridge Judge Business School, University of Cambridge, United Kingdom
- Tumanyan Yu.R., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
- Valentinov V., Doctor of Economics, Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies, (IAMO), Halle (Saale), Germany
- Volchik V.V., Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia

The articles assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are
available at <http://te.sfedu.ru/avtoram.html>. Articles which do not follow the rules are rejected by the Editorial Board.
The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected.
Post-graduates' articles to be published are free of charge.

Founder's mailing address:

Bolshaya Sadovaya St., 105,
Rostov-on-Don, Russia, 344006.
Phone: (863) 265-31-58, 264-84-66
Fax: 264-52-55, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Editorial office:

of. 211, Gorkogo St., 88,
Rostov-on-Don, Russia, 344002.
Phone: + 7 (863) 250-59-54
e-mail: terraeconomicus@mail.ru
<http://te.sfedu.ru/en/>
e-mail: te@sfedu.ru

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мамедов О.Ю. Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна – резекономизация!	6
--	---

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Вишневский В.П., Гончаренко Л.И., Гурнак А.В. Эволюция налоговых институтов и проблемы перехода к экономическому росту	14
Галазова С.С. Креативная сфера: проблемы рыночной трансформации	31

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Ниворожкина Л.И. Скрытые доходы домохозяйств: опыт эмпирического анализа	42
Мельников В.В. Становление системы правительственных закупок России на рыночных принципах	54
Белокрылова О.С. Совершенствование институциональных условий функционирования рынка государственных и муниципальных закупок в контексте снижения рисков	73

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аллиссон Ф. Н.И. Зибер – влиятельный ученый-одиночка	84
Расков Д.Е. Н.И. Зибер как кабинетный экономист-антрополог	92
Дубянский А.Н. Зибер и Воронцов о капиталистическом пути развития России	107

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Вольчик В.В., Фурса Е.В., Оганесян А.А., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Адаптивное поведение и институты в организации учебного процесса	119
--	-----

ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Ли Ю. Зарождение поэтической философии Маркса и ее направленность: переоценка ранней поэзии Маркса	142
Гаспаренене Л., Ремекене Р., Жиневичюс Р., Скука А. Критика теории цифровой теневой экономики: обзор литературы и новые основы	156

ОН ТАКОЙ ОДИН

Мэйнстринг Дж.М. Консультант	173
---	-----

EDITORIAL

Mamedov O.Y. What we need is re-economization, rather than re-industrialization!	6
---	---

CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY

Vishnevskiy V.P., Goncharenko L.I., Gurnak A.V. Evolution of tax institutes and transition towards economic growth	14
Galazova S.S. Creative industries: problems of market transformation	31

CURRENT ISSUES IN THE ECONOMIC PRACTICE

Nivorozhkina L.I. Hidden income of households: an empirical evidence	42
Melnikov V.V. The formation of Russian public procurement system on market principles	54
Belokrylova O.S. Enhancement of the institutional environment of public procurement market in the context of risk reduction	73

HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT

Allisson F. N.I. Sieber as a solitary but influent scholar	84
Raskov D.E. N.I. Sieber as an armchair economic anthropologist	92
Dubyansky A.N. Sieber and Vorontsov on the capitalist path of development of Russia	107

CHALLENGES FOR THE FIELD OF EDUCATION

Volchik V.V., Fursa E.V., Oganessian A.A., Krivosheeva-Medyantseva D.D. Adaptive behavior and institutions: examining the organization of higher education in Russia	119
---	-----

REVIVING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE

Li Y. The birth of Marx's poetic philosophy and its intention – revaluation of Marx's early poetry and its significance	142
Gasparėnienė L., Remeikienė R., Ginevičius R., Skuka A. Critical attitude towards the theory of digital shadow economy: literature review and new foundations	156

HE IS THE ONE!

Meinstring J.M. The consultant	173
---	-----

НАМ НУЖНА НЕ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, НАМ НУЖНА – РЕЭКОНОМИЗАЦИЯ!

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Кризисная ситуация в российской экономике имеет, по мнению автора, внутрискановое происхождение и, следовательно, преодолима в короткое время. Однако это требует нахождения таких мер, реализация которых гарантировала бы ее прорыв в технологические, экономические и социальные координаты XXI в. В связи с этим российские экономисты предлагают переход отечественной экономики на различные модели, отличающиеся концептуальной и инструментальной направленностью. Среди этих моделей повышенной общественной поддержкой пользуются разработки, главным вектором которых является консервация особенностей исторического и экономического пути развития российской экономики. Тем не менее все эти модели «особого развития» продолжают сохранять элемент экспериментальной непредсказуемости, право на которую, как полагает автор, российская экономика исчерпала в предшествующем столетии.

В противоположность этому автор обосновывает необходимость признания и реализации приоритета общеэкономических ценностей, уже доказавших в практике многих стран мира свою реальную социальную эффективность и базирующихся, по его мнению, на достижениях современной рыночной цивилизации. Автор высказывает опасение, что ставшая модной идея реиндустриализации придаст технократическое содержание неизбежно предстоящим преобразованиям. Концепции реиндустриализации он противопоставляет концепцию «реэкономизации», доказывая, что латентные изменения в российской экономике за постсоветский период подготовили ее к системной рыночной трансформации.

Основные разделы, смысловые блоки, части статьи – постановка проблемы, сущность реиндустриализации, диагноз российской экономики, необходимость реэкономизации как необходимость системного продолжения рыночных реформ.

Ключевые слова: реиндустриализация; диагностика состояния российской экономики; реэкономизация

WHAT WE NEED IS RE-ECONOMIZATION, RATHER THAN RE-INDUSTRIALIZATION!

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The crisis in the Russian economy has, as the author puts it, in-country origin, and therefore it can be overcome in a short time. However, breakthrough is needed to place Russia in the technological, economic and social coordinates which are relevant for the XXI century. Russian economists suggest various models of domestic economy which differ in their conceptual and instrumental orientations. Among these models, strong public support is given to those ones which are oriented toward conservation of historical and economic features of the "Russian path". Nevertheless, each of these models is of unpredictably experimental character, while Russia, as the author argues, has «exhausted» its right for experimental trials in the previous century.

In contrast, the author provides justification for general economic values which had already proven its relevance to the social efficiency, and which are seen as the basis for modern market civilization. The author is concerned that the idea of re-industrialization which has become popular nowadays, will emphasize the technocratic character for inevitably forthcoming reforms. The concept of "re-economization" is introduced in the paper as the viable alternative for the concept of re-industrialization. As the author puts it, due to latent change in the Russian economy that had taken place in post-Soviet period, the basis for systemic market transformation have already shaped.

The main points of the article involve the problem statement, explanation of the essence of re-industrialization, summary on the diagnosis of the Russian economy, and justification for the need for re-economization as the process of systemic market reforms.

Keywords: re-industrialization; diagnosis of the Russian economy; re-economization

JEL classifications: A11

TERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 4

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Каждое научное исследование выполняет функцию коллективной (индивидуальной) экспертизы какой-либо актуальной проблемы. В данной статье предпринята попытка «инициативной» экспертизы модной в последнее время идеи реиндустриализации нашей экономики.

Что ж, для такой инициативы имеется веская причина: реиндустриализация – почти принятая модель развития отечественной экономики на предстоящий посткризисный период.

Получается, что на мучивший нас все последние годы вопрос о том, **что же делать с экономикой**, – ответ, наконец, найден, и его можно выразить одним словом – **реиндустриализация!**

Но действительно ли реиндустриализация способна оздоровить состояние нашей экономики?

Из-под пера горячих приверженцев реиндустриализации как доктрины экономического развития вышло значительное число обосновывающих эту идею публикаций (Бодрунов, 2013a; 2013b; 2013c; 2014a; Глазьев, 2010; Глазьев и др., 1992; Мау, 2014; Научная сессия Общего собрания РАН..., 2009; Осипенко, 2013), ставящих главный вопрос – «Что происходит сегодня с российской экономикой? Почему, несмотря на наличие серьезной ресурсной базы, достаточно высокий интеллектуальный уровень кадров, усилия властей и т.д., и в отсутствие тех экономических санкций, о которых сейчас пошла речь, мы не видим значительных позитивных сдвигов?» – и прямо отвечающих на него – «Нынешняя рецессия в значительной степени является следствием состоявшейся глубокой деиндустриализации нашей экономики»¹. Но раз нашу экономику разрушила деиндустриализация, то и возродить ее должна..., правильно, – реиндустриализация как основа «экономической политики, представляющей собой набор конкретных мероприятий, должно стать восстановление роли и места промышленности в экономике страны в качестве ее базовой компоненты».

Да кто же против? Неужели у нас дефицит даже «набора конкретных мероприятий»? Ведь до сих пор ни один «набор» ничего не решил. Да и необходимых для современной реиндустриализации ресурсов у нас сегодня недостаточно, хотя С.Д. Бодрунов и отмечает: «У России, сейчас, к счастью, есть и значительные финансовые ресурсы для решения задачи реиндустриализации своей экономики. По этому поводу есть много статей и академика В.В. Ивантера, и академика А.Д. Некипелова, директора ИЭ РАН Р.С. Гринберга и других уважаемых коллег». Увы, статьи о деньгах не заменяют реальные деньги, тем более – доходоприносящие рыночные реформы.

*

Для проведения названной экспертизы нам сначала надо определить, что такое реиндустриализация и каков ее санационный потенциал, затем поставить диагноз проблем российской экономики, а потом уже совместить оба полученных результата, чтобы определить – может ли реиндустриализация решить проблемы российской экономики?

О СУЩНОСТИ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Экономическая суть реиндустриализации (то, в чем мы специалисты, а не технологическая, в чем мы не очень разбираемся²) – это стимулирование экономического роста за счет государственного бюджета, в целях модернизации устаревших и появления новых отраслей промышленности³. Выдвинувшаяся в центр внимания зарубежных экономистов тема реиндустриализации⁴ получила следующее теоретическое обоснование – «Проблемы индустриализации в 21 веке для многих стран предстают как задачи реиндустриализации, учитывающей специфические характеристики обраба-

¹ Здесь и далее цитируется статья (Бодрунов, 2014b).

² Технологическая суть реиндустриализации – «реформирование промышленности с учетом того, что искусственный интеллект и экологически чистые технологии стали новыми драйверами роста обрабатывающей промышленности, производящей “сервис-ориентированную” продукцию посредством широкого использования интернет-информационных технологий, отражающих новейшие тенденции в промышленном движении развитых стран мира» (Мок, 2015).

³ См.: Merriam-Webster. Dictionary (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/reindustrialization>); значительным событием для разработки экономической концепции реиндустриализации стал выход монографии Энгельберта Весткемпера, специально посвященной анализу реиндустриализации как инструмента противодействия сокращению объемов европейской промышленности, уменьшению ее способности наращивать добавленную стоимость, в условиях когда Европа потеряла более трети своего ВВП, который был основан главным образом на индустриальном производстве (Westkämper, 2014. S. 112); см. также (Tregenna, 2013).

⁴ Концепция реиндустриализации производства возникла как реакция на «перемещение рабочей силы и энергоемких отраслей промышленности, приведшее к потере многих рабочих мест и экспортных возможностей, которое не может быть преодолено восстановлением прежних, уже устаревших и неэффективных, производственных структур, а должно быть возрождено как новое и качественное промышленное развитие на базе высоких технологий и огромными инвестициями в человеческие ресурсы и научно-исследовательскую деятельность» (Prisecaru, 2015. S. 486).

тывающего сектора, что и превращает последний в двигатель экономического роста» (Szirmai et al., 2013).

Большинство публикаций о реиндустриализации, намеренно или стыдливо, но признают ее государственную сущность; в одной из статей автор обзора состояния российской экономики, отмечает «неоспоримый аргумент в пользу жесткого государственного контроля над процессом новой индустриализации экономики России» (Коцоев, 2011. С. 46), уточняя – «задача реиндустриализации может быть поставлена только государственным органом, способным обеспечить неукоснительное соблюдение последовательности шагов на этом направлении» (Коцоев, 2011. С. 48). И несть числа таким уточнениям. Поневоле возникает подозрение – уж не для противодействия ли рыночным реформам задумана технократическая идея «реиндустриализации»?

Но, позвольте, а чем же мы занимались последние 15 лет, если не этим же? И к тому же занимались так рьяно, что с 2005 по 2015 г., т.е. всего за 10 лет, аж **удвоили** присутствие государства в российской экономике – до 70(!)%!

«Бюджетная» природа реиндустриализации означает – если она на что и способна, так это довести «огосударствление» экономики до 100%. Но этим, так сказать, «достижением» мы уже были сыты по горло еще при советской власти.

Так стоило ли ради этого целому поколению куролесить по социальным буеракам, чтобы оказаться там, откуда оно вышло 25 лет назад? Тем более что реиндустриализация, понимаемая как бюджетное стимулирование экономического роста, – наша излюбленная политика, известная как «тотальная этатизация российской экономики».

Может ли это помочь нашей экономике? Вытащить ее из кризиса? Сделать конкурентоспособной? Ускорить экономический рост? Победить соперников на мировых рынках?

На все эти вопросы следует отрицательный ответ.

Но самый большой порок реиндустриализации заключается в том, что в ее модели основным источником роста национальной экономики по-прежнему остается государственный бюджет, и до сих пор другого источника не создано: известно, что бизнес так и не стал у нас не только ведущим, но даже самостоятельным сектором экономики, поскольку нередко за «бизнесом» скрывается все то же чиновничество. К тому же мы так часто наблюдали неэффективность расходования бюджета на разного рода амбициозные проекты и такие масштабы его расхищения (по последним данным до 50,5%⁵ нашей экономики «укрывается» от государства в тени), что бюджет, скорее, стал не источником, а тормозом экономического роста.

ДИАГНОЗ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В последние годы движение нашей экономики идет по кругу: от кризиса – к кризису. Судите сами.

1. В середине 1980-х гг. начался последний кризис советской экономики, ее и похоронивший; однако этим он не удовлетворился и еще четыре года терзал «младорыночную» российскую экономику, пока не обрушил и ее в «чёрный вторник» (11 октября 1994-го), когда экономика, а с ней и рубль рухнули уже по-настоящему; и только после этого экономика стала подавать признаки жизни. Этот кризис заслуживает особого комментария – подумать только: 10 лет (!) страну сотрясал системный экономический кризис, разваливший искусственную конструкцию административно-командной экономики и положивший начало ее единственной альтернативе – рыночной экономике, и только таким 10-летним «пинком» экономика вынудила наше начальство расстаться с «советской» квазиэкономикой.

2. Из кризиса 1985–1994 гг. российская экономика выкарабкивалась еще целых два года и показала первоначальный рост лишь в 1997 г.

⁵ Перов Е.К. Оценка теневой экономики России // Управление экономическими системами (<http://uecs.ru/uecs-75-752015/item/3395->)

3. И снова рухнула, на следующий, 1998 г., в кризис, который был преодолен только к 2004 г.

4. И едва показала рост, как уже в 2008-ом вновь свалилась в кризис, который был преодолен только к 2011-му.

5. Но уже через три года, в 2014-ом, начался новый кризис, который продолжается по настоящее время.

Ясно же, такое «хождение по кризисным мукам» долго продолжаться не может – профессиональные экономисты понимают, что экономика, которую каждые три–четыре года сотрясают кризисы, очень скоро повторит судьбу своей советской предшественницы.

Это постоянство переломов показывает, что дело не в каком-то конкретном кризисе. И мы должны, наконец, понять, что проблемы нашей экономики порождены тем, как она организована сегодня, что причины кризиса российской экономики заложены в самой ее организации, что нами создана диковинная, «кризисогенерирующая» организация экономики.

Сколько же еще должно произойти кризисов, чтобы мы это поняли?

И пока мы робко осознаем сложившуюся ситуацию, в самой российской экономике происходят опережающие наше осознание разительные перемены.

Эти перемены свидетельствуют о том, что российская экономика вступает – вопреки политиканствующим заклинаниям – в период ускоренной реставрации альтернативных теоретических и практических установок, тех установок, которые уже много лет преданы анафеме как «либеральные» ценности, но на самом деле – вовсе не из-за своего либерализма, а потому, что они опасны для нынешней кризисогенерирующей организации экономики.

К счастью, экономика – не та сфера, в которой идеологические барьеры могут хоть как-то воспрепятствовать осуществлению назревших объективных тенденций. Она преодолевала и не такие заграждения. Более того, если этим объективным экономическим тенденциям упорно мешать и дальше, то экономика сначала впадает в стагнацию, а потом просто взрывается системным кризисом.

*

О каких же переменах идет речь?

1. Длительный период мы мирились с зависимостью от экспорта сырья – сегодня же наша цель прямо противоположна.

2. Длительный период мы наращивали присутствие государства в экономике – сегодня даже высшие чиновники призывают к сокращению государственного вмешательства в экономику.

3. Длительный период мы препятствовали появлению гражданской экономики – сегодня даже принимаются чрезвычайные меры (вплоть до правительственной поддержки неправительственных организаций) для ее становления.

4. Длительный период мы не замечали, что растущие цены на энергоносители препятствовали развитию экономики, – сегодня даже их падение рассматривается не как смертный приговор «сырьевой экономике», а как объективный стимул построения высокотехнологичной несырьевой экономики.

5. Длительный период мы тормозили рыночные реформы – сегодня, даже маскируемые под названием «структурные реформы», они будут продолжены.

6. Длительный период мы радовались созданию гигантских государственных корпораций, рассматривали их как наше крупнейшее достижение – сегодня даже официально заявлено, что эта форма не имеет будущего в долгосрочной перспективе (и поэтому госкорпорации должны быть превращены в акционерные общества и переданы в частные руки).

7. Длительное время мы убеждали население, что политическая сфера уже перестала быть «местом для дискуссий», – сегодня даже политика официально признана сферой «открытой конкуренции идей».

Все это свидетельствует о том, что экономика вступает в новый период своего развития.

*

Реформы в новый период развития российской экономики требуют учета негативного опыта предшествующих преобразований.

1. Настоящая проблема вот в чем: вступит ли экономика в новый этап своего развития, так сказать, «в одиночку», вопреки желанию общества и власти, или – экономика, общество и власть объединятся в преобразовательном порыве?

2. Эффективность таких преобразований прямо зависит от их системности: невозможно, чтобы и дальше в экономике господствовала «чересполосица», когда преобразованные сферы соседствовали с непреобразованными.

3. Эффективность таких преобразований прямо зависит от их рыночной направленности: невозможно, чтобы и дальше в экономике рыночные сферы соседствовали с нерыночными.

4. Обновлению нашей экономики должно предшествовать обновление самого государства, остающегося основным субъектом российской общественной жизни. Не проведя кардинальных преобразований в государственных структурах, мы не изменим ничего!

В целом следует констатировать – российская экономика без проведения системных реформ рыночной направленности, без отказа от государственного протекционизма над всеми сферами экономики больше не выдержит.

Поэтому чем сильнее власть ополчается на либеральные реформы, на развитие рынка, чем больше упорствует уходу государства из экономики, чем ожесточеннее уничтожает ростки гражданского общества, тем безвыходнее становится ситуация.

НАМ НУЖНА НЕ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, А РЕЭКОНОМИЗАЦИЯ!

Полезность товара («потребительная стоимость») не имеет социального содержания (ее способен создать даже Робинзон), а вот стоимость – это ОБЩЕСТВЕННАЯ субстанция, как раз она-то нам и не дается. Мы можем все – на земле, в воде, в космосе, нам не под силу только одно – построить социальную систему, которая генерирует стоимость. Эта система называется **«рынок»**.

Именно из-за отсутствия рынка мы проигрываем стоимостную конкуренцию с другими странами. Поэтому – нравится или нет, но нам придется строить настоящую рыночную экономику, и делать это столько раз и до тех пор, пока мы ее не построим. Надо понять – если советская экономика была лжерыночной из-за *назначаемых цен*, то сегодняшняя российская впала в лжерыночность из-за *назначаемых предпринимателей* в силу всеобщности государственного протекционизма. Ни в первом, ни во втором варианте стоимость не может создаваться.

Все это позволяет завершить инициативную экспертизу следующим выводом: нашей экономике нужна не реиндустриализация, а – **РЕЭКОНОМИЗАЦИЯ**, т.е. продолжение рыночных реформ. Потому-то и **политическая экономия – базовая наука о создании стоимости** на основе реальной конкуренции – вновь сегодня становится для нашего общества ГЛАВНОЙ НАУКОЙ!

ЛИТЕРАТУРА

Бодрунов С.Д. (2013а). Российская трагедия – деиндустриализация отечественной экономики. СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 34 с.

Бодрунов С.Д. (2013б). Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / *Реиндустриализация: возможности и ограничения*: сб. мат. Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. М., с. 14–25.

Бодрунов С.Д. (2013с). Формирование стратегии реиндустриализации России. СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 680 с.

Бодрунов С.Д. (2014а). О необходимости и возможности реиндустриализации российской экономики: научный доклад. (Серия «Модернизация промышленности»). СПб.: Институт нового индустриального развития (ИНИР), 17 с.

Бодрунов С.Д. (2014б). Реиндустриализация экономики как стратегический приоритет развития России // *Экономика качества*, 4(8) (<http://eq-journal.ru/pdf/08/Бодрунов.pdf>).

Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 255 с.

Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. (1992). Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука.

Коцюев А.Г. (2011). Реиндустриализация экономики России: вопросы методологии // *Вестник АКСОР*, № 4(19).

Мау В.А. (2014). Глобальный кризис проходит через экватор // *Ведомости*, 3 февраля.

Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» (2009) // *Вестник РАН*, т. 79, № 3.

Осипенко А.С. (2013). Организационно-экономический механизм модернизации промышленных предприятий на основе трансфера технологий / Автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. СПб.

Mok Ch. (2015). What exactly is meant by 're-industrialization'? // *Hong Kong Economic Journal*, December 2 (<http://www.ejinsight.com/20151201-what-exactly-is-meant-by-re-industrialization/>).

Prisecaru P. (2015). EU reindustrialization on the coordinates of scientific and technical progress // *Procedia Economics and Finance*, no. 22 (<http://ac.els-cdn.com/S2212567115002439/1-s2. main.pdf/>).

Szirmai A., Naudé W. and Alcorta L. (eds.) (2013). Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms. Oxford Scholarship Online. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199667857.001.0001.

Tregenna F. (2013). Deindustrialization and Reindustrialization / In: Szirmai A., Naudé W. and Alcorta L. (eds.) Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms. Oxford Scholarship Online, pp. 76–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199667857.003.0003>.

Westkämper E. (2014). Towards the Re-Industrialization of Europe (A Concept for Manufacturing for 2030). Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

REFERENCES

Bodrunov S.D. (2013b). What should we do? Imperatives, opportunities and challenges of re-industrialization / In: *Reindustrialisation: possibilities and limitations*. Collected works of the Scientific Expert Council under the Chairman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, pp. 14–25. (In Russian.)

Bodrunov S.D. (2013c). Formation of the strategy of Russia's re-industrialization. Saint Petersburg: The Institute of new industrial development (INIR), 680 p. (In Russian.)

Bodrunov S.D. (2013a). Russian tragedy – de-industrialization of the national economy. Saint Petersburg: The Institute of new industrial development (INIR), 34 p. (In Russian.)

Bodrunov S.D. (2014a). On the necessity and possibility of re-industrialization of the Russian economy: a research report. («Industry Modernization» series). Saint Petersburg: The Institute of new industrial development (INIR), 17 p. (In Russian.)

Bodrunov S.D. (2014b). Re-industrialization of the economy as a strategic priority for Russia's development. *Ekonomika kachestva*, 4(8) (<http://eq-journal.ru/pdf/08/Бодрунов.pdf>). (In Russian.)

Glazyev S.Yu. (2010). Russia's strategy of advancing development under the global crisis. Moscow: Ekonomika Publ., 255 p. (In Russian.)

Glazyev S.Yu., Lvov D.S. and Fetisov G.G. (1992). The evolution of the technical and economic systems: capabilities and boundaries of centralized control. Moscow: Nauka Publ. (In Russian.)

Kotsoev A.G. (2011). Re-industrialization of the Russian economy: problems of methodology. *Journal of Research and Practice AKSOR Bulletin*, no. 4(19). (In Russian.)

Mau V.A. (2014). The global crisis goes through the equator: the shape of the postcrisis economy. *Vedomosti.ru*, February 3. (In Russian.)

Osipenko A.S. (2013). Organizational and economic mechanisms of modernization of industrial enterprises on the basis of technology transfer / Thesis abstract of the dissertation submitted in fulfillment of the scientific degree of Candidate in Economics: 08.00.05. Saint Petersburg. (In Russian.)

Scientific session of the General Meeting of the Russian Academy of Sciences «Scientific and technological forecast as the most important component of Russia's development strategy» (2009). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol. 79, no. 3. (In Russian.)

Mok Ch. (2015). What exactly is meant by 're-industrialization'? *Hong Kong Economic Journal*, December 2 (<http://www.ejinsight.com/20151201-what-exactly-is-meant-by-re-industrialization/>).

Prisecarua P. (2015). EU reindustrialization on the coordinates of scientific and technical progress. *Procedia Economics and Finance*, no. 22 (<http://ac.els-cdn.com/S2212567115002439/1-s2-main.pdf/>).

Szirmai A., Naudé W. and Alcorta L. (eds.) (2013). Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms. Oxford Scholarship Online. DOI 10.1093/acprof:oso/9780199667857.001.0001.

Tregenna F. (2013). Deindustrialization and Reindustrialization / In: Szirmai A., Naudé W. and Alcorta L. (eds.) Pathways to Industrialization in the Twenty-First Century: New Challenges and Emerging Paradigms. Oxford Scholarship Online, pp. 76–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199667857.003.0003>.

Westkämper E. (2014). Towards the Re-Industrialization of Europe (A Concept for Manufacturing for 2030). Springer-Verlag Berlin Heidelberg.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЛОГОВЫХ ИНСТИТУТОВ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Валентин Павлович ВИШНЕВСКИЙ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики промышленности НАН Украины,
г. Киев, Украина,
e-mail: vvishn@mail.ru;

Любовь Ивановна ГОНЧАРЕНКО,

доктор экономических наук, профессор,
руководитель Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного
регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: LGoncharenko@fa.ru;

Александр Владимирович ГУРНАК,

кандидат экономических наук, доцент,
департамент налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования
Финансового университета при правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: gurnak@rambler.ru

В статье предложено рассматривать налоговую систему через призму эволюции налоговых институтов (правил и инструментов), направляющих поведение экономических субъектов. Такой подход позволяет лучше обосновать выбор основных направлений реформ в данной сфере экономики России, которая традиционно характеризуется хозяйственной и социокультурной спецификой. В этой связи принципиальное значение имеет анализ не только формальных налоговых норм (законов, положений, инструкций и др.), но и норм неформальных, действующих в разных ветвях власти и на уровне самих налогоплательщиков.

Выполненный анализ показал, что в последние годы налоговая система РФ последовательно улучшалась, что нашло отражение в рейтинге легкости уплаты налогов от PricewaterhouseCoopers и World Bank Group. Однако существенное улучшение законодательства не сопровождалось столь же существенным улучшением ряда норм неформальных. Это, с одной стороны, объясняется фактором времени, необходимого для закрепления новых налоговых мемов, привычек и организационных рутин, а, с другой стороны, – особенностями российской среды хозяйствования, которая, в отличие от западной, традиционно характеризуется меньшей степенью транспарентности.

В настоящее время правительство предлагает различные меры в сфере налоговой политики, встроенные в контекст решения проблем бюджетной консолидации. Однако общая логика успешной налоговой эволюции требует иного подхода – концентрации на мерах налогового содействия научно-техническим

инновациям и инвестициям в развитие конкурентоспособной популяции про-активных экономических субъектов. Принципиальное значение при этом имеет соблюдение ранее объявленного обязательства не ужесточать налоговые правила, а также внесение таких усовершенствований, которые будут однозначно восприниматься экономическими субъектами как часть долгосрочной государственной стратегии развития.

Для улучшения налоговых институтов требуется также длительная позитивная общественная практика хозяйствования, основанная на сотрудничестве и поддержании обратных связей с политическими властями и правительственными органами, закладывающая фундамент для культивирования новых неформальных налоговых правил, благоприятных для ускоренного социально-экономического развития.

Ключевые слова: налоги; налоговая система; налоговая реформа; институционализм; эволюционная экономика

EVOLUTION OF TAX INSTITUTES AND TRANSITION TOWARDS ECONOMIC GROWTH

Valentyn P. VISHNEVSKYI,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Institute of the Economy of Industry of the NAS of Ukraine,
Kiev, Ukraine,
e-mail: vvishn@mail.ru;

Lybov I. GONCHARENKO,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Tax Policy and Customs Tariff Regulation,
Finance University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: LGoncharenko@fa.ru;

Aleksandr V. GURNAK,

PhD in Economics, Associate Professor
Tax Policy and Customs Tariff Regulation Department,
Finance University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: gurnak@rambler.ru

The paper proposes to consider the tax system in the light of the evolution of tax institutions (rules and instruments) guiding economic agents' behaviour. This approach makes it easier to justify the choice among the main directions of reforms in this sector of the Russian economy, which has traditional economic and socio-cultural specificities. In this context, it is very important to analyse not only formal tax rules (laws, regulations, instructions, etc..), but also informal rules used by different branches of government, tax authorities and taxpayers.

The analysis showed that in recent years the tax system of the Russian Federation has consistently improved, which was reflected in the dynamic of its position in Tax Paying Rating by PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group. However, the great tax legislation improvement has not been accompanied adequate changes of

informal tax norms. On the one hand, this is because it takes much time to form the new tax memes, habits and organizational routines, and, on the other hand, unlike in Western countries the economic environment in Russia has a lesser degree of transparency.

Currently, the Russian government proposes different measures of tax policy that could solve the problem of fiscal consolidation. However, the general logic of successful tax evolution requires a different approach connected with tax measures that promote scientific and technological innovation and investment in the development of competitive proactive economic actors population. In this case the fact that the Russian government follows the previously announced policy not to tighten tax, as well as it adopts only that improvements which will be clearly understood by economic actors as part of the long-term national development strategy is of fundamental importance.

To improve tax institutes also require long-term positive business practices based on cooperation and feedback from the political authorities and government bodies, which build a credible and solid foundation for cultivation of new informal tax rules in order to stimulate rapid socio-economic development.

Keywords: taxes; tax system; tax reform; institutionalism; evolutionary economics

JEL classifications: B52, H20, H30

Медленные темпы восстановления мировой экономики после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., для преодоления которого использовались преимущественно монетарные методы, возродили естественный интерес к применению альтернативного инструментария налогово-бюджетной политики (*The Economist*, 2016). Как считают Дж. Стиглиц и Х. Рашид, для ускорения роста мировой экономики «... требуется значительное увеличение государственных инвестиций в инфраструктуру, образование и технологии. Они должны финансироваться, по крайней мере частично, путем введения экологических налогов, включая налоги на выбросы углерода, а также налогов на монопольную и другие виды ренты, которые получили широкое распространение в рыночной экономике – и вносят огромный вклад в неравенство и медленный рост» (*Stiglitz and Rashid*, 2016). Специалисты МВФ также пришли к выводу, что: «В целом ряде стран необходимы инвестиции в инфраструктуру, которые должны быть привлекательными в условиях очень низких реальных процентных ставок. Страны, которые обладают фискальным пространством, не должны ждать, чтобы воспользоваться преимуществами такой ситуации. ... Целенаправленная налоговая реформа, даже нейтральная по отношению к бюджету, может создавать спрос, при одновременном повышении занятости и укреплении социальной сплоченности» (*International Monetary Fund*, 2016. P. xiv).

Но при этом аргументы против активизации фискальной политики остаются очень серьезными. Ее проведение обычно связывают с большими политическими издержками, длительностью процессов смены налогово-бюджетных программ, зачастую слабой реакцией экономических агентов на временные сокращения налогов, вытеснением частных инвестиций (особенно в условиях, когда экономика находится в состоянии близком к полной занятости), искажающим влиянием бюджетных дефицитов на экономические стимулы в связи с необходимостью повышения будущих налогов для их обслуживания, рисками инфляции, обусловленными налогово-бюджетными причинами и др. (*Feldstein*, 2009; *Frankel*, 2016).

Поэтому многое зависит от того, насколько успешно в конкретных условиях данной страны фискальные стимулы могут быть трансформированы в увеличение высокотехнологичного промышленного производства товаров и услуг, выступающего драйвером глобального экономического развития (ЮНИДО, 2013).

Недавние исследования показали, что в развитых странах строгая бюджетная консолидация сопровождалась меньшим экономическим ростом, чем можно было ожидать, особенно на ранних этапах кризиса, а фискальные мультипликаторы, напротив, оказались существенно большими, чем оценивали специалисты (Blanchard and Leigh, 2013), что является важным аргументом в пользу более активной фискальной политики.

Однако этот вывод, даже если он является справедливым, не может быть автоматически распространен на эмерджентные рынки, в том числе российский, где национальная инновационная система отстает от мировых лидеров (Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2016) и сложились специфические институты – формальные и неформальные нормы, которые определяют, в том числе сложный комплекс отношений государства к интересам экономических субъектов, а также то, как эти субъекты привыкли воспринимать государственную экономическую политику и доверять (не доверять) правительству.

Как отмечал еще Й. Шумпетер: «... ничто так ясно не отражает характер общества и цивилизации, как проводимая политическим сектором этого общества фискальная политика» (Schumpeter, 1954. P. 736). Современное российское общество отличается особым характером и требует существенного улучшения своей экономической сферы. Поэтому не удивительно, что споры о роли и направлениях реформирования налоговых правил и инструментов являются частью той широкой дискуссии, которая идет в России в связи с поиском надежных путей преодоления кризисных явлений в экономике. В этой связи целью настоящей работы является анализ эволюции налоговых институтов в России и обоснование путей их улучшения в контексте решения проблем перехода к стабильному экономическому росту.

1. Налоговые институты и их классификация

Современный институционализм включает несколько направлений и множество различных теорий. Вместе с тем важнейший концепт, на основе которого построена вся институциональная парадигма – это понятие института, а ее главная формула заключается в том, что «институты имеют значение», в том числе в налоговой сфере.

В классической работе Дж. Бреннана и Дж. Бьюкенена «К налоговой конституции для Левиафана» (1977) отмечено, что они анализируют «... конституционный выбор среди налоговых институтов. ... Иными словами, мы исследуем выбор индивида между налоговыми правилами и инструментами» (Бреннан и Бьюкенен, 2004. С. 449–450). Из этого видно, что налоговые институты мыслятся ими как налоговые правила и инструменты. При этом отмечается, что: «Налоговые институты обычно предназначены быть в разумных пределах постоянными составляющими политического строя: они создают контекст, в рамках которого в каждый период принимаются решения о предоставлении общественных благ» (Бреннан и Бьюкенен, 2004. С. 452).

Исходя из такой общей постановки вопроса, Т. Меркулова (Меркулова, 2005) обосновала положения о разделении налоговых институтов, их отношении друг к другу, т.е. о возможной иерархической упорядоченности. При этом отмечается, что налог и налогообложение представляют собой составные части одного института, который с равным основанием можно называть институтом налога и институтом налогообложения.

Институт налога имеет как формальную, так и неформальную стороны. Под формальным институтом налога предлагается понимать «систему правовых норм, упо-

рядочивающих налоговые отношения экономических агентов друг с другом и с государством» (Меркулова, 2005. С. 65). Автор выделяет четыре элемента внутренней структуры формального института налога: собственно налог, как норму отношений между экономическими агентами и государством по поводу финансирования его деятельности, а также механизмы начисления, взимания налогового платежа и обеспечения соблюдения правил и норм налогового законодательства. Неформальный институт налога рассматривается как «... не оформленные на законодательном уровне, но сложившиеся и реально действующие на практике нормы, правила и стереотипы поведения и взаимодействия, регулирующие налоговые отношения экономических агентов и государства» (Меркулова, 2005. С. 69).

В целом соглашаясь с приведенной трактовкой института налога, следует отметить, что объективно существует разделение налоговых институтов не только по признаку отношения к закону (на формальные и неформальные), но и в зависимости от их субъектов, а именно на налоговые институты законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти и непосредственно налогоплательщиков. Указанные группы налоговых институтов находятся в определенной иерархии и взаимозависимости и формируют целостную систему, так что налоговые институты каждого данного уровня диалектически связаны с институтами иных уровней и обуславливают формирование специфических налоговых правил и инструментов на каждом из них.

В основе этой системы находятся налоговые институты законодательных органов власти, которые включают не только весь корпус налогового законодательства, но также формальные и неформальные правила и нормы принятия налоговых законов. Формальные институты связаны с процедурами принятия коллективных решений законодательным органом. Неформальные институты образуют достаточно широкий спектр, от традиционных консультаций с юристами и богословами в исламских странах или же с авторитетными международными финансовыми организациями в развивающихся странах до широкого использования практики лоббирования и логроллинга в процессе принятия налоговых законов в странах с демократическими традициями (Гурнак, 2015). В этой связи важное значение имеют культурные и ценностные установки того или иного общества, определяющие роль и пределы использования налогов в конкретно-исторических социально-экономических реалиях, которые можно обозначить как налоговые менталитеты.

Налоговые институты органов исполнительной и судебной власти формируются на основе налоговых институтов законодательной власти. Различные инструкции, решения, определения, постановления, разъяснения налоговых и судебных органов, по сути, являются формальными налоговыми институтами данных ветвей власти, которые поддерживают налоговое законодательство. Вместе с тем на этом уровне возникают также неформальные институты, одни из которых (например, коррупция в налоговых органах, избирательное правоприменение в судебных органах) уменьшают налоговые поступления в бюджет, а другие (например, традиции транспарентности), напротив, могут способствовать улучшению собираемости налогов и обеспечению надежной обратной связи между правительством и экономическими субъектами.

Деятельность налогоплательщиков определяется прежде всего налоговыми институтами органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, но не только. На уровне налогоплательщиков также существуют свои специфические налоговые правила. Налоговое планирование и законная налоговая оптимизация служат примером таких институтов, которые не нарушают формальные нормы органов власти. В то же время традиции оппортунистического поведения экономических субъектов, связанного с уклонением от уплаты налогов, ведением двойной бухгалтерии и т.д., это такие неформальные правила, которые нарушают корпус законодательства и в той или иной

степени присутствуют в деятельности многих российских налогоплательщиков (*Майбуров, 2012*).

В зависимости от того, какие именно формальные и неформальные налоговые институты действуют в рамках налоговой системы того или иного государства, определяется не только эффективность функционирования этой системы, но и перспективы ее дальнейшего развития. В этой связи важно подчеркнуть динамичность налоговых институтов, тот факт, что со временем они постепенно меняются, эволюционируют. Это происходит через социальные процессы передачи налоговых мемов и привычек – на уровне индивидов; организационных налоговых рутин – на уровне организаций и общества, которые можно рассматривать как социальные репликаторы (единицы наследственности).

Мем (meme) – это «единица культурной информации, полученной через имитацию других людей» (*Hodgson, 2003. Р. 379*). Примерами мемов в налогообложении являются способы ухода от уплаты налогов, изначально найденные специалистами одного или нескольких предприятий, а затем быстро распространяемые посредством имитации по всей налоговой юрисдикции. Это явление имеет важное значение по той причине, что налоговое законодательство в принципе не может дать ответы на все возникающие в хозяйственной жизни вопросы, особенно в отношении таких сложных объектов, как прибыль и добавленная стоимость. Так что на практике всегда имеется потребность неформальной трактовки официальных налоговых норм. И если такая трактовка оказалась удачной, то она быстро становится частью налоговых институтов, характерных для данного региона и страны в целом.

Привычка (habit) – это «индивидуальная предрасположенность следовать ранее принятому или вновь приобретенному способу поведения, запускаемая специфическими стимулами» (*Hodgson, 2003. Р. 379*). Те же упомянутые способы ухода от уплаты налогов, применяемые неоднократно, становятся привычкой в налогообложении, т.е. «склонностью действовать особым образом в особом классе ситуаций» (*Becker, 2008. Р. 16*). Еще одним примером налоговой привычки является широко распространенный бухгалтерский принцип осторожности, когда финансовые специалисты на предприятиях в ситуации неопределенности предпочитают оценивать активы по низкой стоимости, а обязательства (в том числе налоговые) – по высокой.

Организационная рутина – это «организационная предрасположенность к запуску условных поведенческих паттернов в пределах организованной группы индивидов, включающая последовательное реагирование на команды» (*Hodgson, 2003. Р. 379*). Примером организационной налоговой рутины являются согласованные действия специалистов предприятия при работе с представителями налоговой администрации, которые обычно выполняются ими в случае налоговой проверки. В более широком смысле организационная рутина представляет собой порядок (религиозный, гражданский, хозяйственный), означающий предписания, в том числе обязательные (нормативные) о том, как действовать в той или иной ситуации (*Becker, 2008. Р. 6*). Например, нормы налогового законодательства – это предписания о том, как работники предприятия обязаны трактовать те или иные хозяйственные операции с целью налогообложения, что делать налоговой службе в случае, если налогоплательщик не вносит в полном объеме и в установленные сроки налоги в бюджет и т.д.

Описанный процесс эволюционных изменений налоговых систем имеет безвозвратный кумулятивный характер и часто приводит к росту сложности налоговых институтов, результатом чего может быть как улучшение, так и ухудшение исходной ситуации в том смысле, что налоговая система, даже хорошо приспособленная к местным условиям, может проигрывать с позиций международной конкуренции общественного сектора хозяйства и национальной экономики в целом.

В биологической эволюции в процессе естественного отбора известны случаи наследования свойств, которые решают локальную задачу передачи индивидуальных ге-

нотипов, но мешают воспроизводству вида в целом и ведут к его вымиранию. Аналогично и в общественной жизни возможна ситуация наследования неудачных правил, которые способствуют решению локальной задачи (например, минимизации налоговых обязательств посредством коррупции), но не создают необходимых предпосылок для решения более общей проблемы (создания удобной для экономических субъектов и одновременно фискально эффективной налоговой системы, функционирующей с минимальными издержками) (Samuelson, 1993). Эти обстоятельства важно учитывать при анализе долгосрочных тенденций развития налогов в конкретно-исторических условиях данной страны.

2. Анализ эволюции налоговой системы России на основе рейтинга легкости уплаты налогов (Paying Taxes)

Весьма важное для институционального анализа налоговых систем обстоятельство связано с разработкой и реализацией методик получения количественных оценок и сравнения эффективности институтов, в том числе и налоговых, в различных странах. Такие оценки и сравнения охватывают широкий спектр показателей – от коррупции и теневой экономики до этичности поведения фирм, включая также характеристики эффективности функционирования налоговых институтов.

Потребность в количественных оценках институтов возникла при составлении различных рейтингов, которые призваны соотносить возможности и ограничения ведения бизнеса в разных странах, перспективы инвестирования капитала с точки зрения конкурентоспособности той или иной национальной экономики в условиях глобализации и т.д. Вместе с тем надо учитывать, что подобного рода широкие международные сопоставления страдают тем методологическим недостатком, что сравнивают институты стран, относящихся к разным социокультурным традициям (например, христианской и исламской). Поэтому, не отрицая в принципе возможность такого технического анализа, следует принимать во внимание его ограничения и не всегда большую информативность.

Рейтингом, непосредственно связанным с эффективностью налоговых институтов, является рейтинг Paying Taxes от Price water house Coopers и World Bank Group. При составлении Paying Taxes учитываются значения трех показателей для каждой страны (PWC and World Bank Group, 2016. Pp. 99–104):

- 1) количество налоговых платежей;
- 2) время на выполнение налоговых обязательств;
- 3) налоговая ставка.

Показатель количества налоговых платежей характеризует общее число налогов и отчислений, метод уплаты, частоту уплаты, частоту подачи отчетности и количество ведомств, задействованных в процессе налогообложения некоторой обычной компании среднего размера на второй год ее работы. Он включает в себя также такие налоги, как налог с продаж, налог на добавленную стоимость и налоги на рабочую силу, уплачиваемые самими сотрудниками. Указанные платежи обычно удерживаются предприятием с потребителей или сотрудников от имени налоговых органов. И хотя они не влияют на отчеты о прибылях и убытках компаний, но увеличивают административное бремя, связанное с соблюдением требований налогового законодательства, а поэтому учитываются в показателе налоговых выплат.

Показатель количества платежей учитывает ситуацию в стране с подачей отчетности в электронной форме. Там, где допускаются полностью электронное декларирование и уплата налогов и этой возможностью пользуется большинство предприятий, считается, что налог уплачивается один раз в год, даже если фактически подача отчетности и платежи осуществляются чаще. В случае платежей, проводимых через третьи стороны, таких как выплачиваемый финансовым учреждением налог на проценты или налог на топливо, выплачиваемый компанией, которая продает топливо,

также учитывается только один платеж, даже если фактически платежи производятся чаще.

Время на выполнение налоговых обязательств учитывается в часах. Этот показатель отражает время, затраченное на подготовку, подачу отчетности и уплату трех основных видов налогов и отчислений: налога на доходы корпораций, налога на добавленную стоимость или налога с продаж и налогов на рабочую силу, включая налоги на фонд заработной платы и отчисления на социальное обеспечение. Время на подготовку включает время на сбор всей информации, необходимой для расчета подлежащего уплате налога, и определения суммы к оплате. Время на подачу отчетности включает время на заполнение всех необходимых форм налоговых деклараций и подачу соответствующих отчетов в налоговое управление. Также учитываются часы, необходимые для осуществления платежа в режиме онлайн или в налоговых органах. В странах, где налоги и отчисления уплачиваются лично, в расчет принимается время, потраченное на ожидание.

Общая налоговая ставка отражает размер налогов и обязательных взносов, входящих на компанию во втором году работы, выраженный в доле от ее коммерческой прибыли. Общая сумма налоговых платежей включает суммы всех видов налогов и отчислений, подлежащих уплате с учетом разрешенных вычетов и льгот. Налоги, удерживаемые предприятием (например подоходный налог) или собранные им и перечисленные налоговым органам (например, налог на добавленную стоимость, налог с продаж и др.), но бремя которых оно не несет, исключаются. А включаемые налоги можно разделить на пять категорий: прибыль или доходы корпораций; социальные отчисления и налоги на рабочую силу, выплачиваемые работодателем; налоги на имущество; налоги с оборота; прочие налоги (такие как муниципальные сборы, налог на транспортные средства, моторное топливо).

Динамика и составляющие рейтинга легкости уплаты налогов (Paying Taxes) в РФ в сравнении с динамикой рейтинга по индексу восприятия коррупции (Corruption Perception Index) за последние пять лет представлены в табл. 1.

Таблица 1

Отдельные показатели и позиции Российской Федерации в рейтингах Paying Taxes и Corruption Perception Index в 2011–2016 гг.

Показатель	Год					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Легкость уплаты налогов в РФ (ранг / число стран в рейтинге)	105/183	102/183	64/185	56/189	49/189	47/189
Количество налоговых платежей	11	9	7	7	7	7
Время, затрачиваемое на выполнение налоговых обязательств (часы)	320	290	177	177	168	168
Общая налоговая ставка (%)	46,5	46,9	54,1	50,7	48,9	47
Позиция РФ в рейтинге «Corruption Perception Index»	143	133	127	136	119	н/д

Источник: составлено по данным The World Bank and PwC и Transparency International.

Согласно данным рейтинга Paying Taxes налоговая система Российской Федерации характеризуется последовательным развитием, которое в целом заслуживает позитивной оценки, поскольку выполнять налоговые обязательства бизнесу в России стано-

вится легче. За последние шесть лет, в результате проводимых налоговых реформ и использования новых информационных технологий в сфере налогообложения, России удалось существенно улучшить свой рейтинг – подняться со 105 (рейтинг 2011 г.) до 47 в рейтинге 2016 г. Прогресс выглядит впечатляющим, если принять во внимание то, что еще в 2009 г. страна занимала 134 рейтинговую позицию.

Важной составляющей такой эволюции налоговой системы служит снижение количества налоговых платежей, которое должно осуществить в течение года типовое предприятие – всего лишь семь налоговых платежей, что более чем в три раза меньше, чем по данным рейтингов 2008–2009 гг. (22 платежа).

Позитивной оценки заслуживает также динамика показателя, характеризующего время, необходимое на выполнение налогоплательщиком налоговых обязательств. По сравнению с предшествующим рейтингом в 2015 г. этот показатель уменьшился на 9 часов в год (на 5%) и достиг минимального значения – 168 часов. В рейтинге 2016 г. значение этого показателя осталось на уровне прошлого года. В то же время по сравнению с 2011 г. затраты времени на выполнение налоговых обязательств в 2015–2016 гг. сократились практически вдвое.

Наименее благоприятно на общий рейтинг легкости уплаты налогов влияет динамика совокупных налоговых ставок, определяемых как отношение общей суммы (или суммы по отдельной группе) налогов к коммерческой прибыли типового предприятия. Совокупная налоговая ставка в рейтинге 2013 г. достигла максимального значения 54,1% и в последующие годы снизилась до 47%, что все еще выше, чем по данным рейтингов 2011 и 2012 гг. – 46,5 и 46,9%, соответственно.

Характеризуя структуру общей налоговой ставки, следует отметить, что наибольшая составляющая налогового бремени типового предприятия приходится на уплату налогов на доходы от труда. Их доля в общем налоговом бремени составила в рейтинге 2016 г. 35,6%, что немного превышает значение показателя в предшествующий год.

Таким образом, заметный прогресс в части формальных налоговых институтов налицо. Что же касается институтов неформальных, то в этом отношении ситуация хуже. Настораживает, в частности, тот факт, что явные улучшения в части легкости уплаты налогов не сопровождаются такими же существенными сдвигами в части индекса восприятия коррупции. Хотя в 2015 г. рейтинговая позиция страны улучшилась (Россия переместилась с 136 места на 119), но на самом деле количественная оценка восприятия коррупции изменилась незначительно (с 27 до 29 баллов). Вместе с тем очевидно, что налоговые институты и коррупция – это взаимосвязанные общественные явления.

Нынешний низкий уровень инвестиций в основной капитал – менее 20% ВВП при необходимых, по данным правительства, 25–27% – свидетельствует о том, что даже улучшенная в последние годы налоговая система в комплексе с другими хозяйственными институтами, существенно влияющими на поведение экономических субъектов, пока не смогла радикально изменить к лучшему деловой и инвестиционный климат в стране. Для выяснения причин такого положения дел важно обратиться к анализу более широкого комплекса факторов, определяющих институциональную среду функционирования экономики в целом и ее налоговой системы в частности.

3. Анализ влияния внешней институциональной среды на эволюцию налоговой системы России

Траектория развития налоговой системы определяется не только эволюцией налоговых правил и инструментов, но также в значительной мере зависит от параметров внешней институциональной среды. Для ее характеристики можно воспользоваться показателями, которые регулярно публикуются в рамках проекта по расчету индекса

глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index, GCI), выполняемому Всемирным экономическим форумом (*World Economic Forum, 2016*). Для определения GCI используется 21 индикатор, количественно характеризующий государственные (12) и частные (9) институты. Некоторые из этих индикаторов отражают влияние институциональной среды не только на конкурентоспособность национальных экономик в целом, но и на развитие их налоговых систем. К ним, в частности, можно отнести:

- права собственности. Этот показатель определяется по результатам опросов менеджеров высшего звена разных по размеру компаний по проблеме защиты прав собственности в их стране. Предельные значения диапазона значений показателя имеют следующую интерпретацию: 1 балл – права собственности определены нечетко и не охраняются законом, 7 баллов – права собственности четко определены и охраняются законом;
- общественное доверие к политикам. Показатель связан с оценкой уровня уверенности общества в нравственности деятельности политиков: 1 балл – очень низкая оценка, 7 баллов – очень высокая;
- незаконные выплаты и взятки. Значение показателя определяется по результатам ответов респондентов на вопрос о том, насколько распространены взятки и другие незаконные платежи фирм в связи: 1) с проведением операций по импорту или экспорту, 2) развитием общественной инфраструктуры, 3) уплатой налогов; 4) получением государственных заказов или лицензий, а также 5) вынесением благоприятных решений судов. Значение показателя, так же как и других, находится в диапазоне от 1 до 7 баллов, что соответствует градациям от «очень распространены» до «вообще не имеют места»;
- расточительство правительства. Значение показателя отражает оценку респондентами структуры бюджетных расходов в диапазоне от «абсолютно неэффективна» (1 балл) до «обеспечивает предложение необходимых в регионе товаров и услуг» (7 баллов);
- этичность поведения фирм. Этот показатель дает оценку того, насколько предприятия придерживаются формальных норм и правил, в том числе норм действующего законодательства, в своих отношениях с государственными служащими, политиками и другими предприятиями. Минимальное значение этого показателя означает, что ситуация в данной стране рассматривается как одна из худших в мире, и, наоборот, максимальное значение показателя свидетельствует о том, что предприятия стремятся строить свои отношения исключительно в соответствии с установленными формальными нормами и правилами.

В том случае, если государство недостаточно защищает права собственности, правительство неэффективно использует общественные финансовые ресурсы, а политики не заслуживают доверия, то, с одной стороны, вполне ожидаемой ответной реакцией со стороны бизнеса и граждан будет стремление отказаться от надлежащего выполнения своих налоговых обязательств. С другой стороны, если сами фирмы в своей финансово-хозяйственной деятельности будут пренебрегать своими обязанностями перед партнерами и государством, готовы использовать взятки для решения различных вопросов, то вряд ли такие их характеристики совместимы с профилем ответственного и честного налогоплательщика. Со временем такие нормы поведения через социальные репликаторы могут закрепиться и стать частью устойчиво неблагоприятной институциональной среды данной территории и государства.

На рис. 1 представлены количественные значения описанных выше индикаторов для России, Германии и Китая. Выбор этих стран для сравнения обусловлен Евразийским положением России, ее размещением в мировом Хартленде (*Mackinder, 1904*), граничащим, с одной стороны, с мировым Западом, а с другой – Востоком.

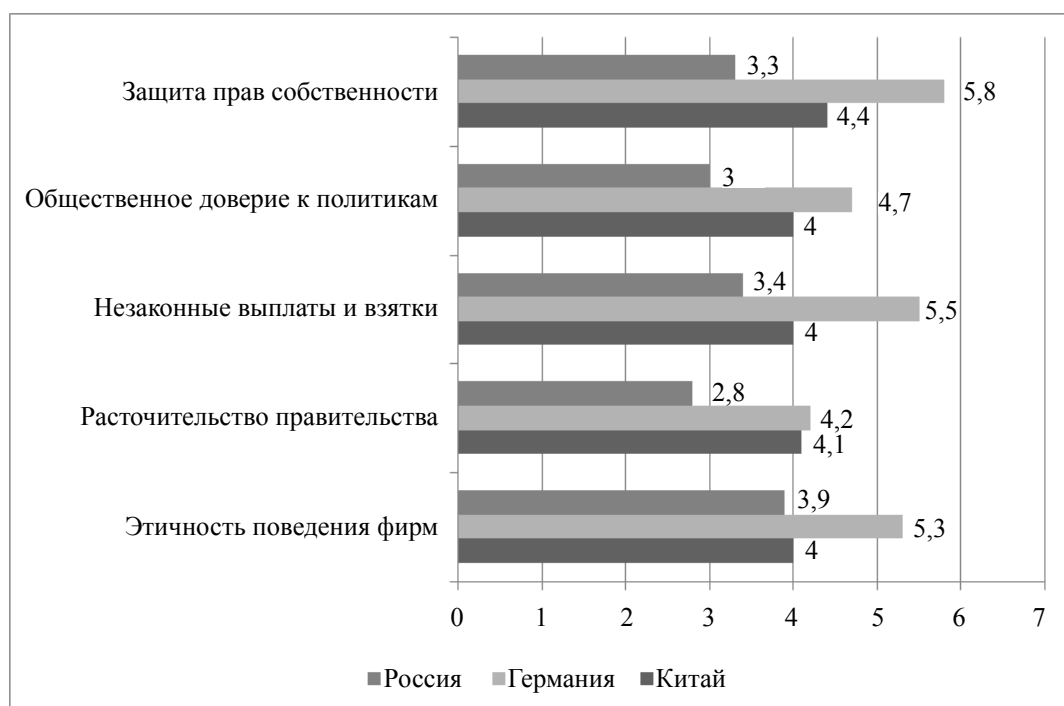

Рис. 1. Значения отдельных институциональных индикаторов по данным *The Global Competitiveness Report 2015–2016*

Источник: составлено по данным World Economic Forum

Как следует из рис. 1, при сравнении с представителем мирового Запада – Германией – значения всех рассматриваемых показателей для России значительно хуже. Особенно беспокойство вызывает тот факт, что российский бизнес, в отличие от германского, слабо доверяет политикам и полагает, что правительство неэффективно расходует собираемые налоги. Относительно низкие значения институциональных индикаторов РФ дают основания для опасений, что в такой внешней среде одного только улучшения налогового законодательства, в том числе направленного на борьбу с уклонением от налогов, будет недостаточно для того, чтобы обеспечить радикальное повышение эффективности системы общественных финансов.

Это с одной стороны. Однако, с другой, при сравнении с представителем мирового Востока – Китаем – оказывается, что ситуация не выглядит такой удручающей. Многие институциональные показатели Китая – многолетнего мирового лидера в сфере социально-экономического развития – ненамного лучше российских. Это еще раз подчеркивает важность того обстоятельства, что принципиальное значение имеет динамический эволюционный (популяционный) аспект проблемы. Доминирующие налоговые нормы могут быть малоэффективными с позиций обычной статической неоклассической экономической оценки затрат и результатов. Но если эти нормы в процессе социальной эволюции были адаптированы к потребностям данной социально-территориальной общности таким образом, что позволяют ей повышать благосостояние населения и расширять свое влияние в мире, значит, они в целом успешно выполняют свои функции и эволюция идет по правильному пути.

В последние десятилетия КНР успешно решает свои проблемы. Сфера и сила влияния китайской экономики, несмотря на очевидные противоречия и трудности роста (в том числе проблемы фондового рынка), будут, по-видимому, возрастать и далее. С позиций долгосрочной перспективы РФ также в целом идет по правильному пути – России удалось восстановиться после распада СССР, поднять ВВП на душу населения до уровня 24 тыс. долл. в 2015 г. (constant 2011 international \$, с учетом паритета покупательной

способности) по сравнению с 14 тыс. долл. в 2000 г. (по данным the World DataBank), войти в число пяти главных эмерджентных экономик мира – группы БРИКС, позиционирующей себя в качестве альтернативного центра силы. С учетом положительной динамики показателей Paying Taxes это свидетельствует о том, что генеральное направление развития налоговой системы РФ, по-видимому, выбрано правильно. Тем не менее нынешние сложные проблемы с экономическим ростом, обусловленные в том числе ограничениями монетарной политики, тесно связанной с политикой фискальной, говорят о том, что активную работу по ее совершенствованию следует продолжить.

Первое, стратегическое, направление развития налоговой системы РФ – это планомерная работа в русле содействия долгосрочному экономическому росту на инновационной основе за счет соответствующей трансформации фискальной структуры и переноса акцентов с налогообложения результатов производства (прибыли и доходов) на налогообложение используемых ресурсов, прежде всего природных, и реализации принципов «зеленой» налоговой реформы (*OECD, 2011. P. 17*), а также содействия решению фундаментальных институциональных проблем российской экономики, связанных со слабостью конкурентной среды, избирательным правоприменением, коррупцией и др.

И второе, тактическое, но наиболее актуальное в настоящее время, это налоговые меры по наращиванию инвестиций в обновление реального сектора экономики, импортозамещению и увеличению несырьевого экспорта, укреплению барьеров для вывоза капиталов, т.е. принятие мер, необходимых для преодоления рецессии.

В настоящее время в связи с общей не самой лучшей экономической ситуацией в стране, федеральный бюджет сводится с дефицитом, что накладывает определенные ограничения на возможности активной налоговой политики. Для его уменьшения правительство использует средства суверенных фондов, размещенные на валютных счетах в Банке России, что при прочих равных условиях приводит к накоплению рублевых активов населением и предприятиями. При этом «... по состоянию на 1 июля 2016 г. темп роста денежной массы (как раз и демонстрирующий уровень рублевых активов у экономических агентов) ускорился до 12,3%, причем, в условиях стагнирующего кредитования ключевым фактором роста этого показателя стал именно дефицит бюджета (дефицит бюджета означает равный по размеру профицит остальной экономики)» (*Орешкин, 2016*).

Банк России считает необходимым изымать, абсорбировать эту ликвидность, предотвращая тем самым проинфляционные траты со стороны бюджета. Министерство финансов РФ, в свою очередь, для постепенного уменьшения дефицита бюджета прорабатывало различные варианты фискальных мер: повышение ставок всех основных налогов (НДФЛ, на прибыль, НДС) на 1 подп.; или введение прогрессивной ставки НДФЛ и отмена верхнего порога для страховых взносов; или снижение ставки страховых взносов при одновременном повышении НДС (так называемая «фискальная девальвация», призванная снизить издержки на труд за счет увеличения налогов на конечное потребление) и др.

Специалисты Банка России считают, что снижение дефицита бюджета и абсорбция ликвидности позволят снизить инфляцию до 4%, а это обусловит значительный рост инвестиций в экономику, поскольку такой уровень инфляции комфортен для «длинных денег». Но, разумеется, сама по себе низкая инфляция не гарантирует частных инвестиций, тем более, если государство будет нарушать уже имеющиеся договоренности, вынуждая инвесторов руководствоваться «коротким» политическим горизонтом планирования вместо «длинного» экономического. В декабре 2014 г. на высшем уровне политического руководства РФ было публично заявлено о введении моратория на повышение налоговой нагрузки в ближайшие 4 года и необходимости фиксации сложившихся на тот момент налоговых условий. Очевидно, что это обязательство нужно выполнять, несмотря на все возникающие вновь проблемы. Поскольку «длинные»

налоговые правила и произрастающие на их почве институты взаимного доверия органов власти и экономических субъектов формируют стратегические преимущества, которые важнее любых временных выигрышей от налоговых маневров правительства, нацеленных на решение текущих задач.

И кроме того, все рублевые активы абсорбировать не обязательно. Лучше содействовать их трансформации в инвестиции, причем не обязательно государственные, чреватые коррупцией. В арсенале государственных инструментов налогового регулирования экономики имеются и такие, которые нацелены на стимулирование частной инициативы. Одним из важных шагов в этом направлении может стать принятие комплекса мер по усилению налоговых стимулов для инноваций и инвестиций. Например, в концепции «Экономики роста» Столыпинского клуба предлагается использовать: налоговый зачет на 25% от стоимости купленного нового оборудования по всем видам налоговых платежей (включая НДС) и импортных пошлин; ускоренную амортизацию оборудования, произведенного в РФ, со сроком, назначаемым самим предприятием, на сумму до 150% его стоимости; облегченный регулятивный режим доказывания, обеспечивающий исполнение принятых решений по отнесению всех расходов на НИОКР на издержки производства с выводом их из-под налогообложения (*Stolypinsky.club, 2016*).

Выводы

1. В период после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. во многих странах мира фискальная политика, в отличие от монетарной, применялась не так активно и часто сводилась к мерам бюджетной консолидации. Однако достигнутые во многих случаях скромные результаты вновь выдвинули на повестку дня вопросы активизации налогово-бюджетного стимулирования экономического развития. Эта проблема в полной мере касается экономики РФ, которая, по разным причинам, имеет проблемы со структурной модернизацией, связанной с отходом от модели сырьевого экспорта и переходом на траекторию стабильного экономического роста, ведомого научно-техническими инновациями. В этой связи правительство и экспертное сообщество рассматривают различные варианты изменения налоговой политики, способные смягчить имеющиеся бюджетные ограничения и придать новый импульс развитию реального сектора хозяйства.

Правильному решению этой важной задачи способствует понимание налоговой системы не просто как совокупности налогов и других обязательных платежей, но как комплекса налоговых институтов (правил и инструментов), направляющих поведение экономических субъектов. Такой подход позволяет лучше обосновать выбор основных направлений реформ в данной сфере российской экономики, которая традиционно характеризуется особой средой хозяйствования, обусловленной в том числе социокультурной спецификой. В этой связи принципиальное значение имеет анализ не только формальных налоговых норм (законов, положений, инструкций и т.п.), но и норм неформальных, действующих в разных ветвях власти (законодательной, исполнительной и судебной) и на уровне самих налогоплательщиков.

2. Как свидетельствуют результаты анализа динамики и структуры рейтинговой оценки Paying Taxes от PricewaterhouseCoopers и World Bank Group, по крайней мере последние 6 лет налоговая система РФ показывала положительные результаты. Показатели легкости уплаты налогов существенно улучшились – Российская Федерация переместилась со 105-го места в рейтинге 2011 г. на 47-е в рейтинге 2016 г. Теперь типичному российскому предприятию для того, чтобы выполнить налоговые обязательства, требуется вносить небольшое количество налоговых платежей – семь, затрачивая на это в среднем ≈170 часов в год. Вместе с тем весьма сложной остается проблема высокой налоговой нагрузки на типичное предприятие – около 50% получаемой прибыли.

Однако существенное улучшение формальных налоговых норм, обусловленное успешными действиями политиков и чиновников, не сопровождалось параллельным и

столь же существенным улучшением ряда норм неформальных. Это, с одной стороны, можно объяснить инерционностью неформальных институтов, значительным промежутком времени, необходимым для изменения, распространения и закрепления новых налоговых мемов, привычек и организационных рутин. С другой стороны, следует принимать во внимание реалии российской среды хозяйствования, которая, в отличие от западной, традиционно характеризуется меньшей степенью транспарентности.

3. Поэтому институциональный подход нельзя ограничивать только техническим анализом показателей Paying Taxes. Следует также принимать во внимание более широкий политико-экономический и социокультурный контекст, а именно, что в России еще не преодолено избирательное правоприменение, функционирует большой теневой сектор хозяйства, обусловленный, в том числе, устойчивыми традициями коррупции и уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов, наблюдается низкий уровень налоговой морали и др. Все это создает повышенную налоговую нагрузку на те хозяйствующие субъекты, которые стремятся честно платить налоги, искажает условия конкуренции и генерирует излишние транзакционные издержки хозяйствования. Изменить такую институциональную среду одним совершенствованием законов невозможно. Очевидно, что для этого нужна длительная позитивная общественная практика хозяйствования, основанная на сотрудничестве и поддержании надежных обратных связей с политическими властями и правительственными органами, на прозрачном формировании и успешной реализации государственных социально-экономических программ, совместных публично-частных проектов и т.д., и последовательное культивирование на этой основе комплекса новых неформальных «длинных» правил, благоприятных для ускоренного социально-экономического развития.

При этом важно понимать, что Россия, по-видимому, никогда не сможет достигнуть той транспарентности, слаженности и четкости механизма действия налоговых институтов, которые характерны для западных стран, по той очевидной причине, что евразийская социокультурная традиция существенно отличается от традиции западной. Но в этом нет ничего страшного. Эволюция институтов, как это подтверждает опыт Китая, строящего социализм с китайской спецификой, может быть успешной только в привязке к конкретным обстоятельствам места и времени. Поэтому, в принципе, учитывая относительно успешное развитие экономики РФ в последние 15 лет, а также динамику показателей Paying Taxes, можно утверждать, что в целом развитие налоговой системы РФ идет в правильном направлении.

4. Это не означает, что задача дальнейшего совершенствования налоговых инструментов и правил, особенно неформальных, может потерять свою остроту. Напротив, долгосрочный стратегический путь развития налоговой системы РФ должен предусматривать последовательную и планомерную работу по ее структурному совершенствованию и налоговому содействию в решении известных фундаментальных институциональных проблем российской экономики, но только, разумеется, с учетом евразийской социокультурной специфики.

Учитывая сложившиеся в последние годы неблагоприятные экономические обстоятельства, правительство предлагает различные меры в сфере налоговой политики, встроенные в контекст решения проблем бюджетной консолидации. Однако общая логика успешной налоговой эволюции требует иного подхода – концентрации на мерах налогового содействия научно-техническим инновациям и инвестициям в развитие реального сектора экономики, представленного конкурентоспособной популяцией проактивных экономических субъектов. Принципиальное значение при этом имеет не быстрый финансовый результат (хотя он также очень важен в связи с нынешними проблемами бюджетной несбалансированности), а, как минимум, соблюдение ранее объявленного обязательства не ужесточать налоговые правила. А еще лучше, чтобы их текущие изменения однозначно воспринимались экономическими субъектами как часть долгосрочной государственной стратегии развития, предусматривающей в том

числе последовательное взаимовыгодное улучшение условий хозяйствования, основанное на высоких моральных стандартах. Ибо, хотя последние «... дают мало преимущества индивиду и его потомству или вовсе не дают его по сравнению с другими людьми того же племени», но «... развитие высоких моральных стандартов, несомненно, дает огромное преимущество одному племени над другим» (*Darwin, 1871. P. 166*).

5. Обоснование конкретного состава таких налоговых мер, а также их успешное применение на практике требуют, в свою очередь, организации постоянного открытого честного диалога и сотрудничества органов власти различных уровней и экономических субъектов. Если же благодаря публично-частному партнерству удастся выработать такие налоговые правила и найти такие налоговые инструменты, которые в сложившихся условиях помогут существенно повысить предпринимательскую активность и переломить нынешние неблагоприятные тенденции развития, то это придаст большую устойчивость и конкурентоспособность как налоговой системе, так и экономике РФ в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. (2004). К налоговой конституции для Левиафана / В кн.: Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор, т. 4. СПб.: Экономическая школа, с. 449–476.

Гурнак А.В. (2015). Институциональные аспекты развития налоговых систем // *Вопросы теории и практики налогообложения: Сб. науч. статей*, вып. 12 / под ред. д.э.н., проф. Гончаренко Л.И. М.: Дашков и Ко, с. 34–41.

Майбуров И.А. (2012). Массовый оппортунизм налогоплательщиков как следствие отсутствия в нашем обществе налоговой морали // *Налоги и финансовое право*, № 9, с. 179–192.

Меркулова Т.В. (2005). Формальный и неформальный институт налога: взаимосвязи и противоречия // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*, вып. 91, с. 64–70.

Орешкин М. (2016). Минфин объясняет «жесткую» политику ЦБ (<http://www.vesti-finance.ru/articles/73689/print> – accessed 3 Oct. 2016).

ЮНИДО. (2013). Лимская декларация. Путь к достижению всеохватывающего и устойчивого промышленного развития. 15 Генеральная конференция ЮНИДО, Лима-Перу, 2–6 декабря.

Becker M. (ed.) (2008). *Handbook of Organizational Routines*. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Limited.

Blanchard O. and Leigh D. (2013). *Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers* // *IMF Working Paper, Research Department*, WP/13/1, 42 pp.

Cornell University, INSEAD, and WIPO. (2016). *The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation*. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva.

Darwin C. (1871). *The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex*, vols. 1 and 2. New York: Appleton.

Feldstein M. (2009). The Case for Fiscal Stimulus // *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/print/the-case-for-fiscal-stimulus> – accessed 10 Sep. 2016).

Frankel J. (2016). Rediscovering Fiscal Policy at the G7 // *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/focus-on-fiscal-policy-at-g7-by-jeffrey-frankel-2016-05> – accessed 10 Sep. 2016).

Hodgson G. (2003). The mystery of the routine. The Darwinian destiny of an evolutionary theory of economic change // *Revue economique*, vol. 54, no. 2, pp. 355–384.

International Monetary Fund (2016). *World Economic Outlook: Too Slow for Too Long*. April. Washington.

Mackinder H. (1904). The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 421–437.

OECD (2011). *OECD's Current Tax Agenda – Centre for Tax Policy and Administration*.

PWC, World Bank Group (2016). Paying Taxes 2016. 10th edition.

Samuelson P. (1993). Altruism as a Problem Involving Group versus Individual Selection in Economics and Biology // *The American Economic Review*, vol. 83, no. 2, pp. 143–148.

Schumpeter J.A. (1954). History of Economic Analysis. Allen & Unwin (Publishers) Ltd.

Stiglitz J. and Rashid J. (2016). What's Holding Back the World Economy? // *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/whats-holding-back-the-global-economy-by-joseph-e--stiglitz-and-hamid-rashid-2016-02> – accessed 4 Sep. 2016).

Stolypinsky.club (2016). Report «The Economy of Growth» // *Stolypin Club* (<http://stolypinsky.club/economica-rosta/> – accessed 3 Oct. 2016). (In Russian.)

The Economist (2016). Out of ammo? Central bankers are running down their arsenal. But other options exist to stimulate the economy (<http://www.economist.com/node/21693204/print> – accessed 9 Oct. 2016).

World Economic Forum (2016). Global Competitiveness Report 2015–2016 (<http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/> – accessed 9 Oct. 2016).

REFERENCES

Brennan G. and Buchanan J. (2004). Towards a Tax Constitution for Leviathan / In: Milestones in Economics. Welfare Economics and Public Choice, vol. 4. Saint Petersburg School of Economics, pp. 449–476. (In Russian.)

Gurnak A.V. (2015). Institutional aspect of tax systems development. *Issues of taxation theory and practice*, vol. 12. Moscow: Dashkov i Ko., pp. 34–41. (In Russian.)

Maiburov I.A. (2012). Mass opportunism of taxpayers as a consequence of lack of tax morale in our society. *Taxes and Financial Law*, no. 9, pp. 179–192. (In Russian.)

Merkulova T.V. (2005). Formal and informal institutions of tax: interconnections and contradictions. *Scientific Papers of DonNTU: Economics*, no 91, pp. 64–70. (In Russian.)

Oreshkin M. (2016). Minfin explains strict policy of Central Bank (<http://www.vestifinance.ru/articles/73689/print> – accessed 3 Oct. 2016). (In Russian.)

UNIDO (2013). Lima Declaration: Towards inclusive and sustainable industrial development – Fifteenth Session of the UNIDO General Conference, Lima, Peru, 2–6 December. (In Russian.)

Becker M. (ed.) (2008). Handbook of Organizational Routines. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Limited.

Blanchard O. and Leigh D. (2013). Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers. *IMF Working Paper, Research Department*, WP/13/1, 42 pp.

Cornell University, INSEAD, and WIPO. (2016). The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva.

Darwin C. (1871). The Descent of Man, and Selection in Relation to Sex, vols. 1 and 2. New York: Appleton.

Feldstein M. (2009). The Case for Fiscal Stimulus. *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/print/the-case-for-fiscal-stimulus> – accessed 10 Sep. 2016).

Frankel J. (2016). Rediscovering Fiscal Policy at the G7. *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/focus-on-fiscal-policy-at-g7-by-jeffrey-frankel-2016-05> – accessed 10 Sep. 2016).

Hodgson G. (2003). The mystery of the routine. The Darwinian destiny of an evolutionary theory of economic change. *Revue economique*, vol. 54, no. 2, pp. 355–384.

International Monetary Fund (2016). World Economic Outlook: Too Slow for Too Long. April. Washington.

Mackinder H. (1904). The Geographical Pivot of History. *The Geographical Journal*, vol. 23, no. 4, pp. 421–437.

OECD (2011). OECD's Current Tax Agenda – Centre for Tax Policy and Administration.

PWC, World Bank Group (2016). Paying Taxes 2016. 10th edition.

Samuelson P. (1993). Altruism as a Problem Involving Group versus Individual Selection in Economics and Biology. *The American Economic Review*, vol. 83, no. 2, pp. 143–148.

Schumpeter J.A. (1954). *History of Economic Analysis*. Allen & Unwin (Publishers) Ltd.
Stiglitz J. and Rashid J. (2016). What's Holding Back the World Economy? *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/whats-holding-back-the-global-economy-by-joseph-e--stiglitz-and-hamid-rashid-2016-02> – accessed 4 Sep. 2016).

Stolypinsky.club (2016). Report «The Economy of Growth». *Stolypin Club* (<http://stolypinsky.club/economica-rosta/> – accessed 3 Oct. 2016). (In Russian.)

The Economist (2016). Out of ammo? Central bankers are running down their arsenal. But other options exist to stimulate the economy (<http://www.economist.com/node/21693204/print> – accessed 9 Oct. 2016).

World Economic Forum (2016). Global Competitiveness Report 2015–2016 (<http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/> – accessed 9 Oct. 2016).

КРЕАТИВНАЯ СФЕРА: ПРОБЛЕМЫ РЫНОЧНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Светлана Сергеевна ГАЛАЗОВА,

доктор экономических наук, профессор,
Северо-Осетинский государственный университет,
г. Владикавказ, Россия,
e-mail: nosu@nosu.ru

Развитие экономики характеризуется не только возникновением новых отраслей, но и усложнением механизма их вхождения в сферу общественного производства. Поскольку в современной экономике преобладают рыночные формы, то и креативная сфера может приобрести статус необходимого элемента современной экономики в той мере, в какой она оформилась как особый, креативный, рынок. Основная проблема состоит в том, что рыночная форма обычно не соответствует природе и результату творческой деятельности. Настоящая статья посвящена рассмотрению комплекса теоретических и практических проблем, связанных с рыночной трансформацией традиционных форм организации креативной деятельности. Автор показывает, что рыночное преобразование креативной сферы предполагает становление трех базовых элементов возникающего рынка креативных товаров и услуг – устойчивого спроса, стабильного предложения и свободного ценообразования на товарную продукцию креативного труда. Автор приходит к выводу о том, что развитие креативной экономики приобретает исключительное значение для российских регионов (особенно – для Северного Кавказа, геополитическое положение которого объективно вынуждает сопоставлять экономический уровень развития данного региона с уровнями экономического развития государств южно-кавказского региона, а также близлежащих регионов Российской Федерации). Целенаправленное развитие отраслей креативной экономики на Северном Кавказе рассматривается автором как реальный шанс ощутимо минимизировать дотационную составляющую в механизме функционирования и финансирования северокавказской экономики, а также улучшить положение с занятостью трудоспособного населения в сложившейся в данном регионе относительной трудоизбыточной ситуации.

Ключевые слова: креативная экономика; творческие профессии; региональное пространство креативных сфер; особенности становления креативной экономики на Северном Кавказе

CREATIVE INDUSTRIES: PROBLEMS OF MARKET TRANSFORMATION

Svetlana S. GALAZOVA,

Doctor of Economics, Professor,
North Ossetia State University,
Vladikavkaz, Russia,
e-mail: nosu@nosu.ru

Economic development is characterized not only by emergence of new industries and increasing complexity of the mechanism of their integration with social production. Since the market forms of organization prevail in modern economy, the creative industries are able to receive the status of an essential element of the modern economy and form a «creative market». The main problem is that the market form usually does not correspond to the nature and results of creative activity. The paper deals with the complex theoretical and practical problems associated with the market transformation of traditional forms of organization of creative activity. The author shows that the market transformation of creative scope involves formation of the three basic elements of the emerging market of creative goods and services: sustainable demand, stable supply and free pricing. The author concludes that development of creative economy is of utmost importance for the Russian regions (especially – for the North Caucasus, where the geopolitical factors show necessity to link the economic situation in the region with the situation of neighboring regions). Targeted development of sectors of the creative economy in the North Caucasus is seen by the author as the real factor to significantly minimize the subsidized component in the North Caucasus economy.

Keywords: creative economy; creative professions; regional creative industries; special features of the creative economy in the North Caucasus

JEL classifications: L00

1. Постановка проблемы

Как отмечается в аналитическом исследовании «Креативная экономика: основные понятия, обзор литературы и основные положения», термин «творческая индустрия» впервые появился в экономическом исследовании в 1998 г. и должен был служить в качестве исходной основы для политики креативного развития в Великобритании; с 2001 г. этот неологизм быстро распространился по всему миру; в 2008 г. список названной тематики насчитывал более чем 150 исследований, проведенных только в Европе (*The Policy Research Group, 2013. Pp. 12–13*).

Среди наиболее значимых современных разработок по проблемам рыночного развития креативной сферы необходимо отметить следующие – монетарные аспекты креативной экономики (*Howkins, 2013*), оценка проведенных исследований по креативной экономике (*Carr, 2009; Frosio and Derclaye, 2014*), взаимодействие креативной экономики и окружающей среды (*Luckman, 2015*), занятость и динамика пространственного размещения креативной индустрии (*Lee and Rodríguez-Pose, 2014*), зависимость благосостояния от креативных профессий (*Bakhshi et al., 2015; Bakhshi et al., 2013*), новый вектор финансов: зарабатывать деньги, работать для искусства (*Fujiwara, Dolan and Lawton, 2015*).

Значительный вклад в развитие теории креативной экономики внесли российские экономисты, которые, в частности, особое внимание уделяют таким аспектам, как сущность, проблемы становления и основные тенденции развития креативной экономики (*Грузинов и др., 2010; Быкова, 2011*); особенности формирования и использования человеческих ресурсов в экономике креативного типа (*Степанов и др., 2014*); теоретические характеристики креативного производства как неэкономике (*Бархатов, Журавлева, 2011*); креативная сфера как эпоха, выходящая за пределы экономического общества (*Иноземцев, 1998; Якунин и др., 2012*); креативная сфера как новая организация рыночной экономики (*Думная, 2009; Горн, 2009*).

Возникновение креативной сферы явилось следствием интеграции производства (цифровой революции) и социума (общественных сетей), в результате чего появился принципиально новый канал массового сбыта креативной продукции. В итоге экономика обрела инновационный инструмент расширения сферы выхода на массового покупателя, что позволяет констатировать возникновение креативного маркетинга как «креативной бизнес-модели». В этой ситуации любое техническое новшество будет сопровождаться цепочкой непредсказуемых долгосрочных экономических последствий, отставание в освоении которых способно отбросить национальную экономику на уровень «доцифровой» эпохи. Это значит, что спецификой рынка креативной продукции является стабильный характер формирования спроса на товарную продукцию креативного рынка. Кроме того, макроэкономическая значимость спроса на креативные товары и услуги определяется тем, что он удовлетворяется преимущественно за счет внутреннего рынка. Не менее важно и то, что такой спрос остается устойчивым по стоимостному объему, вне зависимости от текущей фазы кризисного цикла. Это позволяет оценить для национальной экономики – и рынок креативной продукции, и спрос на такую продукцию, как факторы антикризисной направленности.

Что касается предложения на рынке креативных услуг, то непрерывный прогресс технического обеспечения производства данной продукции уже изначально придает соответствующей технологии «двойное» назначение, закладывая этим основы инновационного скачка практически во всех отраслях народного хозяйства. Такая, зафиксированная во всех странах мира, тенденция показывает, что рынок продукции креативной сферы национальной экономики обладает большим потенциалом для ускоренного и устойчивого движения экономики развивающихся стран, выступая одним из факторов диверсификации их народнохозяйственной системы.

Рост масштабов уникального сектора общественного производства, в рамках которого происходит рыночная трансформация творческих отраслей интеллектуального труда, свидетельствует о реальном возникновении так называемой креативной сферы экономики, стремительно перемещающейся в центр внимания экономической науки (см.: *Hesmondhalgh, 2007; Potts, 2011; Farmakis, 2014; Флорида, 2005*).

В результате креативные отрасли стали формировать уровень международной конкурентоспособности национальной экономики. На практике это означало, что эффективность экономики каждой страны стала определяться не числом эффективно функционирующих индустриальных структур (кластеров), а удельным весом в их составе так называемых «креативных кластеров», специализирующихся на промышленно-организованных формах творческого труда. А поскольку креативная экономика является феноменом цивилизации городского типа, то и городская агломерация промышленных зон стран-лидеров креативного прогресса изменяется сегодня под определяющим влиянием потребностей ее ускоренного развития.

В широком смысле креативная экономика характеризует тот ареал общественного производства, в котором рабочие места создаются посредством реализации интеллектуальных способностей занятых здесь работников. О значимости креативной сферы в мировой экономике свидетельствуют следующие данные – эта сфера охватывает 29,5 млн рабочих мест, она приносит 2.250 млрд долл. США, объем продукции

составляет 3% мирового ВВП; в креативной сфере занято людей больше, чем в автомобильной промышленности Европы, Японии и США вместе; официальные документы ООН признают отрасли креативной сферы основными драйверами экономики развитых и развивающихся стран и одними из наиболее быстро растущих секторов экономики во всем мире, что положительно влияет на формирование доходов, создание рабочих мест и экспортных поступлений (*Santiago, 2015*).

В связи с этим особую актуальность для российской экономики приобретает анализ освоения рыночных форм креативной (нерыночной) сферой – необходимый и самый трудный этап в ее становлении как экономического элемента.

2. Специфика рыночной трансформации креативной сферы

Классическая экономическая теория установила, что эффективный рынок опирается на три принципа (свободное формирование спроса, свободное формирование предложения и свободное ценообразование), осуществление которых необходимо для его эффективного функционирования. Однако на каждом рынке возникает особый механизм реализации названных принципов, порождаемый неустранимой спецификой субъектов, вступающих в отношения купли-продажи, а также объектов, принимающих форму товаров. В этом аспекте заслуживает внимания предлагаемый Джейсоном Поттсом и Стюартом Кэннингеймом подход, согласно которому «творческие индустрии» являются новым аналитическим определением промышленных компонентов креативной экономики, в которой творчество является исходным пунктом, а интеллектуальная собственность – конечным. Авторы предлагают четыре модели отношений между творческими индустриями и экономикой в целом, выявляя наиболее перспективные (см.: *Potts and Cunningham, 2008*).

В гносеологическом аспекте разработка концепции формирования рынка креативной продукции сводится к выявлению условий и признаков становления его субъектов и того материализованного результата креативной деятельности, который должен обрести специфические признаки «креативного товара» (*Горн, 2006*).

Особенностью формирования спроса на товарную продукцию креативного рынка является его стабильный и устойчивый характер, что задается бюджетным статусом основного круга покупателей-потребителей, включающий все учреждения культуры, общего и специального образования, предприятия спортивно-зрелищной сферы, культурно-бытовой спектр потребностей домохозяйств, стратовые предпочтения (молодежи, профессиональных групп). Особенно важно отметить тот момент, что спрос на основные виды «креативной промышленности» предъясняется потребностями, удовлетворяемыми на внутреннем рынке. Не менее важно и то, что такой спрос остается устойчивым независимо от фазы кризисного цикла. Уже этого достаточно, чтобы оценить для национальной экономики и рынок креативной продукции, и спрос на нее – как факторы антикризисного характера (*De Propriis, 2012*).

Относительно же предложения на креативном рынке Джон Томасян удачно замечает: «В современной экономике рыночная стоимость товара в значительной степени определяется уникальностью продукта, производительностью и его эстетической привлекательностью, что превращает творчество в важнейшее конкурентное преимущество для широкого спектра отраслей» (*Thomasian, 2008. P. 8*).

Кроме того, по отношению к предложению на данном рынке справедливо заметить, что никто не знает, как относиться к фундаментальной неопределенности, которая свойственна производителю творческой продукции. Такие производители принимают множество решений, которые влияют на ожидаемое качество и привлекательность продукта, но их способность предсказывать восприятие своей будущей аудитории по качеству минимальна. Производители знают много о том, что удалось в прошлом, и они постоянно пытаются экстраполировать эти знания на изготавливаемый проект, но эти усилия имеют минимальную прогностическую ценность. Еще одну, не менее важ-

ную особенность в развитии креативной экономики отмечает Джулия Карр: «Рост в творческих отраслях понимается как управление новым запуском “креативных предприятий”, хотя этому сектору присуще то, что рост после первого года часто бывает замедленным» (Carr, 2009. Р. 7).

Особенность рынка креативных товаров и услуг в его структурировании на «творческие цепочки», представляющие в специальной литературе как «последовательность действий, в рамках которой новый продукт (или услуга) приобретает дополнительную функцию, что ускоряет его движение от состояния изобретения до окончательного распределения» (Botkin and Matthews, 1992. Р. 26).

При таком подходе «творческая цепочка» состоит из первоначальной творческой идеи, последующих стадий, расположенных между производством и использованием данного креативного товара (услуги), и конечным пунктом, представленным бизнес-учреждениями. Отличие таких «творческих цепочек» от аналогичных цепочек в производственных системах традиционной (некреативной) продукции состоит в том, что в этой модели творческие стадии реализуют не только прямые экономические связи, но и процессы обратной связи, позволяющие в любой точке творческой цепочки возврат к исходному пункту (творческой идее). Чем больше звеньев в «творческой цепочке», тем сложнее креативный продукт (услуга). Эффективность каждой «творческой цепочки» состоит в сокращении числа промежуточных звеньев (простейшей формой «творческой цепочки» можно считать непосредственную продажу художником своей картины потребителю, а более сложной – движение оригинальной музыки от стадии сочинительства к стадии ее исполнения) (Statistics Canada, 2015).

Еще одна особенность рассматриваемых «творческих цепочек» выражается в том, что этапы производства и изготовления фактически сливаются, а распределение фактически преобразуется в «распространение». Создание особой модели «творческой цепочки» для креативного рынка имеет определенное эвристическое значение. Особенно это важно для установления права собственности на креативный товар, что обеспечивает экономическую (рыночную) ценность данного креатива для ее владельца (Hill, 1999).

Более того, рынок креативной продукции будет тем более стабильным, чем «автоматичнее» оригинальное творение будет объектом, находящимся под защитой авторских прав, даже если их создатель (владелец) не претендует использовать на рынке свое право. Косвенно это затрагивает участие в купле и потреблении креативных продуктов широкого круга физических и юридических лиц (Stanley, 2004), усложняемое необходимостью различения «промежуточного» и «конечного» спроса.

В целом же специальные исследования позволяют сделать вывод о том, что «основополагающими факторами развития данного рынка являются факторы спроса, в частности, уровень доходов и общий уровень интеллектуального развития потребителей» (Кодачигов, 2012. С. 32).

Вместе с тем реальный механизм функционирования названного рынка обнаруживает еще три его важные отличительные черты:

1. Основным субъектом на рынке креативной продукции – малый (часто даже – индивидуальный) бизнес, не требующий для стартапа значительного начального капитала и ориентированный на приемлемый уровень рентабельности. Это значит, что ориентация креативного рынка на малый бизнес позволяет рассматривать его как важный инструмент расширения занятости активного трудоспособного населения страны.

2. В то же время рынок креативных товаров и услуг в техническом отношении является сферой, благоприятной для работы крупного промышленного и финансового капитала, который способен обеспечить технические предпосылки для функционирования данного специфического рынка. Например, «в IT-индустрии информационные и креативные услуги имеют особое значение, поскольку эта индустрия живет, в первую очередь, за счет информации, а также персонифицированных услуг для пользователей

частного и корпоративного сегментов. Однако повышение роли услуг, в частности, информационных и креативных, даже в этой области стало возможным в первую очередь благодаря развитию технологий передачи данных и интеграции интернета в повседневную жизнь обывателей» (Козловский, 2012. С. 18).

Таким образом, креативный рынок – один из немногих секторов рыночной экономики, в котором деятельность мелкого и среднего бизнеса органично встроена в механизм функционирования крупного бизнеса. Кроме того, это значит, что ориентация креативного рынка на инновационные технологии позволяет рассматривать его как предпосылку общего инновационного обновления национальной экономики.

3. Следует особо отметить, что рынок креативной продукции представляет собой своего рода «полигон», в пределах которого проходят испытания различных моделей государственно-частного партнерства.

Таким образом, мы можем квалифицировать креативный рынок как сферу разработки особой «креативной экономической политики».

3. Региональный аспект становления креативного рынка

Исключительно актуальное значение развитие креативной экономики приобретает для Северного Кавказа, поскольку его геополитическое расположение объективно вынуждает оценивать экономический уровень развития данного региона с уровнями экономического развития государств южно-кавказского региона, а также близлежащих регионов Российской Федерации. Кроме того, целенаправленное развитие отраслей креативной экономики на Северном Кавказе предоставляет реальный шанс ощутимо минимизировать дотационную составляющую в механизме функционирования и финансирования северокавказской экономики. Наконец, это позволит в городах Северного Кавказа (а креативная экономика – это элемент преимущественно городской цивилизации) в короткое время сформировать (и относительно дешево) множество дополнительных рабочих мест, что позволит улучшить положение с занятостью трудоспособного населения в трудоизбыточной ситуации, уже давно сложившейся в данном регионе. Министры региональной экономики Германии, обсуждая развитие на своих территориях креативных отраслей, руководствовались следующим пониманием креативных компаний – как ориентированных на рынок, но имеющих дело с созданием, производством, распределением и распространением творческих товаров и услуг через масс-медиа (DCMC, 2008. P. 5).

Есть еще одно обстоятельство, которое, в специфических условиях Северного Кавказа, придает приоритетному развитию здесь креативной экономики особую значимость: оно состоит в том, что экономика северокавказского региона уже длительный период находится в сложном положении, вызванном ее недостаточной эффективностью. В этой ситуации любые кризисные проявления в российской макроэкономике особенно болезненно сказываются на экономике данного региона. Между тем, объем торговли в сфере креативной экономики, как показывает статистика многих стран мира, продолжает расти даже во время кризиса, в то время как объем мировой торговли в других сферах стремительно сокращается. В книге о креативных регионах предлагается различать «культурные» и «креативные» отрасли региональной экономики, уточняя, что «последняя может относиться к первой, и возможны даже случаи их совпадения, но креативные отрасли являются более широкими в силу своей размытости» (Cooke and Schwarts, 2007. P. 7). Для креативной индустрии данный момент особенно важен.

Все сказанное свидетельствует о том, что ускоренное развитие креативной экономики в северокавказском регионе означает сознательное выращивание здесь долгосрочного фактора устойчивости и роста региональной экономики. Однако на реалии такого развития накладываются общероссийские проблемы с ускоренным развитием креативной экономики – «к сожалению, если говорить о России, то здесь ситуация в

сфере креативных индустрий более сложная и неоднозначная. Руководство страны пока не считает креативность приоритетной задачей, поскольку понятие “креативности” непосредственно не связано с культурой. Когда говорят об инновациях или модернизации, то, в первую очередь, подразумевают технологическую модернизацию и инновации в сфере информационных технологий. При этом, например, когда эксперты обсуждают, как улучшить инвестиционный климат в России, они совсем не уделяют внимания культурным проектам, которые могли бы стать ключевым фактором в этой сфере» (*Российско-Германская Внеторговая палата, 2011*).

В свете изложенного выше подхода – необходимости рыночной институционализации креативной сферы как предпосылки и условия ее эффективного функционирования в статусе особого сектора современной экономики – делается понятным, что основным препятствием для использования созидательного потенциала креативной сферы на Северном Кавказе становится недостаточная развитость рыночных форм, рыночной институционализации экономических процессов в данном регионе. С этих позиций поддержать идею Коэна и Левинthal о том, что «обучение является кумулятивным, и эффективность обучения намного выше, когда объект обучения связан с тем, что уже известно» (*Cohen and Levinthal, 1990. P. 131*).

И не исключено, что в условиях социальной специфики Северного Кавказа именно креативной сфере суждено интенсифицировать рыночные процессы в региональной экономике данной территориально-государственной структуры.

Эти и другие моменты актуализируют необходимость ускоренного развития в Северо-Кавказском регионе креативной экономики – как сферы, требующей для своего формирования относительно меньшего объема финансирования, отвечающей интеллектуальному потенциалу данного региона и способной вывести регионально-институциональные структуры на уровень долгосрочной и устойчивой самоокупаемости. В данных условиях «креативное» реструктурирование северокавказской экономики становится базовой моделью самофинансирования российского региона. При этом историческое развитие Северного Кавказа обнаруживает основные элементы возникающей «северокавказской креативной экономики» – здравоохранение, туризм, образование, наука и спортивно-зрелищные мероприятия.

4. Заключение

Креативная экономика как совокупность отраслей творческой индустрии ускоренно развивается сегодня в большинстве стран, вступая в жесткую конкуренцию с традиционными отраслями производства. Однако, поскольку номенклатура креативной продукции (товаров и услуг) является историческим феноменом панурбанистской тенденции, то на практике развитие креативной экономики происходит по мере преобразования центральных городов страны в соответствии с ее потребностями. Это объясняется еще и тем, что городская среда, с представленными в ней структурами образовательного, научного, инновационного и культурного профиля, формирует достаточное и системное обеспечение оптимального развития креативной сферы.

Креативная экономика становится важным и самым быстро растущим сектором мировой экономики. Этот термин относится к той сфере общественного производства, в которой происходит коммерческая реализация творчества, знаний и информации. Значимость названного сектора как особого генератора рабочих мест и добавленной стоимости определяется тем, что его основу образуют так называемые креативные индустрии, которые лежат на стыке искусства, культуры, бизнеса и технологий, и объединяемые коммерциализацией творческих активов, обычно представленных интеллектуальной собственностью. Формируется особый рыночный механизм трансформации творческой продукции в экономическую ценность. Особенность данного сектора состоит в том, что ведущую роль в развитии творческой экономики играет

государство, генерирующее своеобразный интерфейс между творчеством, культурой, экономикой и технологией. Возникает уникальный по источникам и экономическим функциям интеллектуальный капитал.

Для российской экономики значимость и эффективность ее креативной трансформации определяется степенью креативизации регионального производства.

Британский министр культуры Эд Вайзи заявил: «Творческие индустрии являются одним из величайших историй успеха в Великобритании» (*Department for Culture... and Vaizey, 2016*). Однако реальный механизм такого успеха заключается в высокоразвитой системе рыночных форм британской экономики, гибко адаптирующей рыночные институты под новые виды, секторы и сферы общественного производства. Это означает, что последовательное проведение рыночных реформ в российской экономике также становится главным условием формирования и реализации конкурентного потенциала ее стратегического элемента – креативной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

Бархатов В.И., Журавлева Г.П. (2011). Неоэкономика в современной экономической теории. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 510 с.

Быкова В. (2011). Шарлотта Меландер: Креативность в России: результаты глобального исследования // *Русский журнал*, 19 октября (<http://www.russ.ru/pole/Kreativnost-v-Rossii-rezul-taty-global-nogo-issledovaniya>).

Горн А.П. (2006). Формирование и развитие рынка интеллектуально-креативных (творческих) услуг в России. Монография. М.

Горн А.П. (2009). Развитие рынка интеллектуально-креативных услуг (теория и методология) // Дисс. ... докт. экон. наук. Самара: Самарский государственный экономический университет.

Грузинов В.П., Сорокина Л.А., Степанов А.А. (2010). Креативная экономика: проблемы и тенденции развития. М.

Думная Н.Н. (2009). Новая рыночная экономика. М.: МАКС Пресс, 232 с.

Иноземцев В.Л. (1998). За пределами экономического общества. М.: Academia, Наука, 640 с.

Кодачигов Р.В. (2012). Ключевые драйверы развития мирового рынка креативных товаров и услуг // *Управленец*, № 7–8.

Козловский С. (2012). Развитие креативных услуг на рынке программных продуктов // *РИСК: Ресурсы, информация, снабжение, конкуренция*, № 4.

Российско-Германская Внешнеторговая палата (2011). «В России нет места для экспериментов». Почему креативная экономика в России развивается так медленно? Интервью с Еленой Зеленцовой, директором Агентства Творческие индустрии». Моника Холлахер, ВТП Россия (<http://russland.ahk.de/ru/publikationen/impuls/inhalt-impuls-2011/kreativwirtschaft/>).

Степанов А.А., Савина М.В. и др. (2014). Человеческие ресурсы в креативной экономике. М., 239 с.

Флорида Р. (2005). Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: КЛАССИКА XXI.

Якунин В.И., Сулакишин С.С., Багдасарян В.Э. и др. (2012). Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 288 с.

Bakhshi H., Freeman A. and Higgs P. (2013). A Dynamic Mapping of the UK's Creative Industries (https://www.nesta.org.uk/sites/default/files/a_dynamic_mapping_of_the_creative_industries.pdf).

Bakhshi H., Frey C. and Osborne M. (2015). Creativity Vs. Robots: The creative economy and the future of employment (www.nesta.org.uk/publications/creativity-vs-robots).

Botkin J. and Matthews J. (1992). Winning Combinations: The Coming Wave of Entrepreneurial Partnerships between Large and Small Companies. New York. John Wiley & Sons.

Carr J. (2009). Creative Industries, Creative Workers and the Creative economy: A review of selected recent literature (<http://www.gov.scot/resource/doc/289922/0088836.pdf>).

Carr J. (2009). Creative industries, Creative workers and the Creative economy: a review of selected recent literature. Scottish Government Social Research (<http://www.gov.scot/resource/doc/289922/0088836.pdf>).

Cohen W.M. and Levinthal D.A. (1990), Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation // *ASQ*, 35.

Cooke P. and D. Schwartz (eds.) (2007): Creative Regions. Technology, Culture and Knowledge Entrepreneurship. New York: Routledge.

DCMC (2008). Creative industries in Berlin, Development and Potential. Berlin.

De Propriis L. (2012). How are creative industries weathering the crisis? // *Cambridge Jnl Regions, Econ and Society*, vol. 6, issue 1, pp. 23–35.

Department for Culture, Media & Sport and Ed Vaizey MP (2016). Press release. Creative industries worth almost £10 million an hour to economy, January 26 (<https://www.gov.uk/government/news/creative-industries-worth-almost-10-million-an-hour-to-economy>).

Farmakis E. (2014). Fostering the Creative Economy // *Stanford Social Innovation Review*, November 24 (https://ssir.org/articles/entry/fostering_the_creative_economy#).

Frosio G.F. and Derclaye E. (2014). Open Access Publishing: A Literature Review // *CRE-ATe Working Paper 2014/1*, Stanford Law School, CIS, January 1, DOI: 10.5281/zenodo.8381.

Fujiwara D., Dolan P. and Lawton R. (2015). Creative Occupations and Subjective Well-being // *Nesta Working Paper 14/09* (<http://www.nesta.org.uk/publications/creative-occupations-and-subjective-wellbeing>).

Hesmondhalgh D. (2007). The Cultural Industries. SAGE.

Hill P. (1999). Tangibles, intangibles and services: a new taxonomy for the classification of output // *Canadian Journal of Economics*, vol. 32, no. 2 (www.jstor.org/stable/136430 – accessed in March 28, 2011).

Howkins J. (2013). The Creative Economy: How People Make Money from Ideas. Penguin Books, 280 p.

Lee N. and Rodríguez-Pose A. (2014). Creativity, cities and innovation. *Environment and Planning A*, 46 (5), pp. 1139–1159.

Luckman S. (2015). Craft and the Creative Economy (<http://blogs.lse.ac.uk/usapblog/2016/10/09/book-review-craft-and-the-creative-economy-by-susan-luckman/>).

Potts J. (2011). Creative Industries and Economic Evolution. Edward Elgar Publishing.

Potts J. and Cunningham S. (2008). Four Models of the Creative Industries // *International Journal of Cultural Policy* (<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.491.189&rep=rep1&type=pdf>).

Santiago J. (2015). What is creativity worth to the world economy? // *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/agenda/2015/12/creative-industries-worth-world-economy/>).

Stanley D. (2004). Summary of the proceedings of the IFACCA/ISSEC Research Workshop, “Looking for New Connections”. Montreal, pp. 5–10, 17 (www.uregina.ca/hri/Conferences/ISSEC%20Workshop%20Report%20FINAL%20Nov%2029%202004.pdf).

Statistics Canada (2015). The creative chain (<http://www.statcan.gc.ca/pub/87-542-x/2011001/section/s5-eng.htm> – access date September 09 2016).

The Policy Research Group (ed.) (2013). The Creative Economy: Key Concepts and Literature Review Highlights (https://cch.novascotia.ca/sites/default/files/inline/documents/creative-economy-synthesis_201305.pdf).

Thomasian J. (2008). Art and the culture: Using Arts and Culture to Stimulate State Economic Development. Washington: NGA Center for Best Practices, 43 p.

REFERENCES

Barkhatov V.I. and Zhuravleva G.P. (2011). Neeconomy in modern economic theory. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University, 510 p. (In Russian.)

Bykova V. (2011). Charlotte Melander: Creativity in Russia: results of a global study. *Russian Journal*, 19 October (<http://www.russ.ru/pole/Kreativnost-v-Rossii-rezul-taty-global-nogo-issledovaniya>). (In Russian.)

Dumnaya N.N. (2009). The new market economy. Moscow: MAKS Press, 232 p. (In Russian.)

Florida R. (2005). The creative class: people who change their future. Moscow: CLASSIC XXI Publ. (In Russian.)

Gruzinov V.P., Sorokina L.A. and Stepanov A.A. (2010). Creative Economy: Problems and trends. Moscow. (In Russian.)

Horn A.P. (2006). Formation and development of the market of intellectual and creative services in Russia. Moscow. (In Russian.)

Horn A.P. (2009). Development of market of intellectual and creative services (theory and methodology). *Dissertation to submit the requirements for the degree of Doctor in Economics*. Samara: Samara State Economic University. (In Russian.)

Inozemtsev V.L. (1998). Beyond the economic society. Moscow: Academia Publ., Nauka Publ., 640 p. (In Russian.)

Kodachigov R.V. (2012). Key development drivers of world market of creative goods and services. *Upravlenets*, no. 7–8. (In Russian.)

Kozlovsky S. (2012). The development of creative services at the software market. *RISK: resources, information, procurement, competition*, no. 4. (In Russian.)

Russian-German Chamber of Commerce (2011). «In Russia, there is no place for experiments.» Why creative economy in Russia is developing so slowly? Interview with Elena Zelentsova, Director of Creative Industries Agency.» Monica Hollaheer, Russian Chamber of Commerce (<http://russland.ahk.de/ru/publikationen/impuls/inhalt-impuls-2011/kreativwirtschaft/>). (In Russian.)

Stepanov A.A., Savina M.V. et al. (2014). Human resources in the creative economy. Moscow, 239 p. (In Russian.)

Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasarian V.E., Kara-Murza S.G., Deeva M.A. and Safonova Yu.A. (2012). Post-industrialism. The experience of critical analysis. Moscow: Nauchyi ekspert Publ., 288 p. (In Russian.)

Bakhshi H., Freeman A. and Higgs P. (2013). A Dynamic Mapping of the UK's Creative Industries (https://www.nesta.org.uk/sites/default/files/a_dynamic_mapping_of_the_creative_industries.pdf).

Bakhshi H., Frey C. and Osborne M. (2015). Creativity Vs. Robots: The creative economy and the future of employment (www.nesta.org.uk/publications/creativity-vs-robots).

Botkin J. and Matthews J. (1992). Winning Combinations: The Coming Wave of Entrepreneurial Partnerships between Large and Small Companies. New York. John Wiley & Sons.

Carr J. (2009). Creative Industries, Creative Workers and the Creative economy: A review of selected recent literature (<http://www.gov.scot/resource/doc/289922/0088836.pdf>).

Carr J. (2009). Creative industries, Creative workers and the Creative economy: a review of selected recent literature. Scottish Government Social Research (<http://www.gov.scot/resource/doc/289922/0088836.pdf>).

Cohen W.M. and Levinthal D.A. (1990), Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation. *ASQ*, 35.

Cooke P. and D. Schwartz (eds.) (2007): Creative Regions. Technology, Culture and Knowledge Entrepreneurship. New York: Routledge.

DCMC (2008). Creative industries in Berlin, Development and Potential. Berlin.

De Propriis L. (2012). How are creative industries weathering the crisis? *Cambridge Jnl Regions, Econ and Society*, vol. 6, issue 1, pp. 23–35.

Department for Culture, Media & Sport and Ed Vaizey MP (2016). Press release. Creative industries worth almost £10 million an hour to economy, January 26 (<https://www.gov.uk/government/news/creative-industries-worth-almost-10-million-an-hour-to-economy>).

Farmakis E. (2014). Fostering the Creative Economy. *Stanford Social Innovation Review*, November 24 (https://ssir.org/articles/entry/fostering_the_creative_economy#).

Frosio G.F. and Derclaye E. (2014). Open Access Publishing: A Literature Review. *CREATE Working Paper 2014/1*, Stanford Law School, CIS, January 1, DOI: 10.5281/zenodo.8381.

Fujiwara D., Dolan P. and Lawton R. (2015). Creative Occupations and Subjective Well-being // *Nesta Working Paper 14/09* (<http://www.nesta.org.uk/publications/creative-occupations-and-subjective-wellbeing>).

Hesmondhalgh D. (2007). *The Cultural Industries*. SAGE.

Hill P. (1999). Tangibles, intangibles and services: a new taxonomy for the classification of output. *Canadian Journal of Economics*, vol. 32, no. 2 (www.jstor.org/stable/136430 – accessed in March 28, 2011).

Howkins J. (2013). *The Creative Economy: How People Make Money from Ideas*. Penguin Books, 280 p.

Lee N. and Rodríguez-Pose A. (2014). Creativity, cities and innovation. *Environment and Planning A*, 46 (5), pp. 1139–1159.

Luckman S. (2015). Craft and the Creative Economy (<http://blogs.lse.ac.uk/usappblog/2016/10/09/book-review-craft-and-the-creative-economy-by-susan-luckman/>).

Potts J. (2011). *Creative Industries and Economic Evolution*. Edward Elgar Publishing.

Potts J. and Cunningham S. (2008). Four Models of the Creative Industries. *International Journal of Cultural Policy* (<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.491.189&rep=rep1&type=pdf>).

Santiago J. (2015). What is creativity worth to the world economy? *World Economic Forum* (<https://www.weforum.org/agenda/2015/12/creative-industries-worth-world-economy/>).

Stanley D. (2004). Summary of the proceedings of the IFACCA/ISSEC Research Workshop, “Looking for New Connections”. Montreal, pp. 5–10, 17 (www.uregina.ca/hri/Conferences/ISSEC%20Workshop%20Report%20FINAL%20Nov%2029%202004.pdf).

Statistics Canada (2015). The creative chain (<http://www.statcan.gc.ca/pub/87-542-x/2011001/section/s5-eng.htm> – access date September 09 2016).

The Policy Research Group (ed.) (2013). *The Creative Economy: Key Concepts and Literature Review Highlights* (https://cch.novascotia.ca/sites/default/files/inline/documents/creative-economy-synthesis_201305.pdf).

Thomasian J. (2008). *Art and the culture: Using Arts and Culture to Stimulate State Economic Development*. Washington: NGA Center for Best Practices, 43 p.

СКРЫТЫЕ ДОХОДЫ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

Людмила Ивановна НИВОРОЖКИНА,

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,

Ростовский государственный экономический университет, РГЭУ (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: lin45@mail.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 4

В статье на основе анализа микроданных представлены количественные характеристики распространенности и объемов скрытых доходов домохозяйств. Отражены современные мировые и российские тенденции в области изучения теневых доходов населения. Эконометрическая оценка распространенности скрытых доходов осуществлена на панельных данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (периоды с 2006 по 2014 гг.) на основе модели логистической регрессии, в которой зависимой является двоичная переменная, равная единице в случае, если текущие денежные расходы и сбережения домохозяйств превышают их располагаемые ресурсы в течение двух смежных периодов, и равная нулю в другом случае, что позволяет идентифицировать домохозяйства, постоянно занижающие свои доходы. В ходе анализа выявлено, что значительная доля домашних хозяйств регулярно недооценивает свои доходы, что ведет к определенным искажениям при интерпретации показателей благосостояния, таких как неравенство, уровень бедности. Выявлена взаимосвязь между присутствием скрытых доходов и социально-демографическими характеристиками домохозяйств, их позицией на шкале доходов и типом расселения. Подтверждено, что оценка потребления домохозяйств – более надежный индикатор благосостояния, нежели текущие денежные доходы. Несмотря на то, что официальная статистика публикует упомянутые индикаторы с поправками на теневые доходы, выяснение механизмов распространения скрытых доходов среди домашних хозяйств различных типов, выявление их структуры, роли в формировании благосостояния, элиминировании бедности, сглаживании потребления в период экономических кризисов на альтернативных информационных источниках, по иным методикам позволяет расширять научное знание в этой важнейшей сфере жизнедеятельности общества, создает основу для выработки адекватной социальной политики.

Ключевые слова: домашние хозяйства; скрытые доходы; располагаемые ресурсы; потребительские расходы; бедность

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-02-00411.

HIDDEN INCOME OF HOUSEHOLDS: AN EMPIRICAL EVIDENCE

Lyudmila I. NIVOROZHKINA,

Doctor in Economics, Professor,
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Rostov State University of Economics (RSUE),
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: lin45@mail.ru

The paper presents the results of micro-data analysis, showing distribution and level of household hidden income. Modern trends in foreign and Russian studies on hidden income of population are described. Econometric evaluation of the extent of hidden income relies on the panel data of "The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)" (covering the period from 2006 to 2014). The analysis uses the logistic regression model, with the binary variable as the dependent variable, which equals 1 when current household expenses and savings exceed the household disposable resources for two adjacent periods. This method enables the author to identify households that use to consistently underestimate their income. As the findings have shown, a large number of households underestimate their income regularly. Thereby distortions in the interpretation of welfare indicators such as inequality and poverty take place. The relationship is identified between the presence of household hidden income and other socio-economic characteristics of households, their income level and settlement behavior. It is argued that the assessment of the household consumption is a more reliable indicator of well-being compared to the current cash income.

Keywords: households; hidden income; disposable resources; consumption expenditure; poverty

JEL classifications: D14, D31, G02, I32

TERRA ECONOMICUS
2016
Tom 14
№ 4

Неформальная экономическая деятельность, получившая широкое распространение в последние десятилетия, влечет за собой серьезные экономические и нравственные проблемы. Государство теряет значительную часть поступлений в бюджет, теневым становится поведение широких слоев работников, для которых заработная плата в конвертах, неформальная занятость, с которой не платятся налоги, перестают рассматриваться как незаконный способ получения доходов. Исполнительная и законодательная власть, научное сообщество не обладают полной информацией о процессах хозяйственной деятельности как на макро-, так и на микроуровне, что актуализирует поиск теоретических и эмпирических подходов для выявления различных видов и форм проявлений скрытой экономической деятельности, в том числе и оценки объема доходов населения, не попадающих в поле зрения налоговых органов, государственной статистики.

1. Методология оценки скрытых доходов: обзор литературы. Теневая экономика представляет собой феномен, который относительно легко определить, но невозможно точно измерить. И здесь, безусловно, доминируют подходы, в основе которых лежит статистическая методология построения системы показателей, классификаций и методик оценки отдельных сегментов экономической деятельности в теневом и неформальном секторах экономики (Рябушкин, 2003; Корягина, 2000; Ели-

сеева, Ширина, 2003). Методология оценки скрытых доходов – специальный раздел государственной статистики, совершенствованию которого уделяется много внимания со стороны Росстата, поскольку повышение надежности и согласованности оценок теневой экономики с реальными статистическими измерениями, встраивание их в повседневную практику улучшает общее понимание происходящих процессов, задает направление их адекватной корректировки. Оценка объемов скрытой экономики в статистике ведется на основании постановления Госкомстата РФ от 31.01.1998 г. № 7 «Об утверждении Основных методологических положений по оценке скрытой (неформальной) экономики»². Статистическая методология оценки не учитываемых (теневых) доходов населения опирается на данные отчетности хозяйствующих единиц или на информацию, получаемую путем выборочных обследований домохозяйств. При определении неучтенных доходов домашних хозяйств Росстат применяет методику, основанную на балансовом подходе и сопоставлении с расходами на потребление и сбережением.

Следует отметить, что инструментарий измерения объемов теневой экономики базируется преимущественно на макроэкономических подходах. Наиболее известный подход, используемый для международных сравнений, основан на том, что доходная часть ВВП должна быть равна расходной части ВВП, а если они не совпадают, то разница между доходами и расходами является индикатором, показывающим увеличение или уменьшение теневой экономики (MacAfee, 1980; O'Higgins, 1989). Монетарный подход основан на спросе на наличные деньги, поскольку, по мнению его разработчиков, в теневых расчетах преобладают наличные денежные средства (Cagan, 1958; Tanzi, 1989). Одним из популярных методов является так называемый итальянский метод по оценке расхождений между официальной и реальной рабочей силой (Del Boca, 1981), а также метод расхода электричества (Johnson, Kaufman and Shleifer, 1997). Все эти методы имеют как достоинства, так и недостатки, и ни один из них не может претендовать на всеобъемлющий охват масштабов теневой экономики (Костин, 2011; Воронкова, 2010).

Значительный пласт работ по проблемам теневой экономики посвящен ее взаимосвязи с неформальной занятостью (Нуреев, Ахмадеев, 2015a; 2015b), концентрации в определенных сферах экономики, таких, например, как малый бизнес (Буров, 2011), воздействию на экономический рост (Чапля, 2003).

Публикационная активность в сфере измерения теневой экономики слабо затрагивает непосредственно скрытые доходы населения, они отражаются лишь на макроуровне в СНС путем косвенных измерений. Так, ряд авторов (Латов, Ковалев, 2006) аргументируют свои заключения об объемах скрытых доходов населения, оперируя макроэкономическими индикаторами, такими как доля теневой экономики в ВВП страны. Что касается микроэкономических подходов, то в литературе преобладают весьма осторожные оценки возможностей их широкого применения. Это связано с тем, что одним из известных феноменов экономического благосостояния домохозяйств является тот факт, что в среде, где высока доля неформальных и теневых доходов, декларируемые денежные доходы зачастую ниже, чем расходы домохозяйств. Причин тому несколько. Во-первых, при опросах домохозяйств период, за который спрашивают о доходах, чаще всего равен одному месяцу или кварталу, предшествующему опросу, что недостаточно для выявления типичного уровня доходов многих лиц, например, занятых индивидуальным предпринимательством, где поступление доходов нерегулярно. Занятые по найму люди зачастую оказываются в ситуации, когда предприятие задерживает выплаты и др. Во-вторых, население, чисто психологически, не расположено делиться сведениями о личных доходах, даже

² Постановление Госкомстата РФ от 31.01.1998 г. № 7 «Об утверждении Основных методологических положений по оценке скрытой (неформальной) экономики» (с изменениями на 27.06.2005 г.) (<http://docs.cntd.ru/document/901703559>).

порой вполне легальных. В-третьих, некоторые домохозяйства имеют неформальные, теневые доходы, которые стремятся утаить. Статистика многих стран учитывает этот феномен и оценивает доходы домохозяйств по результатам их расходов. Эти методы основаны на непосредственной работе с населением, проведением специальных опросов, проверках, выявляющих расхождения между доходами и расходами отдельных групп населения (Попов, 2002), между потреблением определенных благ в различных домохозяйствах (Барсукова, 2005). Источниками для такого анализа могут служить данные Росстата, такие как «Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств», проводимое с 1952 г., а также более новые «Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах» и «Комплексное наблюдение условий жизни населения». Однако до недавних пор результаты этих обследований были доступны лишь в виде официальных публикаций. Сейчас исходные данные находятся в открытом доступе на сайте Росстата (www.gks.ru), но слабо освоены исследователями вследствие отсутствия опыта работы с ними.

Наиболее доступными для широкого круга исследователей являются данные проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)»³, осуществляемого с 1992 г. по общенациональной российской выборке и предназначенного для изучения различных аспектов экономического положения и здоровья населения России. С помощью этих данных оценить масштабы теневой экономики страны в целом невозможно, но они позволяют выявить группы лиц, домохозяйства, извлекающие доходы, которые не учитываются официальной статистикой, налоговыми органами.

Безусловно, число «узких мест» в таких оценках весьма велико (Суворов, 2008). Основной аргумент при критике микроэкономического подхода состоит в том, что информация о доходах, получаемая путем опросов, – весьма неточная, а, кроме того, маргинальные группы, как наиболее обеспеченные, так и самые бедные, в выборках отсутствуют. При оценке расхождений в потреблении сложно уловить те из них, которые обусловлены теневыми доходами.

Попыткой преодолеть указанные недостатки при анализе микроданных стал подход, предложенный К. Писсаридесом и Г. Вебером (*Pissarides and Weber, 1989*). Авторы исходили из того, что все домохозяйства указывают правильно расходы на определенные виды потребительских благ, например, расходы на продукты питания, а некоторые типы домохозяйств – правильно указывают свои доходы. Наиболее склонны скрывать доходы люди, имеющие определенную долю дохода от самозанятости, а наименее те, чей основной источник дохода – заработная плата. Безусловным достоинством излагаемого подхода является теоретическая модель, которая описывает поведение домохозяйства-потребителя с учетом скрываемого дохода, с одной стороны, и связью между доходом и потреблением – с другой. Реализация подхода К. Писсаридеса, Г. Вебера была осуществлена для российских домохозяйств на данных 21 волны (2012 г.) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (Мурашов, Ратникова, 2016). Авторы сравнили потребление и структурные различия между домохозяйствами самозанятых и наемных работников, полагая, что они могут оказывать влияние на намерения домохозяйств скрывать свой доход (домохозяйства, в которых доля доходов от самозанятости была более 20%, квалифицировались как самозанятые). Эконометрическое моделирование, осуществленное авторами, позволило уточнить, что гипотеза Писсаридеса, Вебера о том, что потребление продуктов питания у самозанятых домохозяйств будет превышать аналогичное у остальных, для

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>

российских домохозяйств не подтвердилась, а статьей расходов, позволившей оценить долю скрываемого дохода, оказались расходы на одежду. Также было выявлено, что доля скрываемого дохода в крайних категориях («бедные» и «богатые» домохозяйства) в селе и в областных центрах – выше, чем в средних городах.

2. Эмпирический подход. Оценка скрытых доходов, осуществленная в данной статье, основана на анализе характеристик домохозяйств, чьи расходы систематически из года в год превышали их доходы, и попытке оценить детерминанты этого процесса. Основой анализа стали панельные данные проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» за 2006–2014 гг. Феномен скрытых доходов в этих данных можно изучать путем сопоставления информации о доходах и расходах домохозяйств. Отслеживание домохозяйств, которые в рамках проекта от года к году представляли расходы, превышающие декларируемые ими доходы, либо отказывались от ответов по доходам, уточнение их социально-демографической структуры, принципов расселения и др. позволяет с определенной вероятностью идентифицировать группы домохозяйств, извлекающих не учитываемые официально доходы.

Обобщающей характеристикой доходов домохозяйств в RLMS-HSE служат располагаемые ресурсы, которые включают стоимость натуральных поступлений и льготы от работодателя, а также все денежные ресурсы, в том числе и займы, и израсходованные сбережения. Их можно представить в виде следующих тождеств:

Располагаемые ресурсы (R_R) = (стоимость натуральных поступлений и льготы от работодателя) + (денежные ресурсы).

Денежные ресурсы (D_R) = (стоимость займов и израсходованных сбережений) + (денежные доходы).

Денежные доходы (D_D) = (доходы от продажи продукции подсобного хозяйства) + (оплата труда) + (социальные трансферты) + (частные трансферты) + (другие доходы).

Расходы включают денежные расходы и сбережения, в том числе потребительские и не потребительские расходы. Они также могут быть представлены в виде тождеств:

Денежные расходы и сбережения (D_R_S) = (денежные расходы) + (прирост сбережений).

Денежные расходы (D_R) = (потребительские расходы) + (расходы, не входящие в состав потребительских).

Потребительские расходы (P_R) = (продукты питания и безалкогольные напитки) + (алкогольные напитки, табачные изделия и наркотики) + (одежда и обувь) + (жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива) + (предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход) + (здравоохранение) + (транспорт) + (связь) + (организация отдыха и культурные мероприятия) + (образование) + (гостиницы, кафе, рестораны) + (другие товары и услуги).

Расходы, не входящие в состав потребительских (N_P_R) = (затраты на ведение личного подсобного хозяйства) + (покупка недвижимости) + (налоги, сборы и обязательные платежи) + (помощь родственникам и знакомым) + (другие расходы). Все доходы и расходы учитываются за месяц, предшествующий опросу.

3. Результаты. Нижеследующий график (рис. 1) представляет динамику доли домохозяйств, в которых потребительские расходы были выше располагаемых ресурсов с 2006 по 2014 г. Потребительские расходы представляют собой показатель, наиболее устойчиво характеризующий текущий уровень благосостояния домохозяйства. Заработная плата, доходы от бизнеса могут зачастую поступать в домохозяйство нерегулярно, но домохозяйства стремятся поддерживать текущий уровень потребления, включающий расходы на питание, обязательные платежи на более или менее стабильном уровне. Непродовольственные же расходы могут в отдельные периоды демонстрировать заметные всплески, например, в случае покупки автомобиля, квартиры и др.

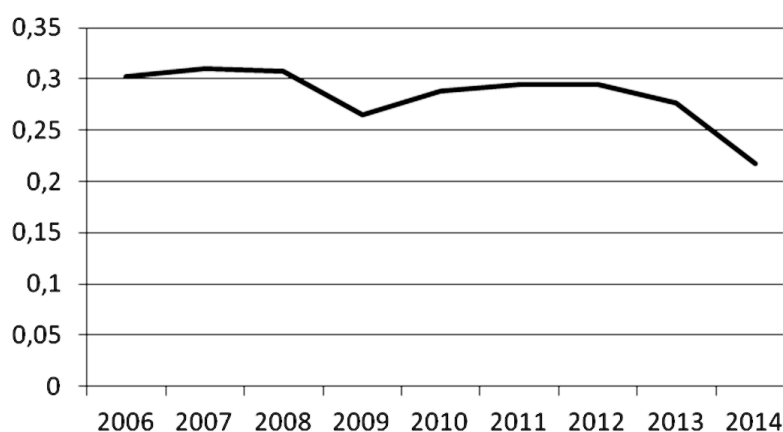

Рис. 1. Доля домохозяйств с потребительскими расходами (P_R), превышающими располагаемые ресурсы (R_R)

Спады линии графика в 2009 и 2014 гг., свидетельствуют о несомненном воздействии кризисных процессов на соотношение доходов и расходов в домохозяйствах, состоящем в том, что в эти периоды доля домохозяйств со скрытыми доходами уменьшается. Объяснение этому может состоять в том, что в кризисный период число источников неформальных доходов сокращается, а, кроме того, часть домохозяйств начинает расходовать сбережения и займы, меньше откладывать впрок. Процент домохозяйств, в которых текущие потребительские расходы превышали располагаемые ресурсы, колебался в исследуемом периоде в пределах от 22 до 31%, а если учитывать по превышению общих расходов и сбережений над доходами, то доля таких домохозяйств в этот период была еще примерно на 10% выше.

Рассмотрим различия между двумя группами домохозяйств: группа I, если (D_{R_S}) превышают (R_R), и группа II, если (D_{R_S}) меньше или равны (R_R) (рис. 2). Насколько различаются доходы и расходы в этих двух группах домохозяйств?

Налицо – устойчивый рост номинальных денежных размеров доходов и расходов домохозяйств. Располагаемые ресурсы среди домохозяйств I-ой группы были на 38–33% ниже, чем во II-ой, в то время как денежные расходы и сбережения в I-ой группе превышали этот показатель по сравнению со II-ой группой на 50–57%, потребительские расходы на 57–65%, а непотребительские расходы на 31–40%.

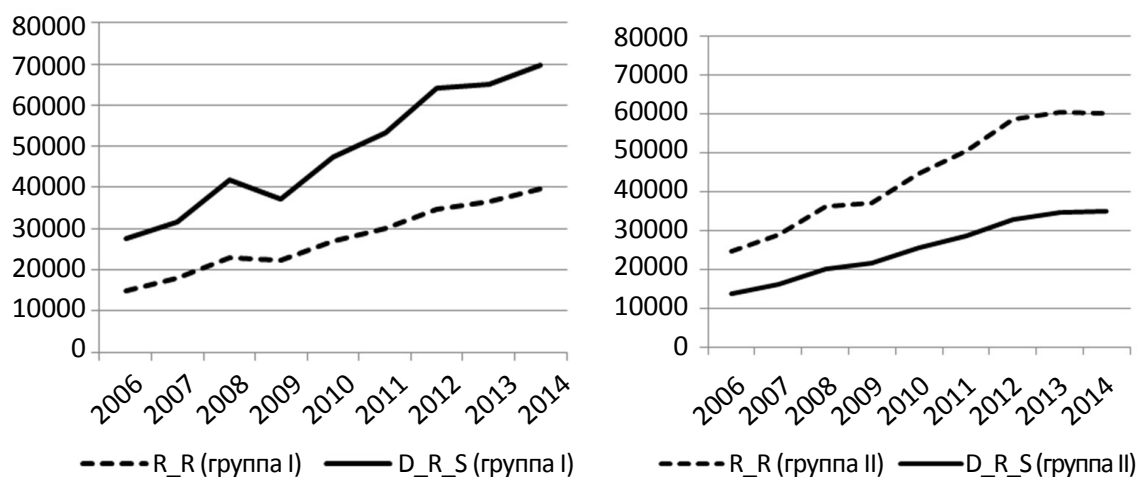

Рис. 2. Располагаемые ресурсы и денежные расходы и сбережения домохозяйств

Заметной является и реакция домохозяйств на экономический кризис 2008–2009 гг. В 2009 г. произошло резкое снижение денежных расходов и сбережений в I-ой группе, затем начался их интенсивный рост, продолжающийся до конца наблюдения в 2014 г. Во II-ой группе также наблюдалось снижение денежных расходов и сбережений в 2009 г., но не столь резкое, как в I-ой, а затем замедление, начиная с 2013 г. В I-ой группе располагаемые ресурсы, слегка замедлившись в 2009 г., продолжили линейный рост до 2014 г. Во II-ой группе располагаемые ресурсы немного снижались в 2009 г., как и в I-ой группе, затем продолжили рост до 2013 г., после чего произошло их заметное торможение. Полученные соотношения свидетельствуют о том, что ряд домохозяйств действительно имеют скрытые доходы, которые расходуют как на потребление, так и на непотребительские нужды. Однако факт, что для I-ой группы характерно преобладание в непотребительских расходах, указывает на то, что для части домохозяйств это могут быть крупные разовые выплаты, такие как покупка жилья, автомобиля и др.

Представленные результаты могут вызвать сомнения вследствие того, что, как уже указывалось, доходы домохозяйств учитывались за месяц, предшествующий опросу, и это может стать причиной заметного смещения результатов. Проверить адекватность полученных результатов и выводов возможно с учетом панельной компоненты RLMS-HSE: значительная часть домохозяйств опрашивается повторно в следующих волнах проекта, и если домохозяйство, попадающее в выборку в течение ряда лет, либо уклонялось от ответов на вопросы о доходах, либо занижало их, то его можно с высокой вероятностью отнести к тем, кто сознательно скрывает или недооценивает свои располагаемые ресурсы.

Дальнейший анализ осуществлен на панельных данных за 2006–2014 гг., для чего были сформированы наборы данных по парам смежных периодов: 2006–2007 гг., 2007–2008 гг., ..., 2013–2014 гг., затем по ним были специфицированы и оценены модели логистической регрессии с зависимой переменной, равной единице в случае, если в домохозяйстве в двух смежных периодах денежные расходы и сбережения превышали располагаемые ресурсы ($D_R_S > R_R$), и равная нулю в случае, если денежные расходы и сбережения были меньше или равны располагаемым ресурсам ($D_R_S \leq R_R$).

В число независимых переменных были включены количественные переменные: число членов домохозяйства и число пенсионеров в домохозяйстве. Априори можно предположить, что пенсионеры – группа наименее склонная к недооценке своих ресурсов. Все остальные переменные – дихотомические, т.е. равны единице, если признак присутствует, и равны нулю в ином случае.

Поскольку анализируемый период достаточно продолжительный, то для элиминирования влияния инфляции на изменение денежного дохода положение домохозяйства на шкале доходов учитывалось по принадлежности к одной из 20% доходных групп (квинтилей). Для уточнения возможных материальных лишений в модель была включена переменная, которая равнялась единице, если потребительские расходы были ниже прожиточного минимума семьи, либо в одном из анализируемых периодов, либо в двух подряд. То есть порог абсолютной бедности в данном случае определялся по потреблению. Домохозяйство, испытывающее материальные сложности, основную часть расходов вынуждено направлять на потребление, уменьшая непотребительские траты. Переменная, учитывающая это обстоятельство, принимала значение равное единице, если в двух смежных периодах у домохозяйства присутствовали непотребительские расходы.

Одним из маркеров неучтенных доходов может стать наличие в домохозяйстве не обеспеченных официальными доходами кредитов и займов. Массовое вовлечение населения в систему потребительского кредитования увеличило риски просроченных и невозвратных кредитов. Домохозяйства, попадающие в форс-мажорные обстоятельства, вынуждены срочно искать средства для погашения задолженностей, в том числе используя неформальные источники (Ниворожкина, Синявская, 2012). Зачастую семьи, выплачивающие значительные кредиты, декларируют низкие доходы при сохранении нормального уровня потребления, что также может быть результатом того, что часть доходов ими не показывается. Для проверки этого предположения была сформирована

переменная, принимающая значение равное единице в случае, если домохозяйство выплачивало кредит в каком-либо из двух периодов или подряд в двух смежных периодах.

Интерпретацию результатов логистической регрессии удобно проводить в терминах коэффициента отношения шансов (odds ratio), который показывает, насколько больше (или меньше) частота случаев наличия не декларируемых доходов в определенном домохозяйстве, для каждой категории независимой переменной (X) по отношению к контрольной категории (свободному члену уравнения). Для его расчета определяется отношение вероятностей двух событий, которое называется шансом

(odds): $odds(Y = 1) = \frac{P(Y = 1)}{P(Y = 0)} = \exp(\beta_0 + \beta_1 X)$. Такое представление результатов об-

легчает сравнение результатов между периодами. Результаты оценивания представлены в таблице 1.

Как и предполагалось, пенсионеры, которые обычно располагают невысокими и фиксированными доходами, менее мотивированы на их сокрытие, чем другие слои населения. Чем более многочисленно домохозяйство, тем ниже шансы того, что доходы в нем окажутся ниже расходов. По сравнению с домохозяйствами без детей, шансы всех других домохозяйств скрывать свои доходы были более высоки и статистически значимы в течение всего периода. В наиболее высокой степени это преобладание свойственно неполным семьям с детьми.

Домохозяйства, проживающие в селах, существенно реже занижали свои доходы, нежели горожане. Полученный результат интересен тем, что традиционно считается, что сельские домохозяйства недооценивают объем своих натуральных поступлений и вследствие этого денежная оценка их располагаемых ресурсов ниже, чем у горожан. Тем не менее, соотношение располагаемых ресурсов и расходов в сельских семьях по полученным оценкам более сбалансированное.

Факт наличия непогашенного кредита в течение анализируемого периода увеличивал шансы занижения доходов по отношению к расходам.

Характеристика домохозяйств по их позиции в 20% доходных групп позволяет сравнивать относительное положение домохозяйств на шкале доходов и тем самым отслеживать их динамику. Во всех оцениваемых периодах по сравнению с третьим квинтилем, вероятность того, что домохозяйства будут занижать свои доходы, была выше в первом и втором квинтилях и ниже в четвертом и пятом.

Следующая переменная, являющаяся индикатором материального положения домохозяйства – уровень бедности, рассчитанный по потреблению. Вероятность того, что доходы домохозяйств меньше расходов, была ниже в бедных домохозяйствах. То есть домохозяйства, испытывающие серьезные материальные затруднения, реже скрывали свои доходы.

Домохозяйства, в структуре расходов которых в двух периодах присутствовала компонента непотребительских расходов, значительно чаще указывали заниженные доходы. Присутствие домохозяйств, у которых располагаемые ресурсы ниже расходов и сбережений, а компонента непотребительских расходов весьма высока в течение нескольких волн обследования, также может служить сигналом для дальнейшего анализа структуры этой компоненты расходов, поскольку если ситуация имеет характер тенденции, то это сигнал о возможном наличии скрываемых доходов.

Интерпретация результатов моделирования выявила противоречие, состоящее в том, что при снижении размера декларируемых доходов вероятность их сокрытия возрастает, но в ситуации, когда домохозяйство не имеет достаточно средств для обеспечения прожиточного минимума, эта же вероятность снижается. Объяснением этому феномену может служить то, что в группе домохозяйств, где располагаемые ресурсы в течение смежных периодов были ниже расходов и сбережений, присутствуют как достаточно обеспеченные домохозяйства, сознательно скрывающие свои доходы, и низкий денежный доход в них не может служить индикатором бедности, так и крайне бедные, доход которых едва достигает уровня минимального потребления. Для проверки этой гипотезы домохозяйства вновь были распределены по двум груп-

пам: I-ая, если $D_R_S > R_R$, и II-ая, если $D_R_S < R_R$, а также сформированы две переменные, характеризующие уровень бедности в домохозяйствах. Первая равнялась единице, если располагаемые ресурсы ниже прожиточного минимума домохозяйства, и вторая, если потребительские расходы ниже прожиточного минимума; построены графики распределения процентов бедных домохозяйств в каждой из групп (рис. 3).

Первое, на что указывают линии графика, – сокращение бедности в течение исследуемого периода и заметная реакция домохозяйств на кризисные спады в экономике страны. Наиболее заметно это в линиях графика, где бедность измерена по потребительским расходам: доля домохозяйств возрастала и в 2009, и 2014 гг., что является вполне предсказуемой реакцией на экономический спад. Если же измерение производилось относительно денежных ресурсов, то здесь картина намного более сглаженная и столь выраженной реакции на кризисные спады не видно. В I-ой группе проценты бедных домохозяйств по располагаемым ресурсам и тех, у кого бедность измерена по потребительским расходам, весьма близки. Для домохозяйств II-ой группы этот интервал намного шире. Таким образом, оценка бедности по потребительским расходам представляется более чувствительной мерой и более точно вычленяет действительно бедные домохозяйства.

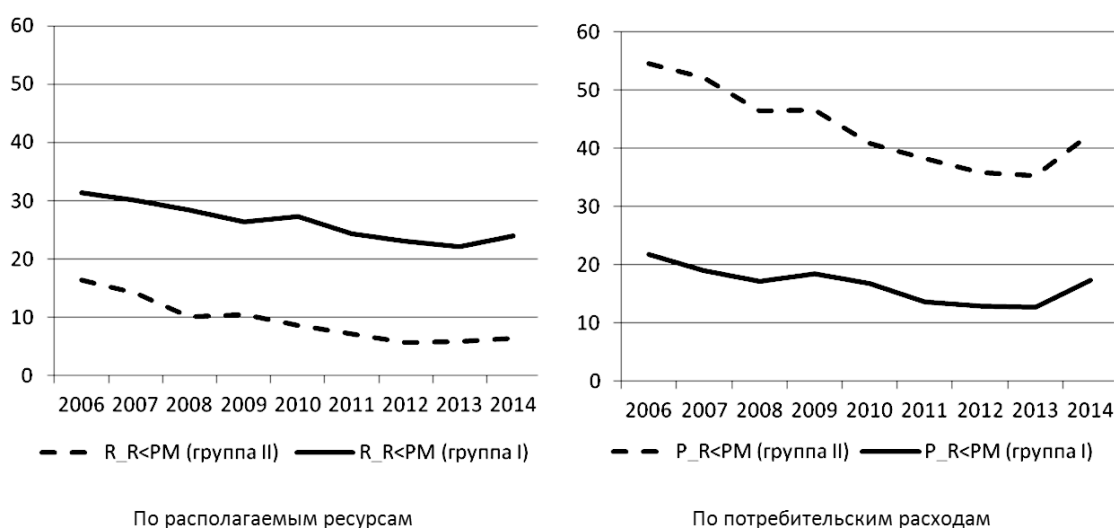

Рис. 3. Уровень бедности домохозяйств

Для значительной части российских домохозяйств доходы, которые в рамках данной статьи названы скрытыми, определяют их экономическое благосостояние и являются «подушкой безопасности» в периоды экономических кризисов, фактором, элиминирующим социальную напряженность в обществе. А уровень бедности, рассчитанный по потреблению, является более адекватным отечественным реалиям, нежели рассчитанный по доходам.

Представленный анализ выявил наличие значительной доли домохозяйств, занижающих свои доходы и при повторных опросах, что свидетельствует о возможном нежелании указывать истинный их размер. Распространенность подобной практики среди российских домохозяйств приводит к определенным искажениям при интерпретации показателей благосостояния, таких как доходы, неравенство, уровень бедности. Официальная статистика публикует упомянутые индикаторы с поправками на теневые доходы, но, по иным методам, выяснение механизмов распространения скрытых доходов среди домашних хозяйств, выявление их структуры, роли в формировании благосостояния, элиминировании бедности, сглаживании потребления в период экономических кризисов на альтернативных информационных источниках позволяет расширять научное знание в этой важнейшей сфере жизнедеятельности общества, создает основу для выработки адекватной социальной политики.

Таблица 1

Детерминанты наличия в домохозяйстве скрытых доходов с 2006 по 2014 гг.

Переменные	Панельные данные по смежным периодам							
	2006–2007	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014
Квинтили по доходу (III)								
I	3,379***	3,590***	3,817***	4,255***	3,823***	3,980***	4,351***	4,824***
II	1,519***	1,564***	1,450***	1,388**	1,650***	1,662***	1,476***	1,472**
IV	0,785**	0,847	0,763**	0,673***	0,921	0,871	0,816**	0,688**
V	0,604***	0,652**	0,555***	0,600***	0,746**	0,499***	0,564***	0,487***
Тип домохозяйства (домохозяйства без детей)								
одинокие	1,175	1,155***	1,463***	1,438**	1,286**	1,484***	1,333**	1,369**
домохозяйства с детьми	1,405**	1,493***	1,490***	1,656***	1,235***	1,365***	1,668***	1,125
неполные семьи и другие домохозяйства	1,815***	1,875***	1,820***	1,390***	1,223*	1,648***	2,301***	1,650***
Тип поселения (областной центр)								
город	0,882	0,917	1,068	1,037	0,900	0,852**	0,866*	0,963
поселок городского типа	0,987	0,866	1,146	1,034	1,050	0,998	0,946	1,286*
село	0,669***	0,670***	0,917	0,830	0,750***	0,676***	0,738**	0,791**
Число членов домохозяйства	0,840***	0,871***	0,811***	0,789***	0,886***	0,875***	0,818***	0,875***
Число пенсионеров в домохозяйстве	0,805***	0,765***	0,747***	0,807***	0,646***	0,607***	0,656***	0,674***
=1, если в домохозяйстве есть непотребительские расходы в течение двух периодов	1,855***	1,976***	2,125***	1,948***	1,062	1,923***	1,783***	1,812***
=1, если потребительские расходы меньше прожиточного минимума домохозяйства, = 0 в другом случае	0,167***	0,130***	0,181***	0,138***	0,1591	0,159***	0,161***	0,187***
=1, если домохозяйство выплачивает кредит, =0 в другом случае	1,380***	1,309***	1,178*	1,335***	1,935***	1,257***	1,369***	1,664***
Свободный член	0,329***	0,264***	0,265***	0,287***	0,398***	0,291***	0,308***	0,242***
Pseudo R ²	0,1069	0,1162	0,1168	0,1244	0,1091	0,1283	0,1283	0,1434
Число домохозяйств	4877	4824	4900	4811	6796	7037	7192	6179

ЛИТЕРАТУРА

- Барсукова С. (2005). Структура и институты неформальной экономики // *Социологический журнал*, № 3, с. 118–134.
- Буров В.Ю. (2011). Теневая деятельность субъектов малого предпринимательства. Германия: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 225 с.
- Воронкова О.В. (2010). Зарубежный опыт исследования теневых доходов // *Terra Economica*, т. 8, № 4, с. 82–89.
- Елисеева И.И., Ширина А.Н. (ред.) (2003). Измерение теневой экономической деятельности. СПб.: СПбГУЭФ, 269 с.
- Корягина Т.И. (2000). Рост теневой экономики – вызов для теоретиков и для государственной статистики // *Экономика и математические методы*, т. 36, № 4.
- Костин А.В. (2011). Опыт измерения теневой экономики в западной литературе // *Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки*, т. 11, вып. 4, с. 33–43.
- Латов Ю.В., Ковалев С.Н. (2006). Теневая экономика: Учеб. пособие для вузов. М.: Норма, 336 с.
- Мурашов Я.В., Ратникова Т.А. (2016). Неучтенные доходы российских домашних хозяйств // *Вопросы экономики*, № 5, с. 1–28.
- Ниворожкина Л.И., Синявская Т.Г. (2012). Концепция статистической оценки рисков вовлечения клиентов финансовых институтов в схемы по отмыванию денег // *Terra Economica*, т. 10, № 4, с. 30–36.
- Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. (2015а). Классификация неформальной деятельности и методы ее оценки // *Terra Economica*, т. 13, № 1, с. 14–29.
- Нуреев Р.М., Ахмадеев Д.Р. (2015b). Формальная и неформальная занятость как «близнецы-братья»: современная российская практика // *Terra Economica*, т. 13, № 3, с. 16–33.
- Попов В.В. (2002). Методы измерения теневой экономики и их использование в постсоветской России / В кн.: Тимофеев Л.М., Латов Ю.В. (ред.) *Экономическая теория преступлений и наказаний. Теневая экономика в советском и постсоветском обществах*. Вып. 4/2. М.
- Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. (2003). Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. М.: Финансы и статистика, 143 с.
- Чапля В.В. (2003). Теневая экономика и проблемы экономического роста // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, т. 1, № 4, с. 124–127.
- Del Boca D. (1981). Parallel Economy and Allocation of Time // *Micros-Quarterly Journal of Microeconomics*, vol. 4 (2), pp. 13–18.
- Sagan Ph. (1958). The Demand for Currency Relative to the Total Money Supply // *Journal of Political Economy*, vol. 66 (3), pp. 302–328.
- Johnson S., Kaufman D. and Shleifer A. (1997). The Unofficial Economy in Transition // *Brookings Papers on Economic Activity*, Fall. Washington D.C.
- MacAfee K. (1980). A Glimpse of the Hidden Economy in the National Accounts // *Economic Trends*, vol. 136, pp. 81–87.
- O'Higgins M. Assessing the Underground Economy in the United Kingdom / In: Feige E.L. (ed.) (1989). *The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 175–195.
- Pissarides C. and Weber G. (1989). An Expenditure-Based Estimate of Britain's Black Economy // *Journal of Public Economics*, vol. 39, pp. 17–32.
- Tanzi V. (1983). The Underground Economy in the United States: Annual Estimates, 1930–1980 // *IMF-Staff Papers*, vol. 30 (2), pp. 283–305.

REFERENCES

- Barsukova S. (2005). Structure and institutes of informal economy. *The Sociological Journal*, no. 3, pp. 118–134. (In Russian.)

Burov V.Yu. (2011). Shadow activity of small businesses. Germany: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 225 p. (In Russian.)

Chaplia V.V. (2003). The Shadow economy and the problems of economic growth. *Economic Herald of Rostov state University*, vol. 1, no. 4, pp. 124–127. (In Russian.)

Eliseeva I.I. and Shirina A.N. (eds.) (2003). Measurement of shadow economic activity. Saint-Petersburg: St. Petersburg University of Economics and Finance, 269 p. (In Russian.)

Koryagina T.I. (2000). The Growth of the shadow economy – a challenge for theorists and for state statistics. *Economics and mathematical methods*, vol. 36, no. 4. (In Russian.)

Kostin A.V. (2011). The experience of estimation the size of the shadow economy in western literature. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic Sciences*, vol. 11, issue 4, pp. 33–43. (In Russian.)

Latov Yu.V. and Kovalev S.N. (2006). The shadow economy. Moscow: Norma Publ., 336 p. (In Russian.)

Murashov Ya.V. and Ratnikova T.A. (2016). Under-reported income of Russian households. *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 1–28. (In Russian.)

Nivorozhkina L.I. and Sinyavskaya T.G. (2012). The concept of statistical assessment of risks related to financial institutions clients involvement customers in money laundering schemes. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 4, pp. 30–36. (In Russian.)

Nureev R.M. and Akhmadeev D.R. (2015a). Classification of the informal employment and the methods of its assessment. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 1, pp. 14–29. (In Russian.)

Nureev R.M. and Akhmadeev D.R. (2015b). Formal and informal employment as «twins brothers»: modern Russian practice. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 3, pp. 16–33. (In Russian.)

Popov V.V. (2002). Methods of measurement of shadow economy and their use in post-Soviet Russia / In: Timofeev L.M. and Latov Yu.V. (eds.) *Economic theory of crime and punishment. The shadow economy in Soviet and post-Soviet societies*, issue 4/2. Moscow. (In Russian.)

Ryabushkin B.T. and Churilova E.Yu. (2003). Methods of estimating the shadow and informal sectors of economy. Moscow: Finansy i statistika Publ., 143 p. (In Russian.)

Voronkova O.V. (2010). Foreign experience of research on illegal incomes. *Terra Economicus*, vol. 8, no. 4, pp. 82–89. (In Russian.)

Del Boca D. (1981). Parallel Economy and Allocation of Time. *Micros-Quarterly Journal of Microeconomics*, vol. 4 (2), pp. 13–18.

Cagan Ph. (1958). The Demand for Currency Relative to the Total Money Supply. *Journal of Political Economy*, vol. 66 (3), pp. 302–328.

Johnson S., Kaufman D. and Shleifer A. (1997). The Unofficial Economy in Transition. *Brookings Papers on Economic Activity*, Fall. Washington D.C.

MacAfee K. (1980). A Glimpse of the Hidden Economy in the National Accounts. *Economic Trends*, vol. 136, pp. 81–87.

O'Higgins M. Assessing the Underground Economy in the United Kingdom / In: Feige E.L. (ed.) (1989). *The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, pp. 175–195.

Pissarides C. and Weber G. (1989). An Expenditure-Based Estimate of Britain's Black Economy. *Journal of Public Economics*, vol. 39, pp. 17–32.

Tanzi V. (1983). The Underground Economy in the United States: Annual Estimates, 1930–1980. *IMF-Staff Papers*, vol. 30 (2), pp. 283–305.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗАКУПОК РОССИИ НА РЫНОЧНЫХ ПРИНЦИПАХ

Владимир Васильевич МЕЛЬНИКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск, Россия,
e-mail: vvm_ru@mail.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 4

В статье рассмотрена трансформация российской системы закупок продукции для общественных нужд за последние 25 лет. Показан процесс формирования новых институтов и построения новых организационных механизмов взаимодействия на появляющемся квазирынке с учетом влияния международного опыта прокьюременты, рудиментов советской системы государственного управления, макроэкономических, региональных и социально-политических интересов. Через призму мероприятий экономической политики представлена хронология модернизации нормативного обеспечения данной сферы хозяйствования, приведен основной перечень проблем, возникающих при регулировании системы правительственных закупок и их воздействии на поведение государственных и муниципальных заказчиков и поставщиков. Прослеживается идеологическая составляющая рыночных реформ, направленных на мониторинг и предотвращение коррупции, а также повышение эффективности общественных расходов. Показан перенос акцентов при осуществлении регуляций от проведения мероприятий, характерных для промышленной политики, к политике стимулирования конкуренции. На фоне эволюционного развития системы формальных правил становится очевидным, что проблемы государственных закупок скрываются в самой концепции законодательства, почти всегда не соответствующей потребностям экономических агентов. На примере формирования институциональной среды рынка государственных закупок делается вывод о низкой эффективности самоконтроля государства без участия общественных структур в новейшей истории России.

Ключевые слова: государственные закупки; государственный заказ; государственное регулирование; экономическая политика; эффективность контрактной системы

THE FORMATION OF RUSSIAN PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM ON MARKET PRINCIPLES

Vladimir V. Melnikov,

Candidate of Economics, Associate Professor,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: vvm_ru@mail.ru

The article deals with transformation of the Russian procurement system of products for the public needs for the past 25 years. The author describes the process of introduction of new institutions and construction of new institutional mechanisms of interaction in the emerging quasi-market. The impact of international procurement experience is taken into account, as well as vestiges of the Soviet system of public administration, macro-economic, regional and socio-political factors. The chronology of modernization of regulatory support in the sphere of management is shown through the prism of economic policy measures, along with the number of problems in the regulation of public purchases system and their impact on the behavior of state and municipal customers and suppliers. The ideological component of market reforms directed at monitoring and preventing corruption and improving the efficiency of public expenditures is emphasized, demonstrating transition from an industrial policy to the competition policy. Against the background of the evolutionary development of a formal system of rules it becomes obvious that the public procurement issues lurk in the very concept of law, almost always appropriate to the needs of economic agents. For example, the formation of the institutional environment of the market of public procurement concludes the low efficiency of the state self-control in Russia's modern history.

Keywords: procurement; public purchases; government regulation; economic policy; effectiveness of the contract system

JEL classifications: D02, H30, H57, K20

Введение: Госзакупки в водовороте экстренных реформ

Переход от привычного для советского предприятия централизованного обеспечения материальными ресурсами и запланированных поставок продукции к осуществлению закупок в «рыночных» условиях проходил в России начала 1990-х гг. так же поспешно, как и преобразования в политической сфере. Либерализация цен, либерализация торговли и внешнеэкономических отношений, свобода предпринимательской деятельности – реформы в стране проводились по принципу «чем радикальнее и быстрее, тем лучше»¹. Такой подход был распространен в странах с переходной экономикой, обремененных верховенством политики над экономической целесообразностью.

С точки зрения идеологии рыночных реформ отсутствие действенных механизмов контроля со стороны государства над производственной и социальной сферами экономики могло компенсироваться работой рыночного механизма, который призван был

¹ Например, радикальная либерализация цен в России была осуществлена за один день 02.01.1992 г., в результате чего до 90% розничных цен и до 80% оптовых цен были освобождены от государственного регулирования (Ясин, 2003).

способствовать наиболее эффективному взаимодействию поставщиков и потребителей производимой продукции. Однако важнейшей функцией рынка, в случае если корректно говорить о его существовании в ту пору, является информационная, означающая наличие каналов сбора и распространения объективной информации о «мнениях» производителей, поставщиков и потребителей продукции. В результате завышенных ожиданий правительства РФ руководство постсоветских предприятий столкнулось с целым рядом трудноразрешимых проблем: поиска контрагентов, предсказуемости и определения рыночной цены, грамотного заключения контрактов, наконец, обеспечения исполнения обязательств сторонами соглашения. И это при условии крайне нерегулярного и нередко, непредсказуемого финансирования потребностей со стороны распорядителей бюджетных средств.

Для лиц, ответственных за удовлетворение общественных потребностей, проблемы нерегулярного и низкого финансирования государственных структур и их закупочной деятельности из бюджета, галопирующей инфляции в результате уже упомянутой нами одномоментной либерализации цен, роста масштабов коррупции в условиях неустойчивости формальных правил и невозможности государственного контроля за их исполнением накладывались друг на друга, препятствуя не только эффективному расходованию бюджетных ресурсов, но и осуществлению закупок в принципе.

Со стороны высших органов власти проблема поставок продукции для государственных нужд выглядела несколько иначе. Вместе с распадом СССР, производственные предприятия, входящие в единую технологическую цепочку, оказались в разных странах, политическое руководство которых зачастую не находило лучшего способа обеспечения политической стабильности нового государственного образования кроме как переход к доктрине «экономического национализма», противопоставляя себя Москве и России, как бывшему центру. Наряду с ростом националистических настроений это приводило к невозможности восстановления прежних технологических цепочек в рамках взаимовыгодного межстранового сотрудничества и создания продукции, необходимой для удовлетворения общественных потребностей. Поставки продукции из дальнего зарубежья также не были налажены ввиду значительной закрытости российской экономики от мировой в начале 1990-х гг. Система государственного регулирования товарно-сырьевых потоков в Россию была фактически уничтожена.

Введение внутренней конвертируемости рубля раньше внешней блокировало выход российской валюты на международные валютные рынки и препятствовало формированию спроса на национальную денежную единицу (*Фетисов, 2006*). Иностранным банкам теперь не имело смысла открывать счета в рублях, что создавало дополнительные предпосылки к падению его курса, и в условиях высокой зависимости государственных закупок от цен импортной продукции усугубляло положение российской власти. Органы, обеспечивающие реализацию государственных программ, оказались в незавидном положении: властям после распада СССР предстояло объявить населению о невозможности удовлетворения общественных потребностей в прежних объемах, что в условиях неустойчивости власти могло привести к печальным для новых лидеров политическим последствиям.

Даже если предположить потенциальную возможность по выстраиванию цепочек контрактных отношений между российскими предприятиями того периода за счет вмешательства органов государственного управления, то в условиях очевидного кризиса власти было едва ли возможно обеспечить выполнение обязательств по госзаказу, принятых на себя сторонами соглашений. Здесь нужно вспомнить, что уже в начале 1991 г. ряд предприятий, в частности фермеры и кооперативы, в средствах массовой информации призывали отказываться от планов, заданий или лимитов производства: вся продукция, по их словам, должна была принадлежать тому, кто ее произвел (*Кузьменко, 1991*). При этом государственный арбитраж, как правило, уклонялся от рассмотрения подобных споров, занимая выжидательную позицию (*Мельников, 2008. С. 75*).

Как отмечает в своем исследовании, посвященном состоянию постсоветской экономики, Гирш И. Ханин, после того как предприятиям перестали устанавливать задания по объему и структуре производства, а также по товарообороту для сферы услуг, фирмы были вынуждены определять эти показатели сами, исходя из заказов потребителей продукции и ее текущей рентабельности (Ханин, 2012). Производственным предприятиям предстояло самостоятельно искать платежеспособных потребителей и обеспечивать себя ресурсами для текущей деятельности и капитального строительства. И это в условиях, когда важнейший компонент формирования любого рынка – информация о производственных предприятиях и их продукции – в систематизированном виде фактически отсутствовала, что делало чрезвычайно сложным поиск контрагентами друг друга. У правительства в этой ситуации оставался только один выход – снять с себя ответственность за материально-техническое снабжение, сохранив за собой лишь полномочия по распределению финансовых ресурсов, обозначив ответственных за удовлетворение общественных потребностей на более низком уровне государственного управления.

1. Направление на формирование контрактных отношений

С этого момента в России начинается формирование новых механизмов обмена – системы институтов, определяющих правила и рамки поведения для хозяйствующих субъектов (Вольчик, Нечаев, 2015. С. 35). Стали появляться нормативные документы, разрушающие прежнюю систему материально-технического обеспечения, упраздняющие централизованное снабжение, обязательный и гарантированный государственный заказ и плановое формирование хозяйственных связей².

Новые подходы к обеспечению государственных нужд основывались на следующих принципах:

- 1) контрактный характер размещения заказов: основным документом, который теперь должен был определять права и обязанности государственных заказчиков и поставщиков, в соответствии с принятыми нормативными актами, становился «государственный контракт»³;
- 2) возмездный характер отношений партнеров по заказу;
- 3) оплата товаров по договорным рыночным ценам (за исключением товаров, на которые сохранено государственное регулирование цен);
- 4) зависимость объемов поставки от платежеспособного спроса потребителей;
- 5) равенство подрядчиков независимо от форм собственности;
- 6) равенство ответственности сторон в отношении заказа (Ноздрачев, 1994).

Поскольку экономическая составляющая в процессе реформ начала 1990-х гг. не всегда была на первом месте, то при переходе от системы Госплана и Госснаба к формированию класса государственных заказчиков законодатель уделит мало внимания монопсоническому характеру создаваемого рынка, априори не предполагающего активной конкурентной борьбы между поставщиками, особенно в условиях изначальной ангажированности представителей государства. Кроме того, стартовым условием была критическая степень монополизации и централизации отечественной экономики⁴ (Афанасьев, 2004). Нужно отметить, правда, что новые подходы предусматривали

² Речь идет в первую очередь об Указе Президента РСФСР от 15.10.1991 г. № 143 «О хозяйственных связях и поставках продукции и товаров в 1992 году», Постановлении Совмина РСФСР от 23.10.1991 г. № 558 «Об организации материально-технического обеспечения народного хозяйства РСФСР в 1992 году», а также Законе ВС РФ от 28.05.1992 г. № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд».

³ Заключение контракта должно было обеспечить «лучшее качество по доступной цене (best value for money)», как принято в международной практике (McKevitt, Davis P., 2016).

⁴ Как показывает международная практика регулирования систем государственных закупок, значительная роль в усилении конкурентной составляющей на квазирынке должна отводиться предприятиям малого бизнеса, которые, со своей стороны, также нуждаются в дополнительной поддержке (см., например, работы Reijonen, Tammi, Saastamoinen, 2016; Loader, 2016; Loader, Norton, 2015; Flynn, Davis, 2016 и др.).

обязательность заключения контрактов поставщиками, занимающими доминирующее положение или обладающими технологической монополией на определенные виды производства (*Организация, 2001*).

Вплоть до конца 1990-х гг. повсеместной практикой органов управления регионами и муниципалитетами было ограничение закупок продукции, произведенной на других территориях, что было связано с многочисленными проблемами, вызываемыми бартерными сделками, кризисом неплатежей, проблемами с нерегулярностью и непредсказуемостью бюджетного финансирования, а также понятным желанием решить местные проблемы с занятостью населения.

После принятия новой Конституции РФ (1993) начался кардинальный пересмотр всего российского законодательства, включая нормативную базу по государственным закупкам. По причине отсутствия времени для стратегического планирования реформ, изменения в законодательстве того периода зачастую были номинальными, связанными с корректировкой терминологического аппарата и введением новых наименований. Так что, несмотря на наличие богатого международного опыта в осуществлении государственных закупок и принятый в 1993 г. ООН типовый закон ЮНСИТРАЛ «О закупках товаров (работ) и услуг»⁵ (речь идет о двух редакциях 1993 и 1994 гг. – В.М.), российские законодатели не были готовы к масштабным преобразованиям в бюджетной сфере страны, что не позволяло создавать тексты нормативных документов о государственных закупках на базе предложенных в ООН.

Пакет нормативных актов в развитие законодательства, регулирующего закупки для удовлетворения общественных потребностей, был принят в России в конце 1994 г.⁶ Нужно вспомнить, учитывая политический кризис и события октября 1993 г., в России успели сформироваться нарастающие центробежные тенденции, связанные как с неприятием политики федерального центра, так и со слабостью федеральной исполнительной власти и экономическими проблемами на местах. Известная фраза Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина, адресованная национальным автономиям 6 августа 1990 г.: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», – начинала в полной мере давать свои плоды, блокируя попытки Федерального центра РФ по контролю финансовых ресурсов регионов. С точки зрения системы общественных закупок возобладала позиция, что субъекты РФ вправе сами определять, каким образом и что приобретать на «свои» деньги.

В результате единого для всех уровней бюджетной системы РФ закона о закупках продукции взамен устаревшего документа № 2859-1 не получилось. Новый базовый Федеральный закон от 13.12.1994 г. № 60-ФЗ получил название «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»⁷, что ограничивало объект его регулирования федеральными государственными закупками. Документ устанавливал общие правовые и экономические принципы закупочной деятельности для федерального уровня бюджетной системы.

Законом № 60-ФЗ был закреплен порядок формирования заказов: на предприятиях, в организациях и учреждениях, расположенных в РФ, независимо от форм собственности, посредством заключения государственных контрактов, а также определены меры ответственности за их неисполнение.

Как отмечалось в работах Н.В. Нестеровича и В.И. Смирнова, Закон № 60-ФЗ получился весьма противоречивым (*Нестерович, Смирнов, 2000; Смирнов и др., 2000*). С одной стороны, в нем отражены призывы к конкурсному размещению заказов, а с

⁵ Подробнее о законах ЮНСИТРАЛ о закупках см. здесь: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/uncitral_texts/procurement_infrastructure.html

⁶ Федеральный закон от 13.12.1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»; Федеральный закон от 29.12.1994 г. № 79-ФЗ «О государственном материальном резерве»; Федеральный закон от 02.12.1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд».

⁷ Федеральный закон от 13.12.1994 г. № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 34. Ст. 3540.

другой, ощущается влияние фактора недоверия законодателя к тому, что этому закону будут подчиняться участники рынка (*Шмаков, 2014*). В тексте документа встречаются положения об обязательном заключении контрактов с казенными предприятиями, о принудительном размещении госзаказа для поставщиков, обладающих монопольной властью. Например, ст. 4 и 5 Закона отражают известный принцип «кнута и пряника». Статья 4 называется «Стимулирование выполнения поставок продукции...», что говорит о предположениях законодателя по поводу трудностей с практической реализацией нормативного акта. Документ, к сожалению, не предусматривал механизма реализации провозглашенного в 1992 г. пути к построению общероссийской системы государственных закупок, не был законом прямого действия и являлся, по сути, каркасным документом, нуждающимся во всесторонней дополнительной проработке.

Несмотря на изначально более узкий объект регулирования, базовый Закон № 60-ФЗ задал важный вектор в развитии российского законодательства в сфере общественных закупок. Субъектам РФ его использование было настоятельно «рекомендовано». Это вызывало у регионов потребность принимать свои нормативные акты, регулирующие деятельность государственных служащих при проведении закупок, ведь аналогичные проблемы с коррупцией и неэффективностью бюджетных расходов имели место и на более низком уровне управления. С другой стороны, система трансфертов заставляла местных заказчиков применять федеральное законодательство при расходовании средств, выделяемых в рамках совместного финансирования проектов за счет ресурсов федерального бюджета и внебюджетных фондов.

И в дополнение краткого знакомства с Законом № 60-ФЗ обратим внимание на следующий примечательный момент: ч. 4 ст. 1 говорит о том, что «отношения, возникающие в связи с закупками и поставками сельскохозяйственной продукции и продовольствия для федеральных государственных нужд, регулируются специальным законом». Такая ситуация, когда базовый Закон сам ограничивает сферу своего применения, является следствием большой влияния аграрного лобби в Государственной Думе того периода, что позволило вывести государственные закупки на аграрном рынке в сферу регулирования отдельного нормативного акта, который был принят несколькими днями ранее, чем Закон № 60-ФЗ.

Отсутствие культуры конкурентных торгов при проведении государственных закупок в СССР и в РФ начала 1990-х гг. привело к тому, что концепция Закона № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»⁸ в основных чертах передавала, скорее, систему планирования, нежели создания конкурентного квазирынка государственных закупок. Он мало корреспондировался с базовым документом, что создавало дополнительные трудности для реализации контрактного механизма. Вот некоторые примеры:

- целый ряд сельскохозяйственной продукции предлагалось закупать в полном объеме;
- в пределах установленных квот закупки должны были осуществляться по установленным гарантированным ценам;
- предполагалось, что Правительство РФ должно было устанавливать нормативное соотношение между стоимостью закупаемого сырья и стоимостью вырабатываемой из него готовой продукции, а также предельный размер торговых надбавок к ценам на продукцию... с учетом безубыточной реализации готовой продукции.

Таким образом в нормативных актах, определяющих экономические порядки начала 1990-х гг., равно как и в политической сфере, прослеживались разнонаправленные тенденции: как на формирование рынка государственных закупок, так и на воссоздание системы государственного планирования, сперва – в отдельно взятых отраслях.

⁸ Федеральный закон от 02.12.1994 г. № 53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3303.

2. Тернистый путь к противодействию коррупции

Наряду с другими странами бывшего СССР Россия в 1995 г. получила средства для разработки законодательства по государственным закупкам, отражающего международные достижения в сфере прокьюремента⁹. Краеугольным камнем в построении общегосударственной российской системы закупок продукции стал Указ Президента РФ «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд»^{10, 11}. Логика формирования нормативно-правовой системы говорит о том, что подобный документ должен быть в статусе федерального закона, однако известные противоречия между парламентом и президентом в этот период не позволяли надеяться на принятие документа в той форме, в какой он планировался изначально¹².

Указ Президента РФ № 305 получился значительно прогрессивнее предыдущих. Во-первых, он постулировал необходимость конкурсного размещения заказов на закупку продукции за общественные средства; во-вторых, распространял свое действие на взаимоотношения между поставщиком и заказчиком, которые обеспечивались из определенной группы источников финансирования; в-третьих, прямо предписывал органам исполнительной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления привести свои нормативные правовые акты в соответствие с данным Указом.

Указ утверждал прилагаемое Положение об организации закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд, которое впервые развернуто определяло порядок и условия размещения заказов¹³. В отличие от предшествующих нормативных документов он не предполагал утверждения заказчиков вышестоящими органами, на основании чего их круг автоматически значительно расширился.

Среди норм были сформулированы требования к потенциальным поставщикам продукции для государственных нужд. И хотя такие требования, как «быть надежным» или «наличие положительной репутации», ввиду своей неоднозначности едва ли были оптимальными для снижения коррупционной емкости системы, они определяли потенциальную ответственность заказчика на случай работы с фирмами-однодневками и общую идею о необходимости передачи контракта опытному и профессиональному поставщику. Часть этих требований нашла свое отражение и в более поздних федеральных законах, регулирующих закупочную сферу.

Указ Президента РФ № 305 содержал закрытый перечень способов закупок, приводя их основные характеристики и технологии осуществления. Заказчику при проведении закупки предоставлялась новая возможность (право) проводить квалификационный отбор для выявления поставщиков, соответствующих предъявляемым требованиям, до представления заявок на участие в конкурсе.

⁹ Коррупция при государственных закупках является весьма распространенной проблемой: те или иные ее проявления характерны всегда для большинства стран мира (Храмкин, 2011; Mironov, Zhuravskaya, 2016; Auriol E., Straub S., Flochel T., 2016; Mizoguchi T., Quyen N.V., 2014; Tucker, 2014). При проведении экономической политики коррупция выражается в неэффективности государственных расходов, поскольку представители государственных структур заключают контракты по завышенным ценам без конкуренции. Проблема в большей степени привлекает внимание в периоды экономических кризисов и падения доходов населения. Во время экономического роста и периодов устойчивого увеличения доходов домохозяйств – становится менее заметной.

¹⁰ Указ Президента РФ от 08.04.1997 г. № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 15. Ст. 1756.

¹¹ Здесь стоит уделить внимание понятию «государственные нужды». В ст. 525 ч. II ГК РФ, принятой Федеральным законом от 26.01.1996 г. № 15-ФЗ «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации», устанавливалось, что государственные нужды – это потребности двух уровней: потребности Федерации и потребности субъектов РФ. Муниципальные нужды и муниципальных заказчиков на этом основании не относят к государственным.

¹² Это наглядно показал опыт более позднего Федерального закона от 06.05.1999 г. № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд», смысл которого после прохождения двух палат парламента в 1999 г. существенно изменился.

¹³ При отсутствии деловой практики в сфере государственных закупок в России, равно как и людей со специальной подготовкой, разработчики документа не могли рассчитывать на то, что заказчики на основании формулировок Указа Президента РФ № 305 смогут быстро перейти к проведению закупочных процедур по новым правилам.

Документ вводил новое понятие: «срок действия заявки», он представлял собой период времени, в течение которого поставщик был связан обязательствами по исполнению всех приведенных им в заявке условий, без права их изменения. Разумное установление такого срока являлось для заказчика очень важным: оно должно было предполагать достаточное время на оценку и сопоставление заявок, подписание контракта с победителем, а также некоторое дополнительное время для страхования от ситуации, когда победитель отказывается заключать контракт, в целях заключения контракта со следующим по выгодности условий участником. Указывалось, что при закупках продукции для государственных нужд заказчик должен требовать от поставщиков одновременно с представлением самой заявки предоставление обеспечения заявок (при закупках на сумму менее 2 500 МРОТ¹⁴ – был вправе). Размер обеспечения устанавливался не более 3% от предполагаемой цены государственного контракта. Был определен закрытый перечень форм обеспечения: банковская гарантия, залог, а также поручительство. Предусматривалась возможность обеспечения исполнения государственного контракта, как механизма дополнительной страховки заказчика на этапе поставки продукции.

С момента подписания Указа Президента РФ № 305 до принятия Государственной Думой нового федерального закона, регулирующего сферу общественных закупок, прошли два весьма неблагоприятных для российской экономики и богатых на события года. Вначале Российская Федерация испытала на себе действие усиливающегося экономического кризиса, проявившегося в секвестировании расходной части федерального бюджета 1997 г. Затем, в августе 1998 г., российское правительство, продолжительное время создававшее финансовую пирамиду при рефинансировании государственного долга, было вынуждено объявить дефолт по государственным обязательствам. Это привело к резкой девальвации национальной валюты и росту импортируемой инфляции, поставив импортозависимую страну на грань экономической катастрофы, значительно ухудшив положение подавляющей части населения страны, включая средние слои общества. Противостояние между президентом, с одной стороны, и контролируемой Государственной Думой оппозицией – с другой, еще более обострилось.

Недоверие правительству выражалось во всесторонней критике (хотя и не всегда обоснованной) представленных им законопроектов, в особенности – касающихся вопросов фискальной политики, бюджетных доходов и расходов. В этой связи попавший в Госдуму летом 1997 г. законопроект неоднократно переделывался, с участием, а затем и без всякого участия правительства, со значительным ухудшением качества. В итоге, после принятия его весной 1999 г., он был абсолютно не похож на первоначальный вариант и содержал множество смысловых недочетов и явных логических ошибок. Неопределенность в системе государственных закупок увеличилась.

С точки зрения регулирования сфера действия нового нормативного документа была значительно сужена: Федеральный закон № 97-ФЗ получил название «О конкурсах на размещение заказов... для государственных нужд»¹⁵. Таким образом, он, во-первых, не включал иных, кроме конкурса, способов закупок, а во-вторых, в ст. 2 содержал определение государственных нужд как потребностей Российской Федерации, что противоречило ст. 525 ч. 1 ГК РФ и не позволяло охватить уровень субъектов РФ, теряя их как объект регулирования. О муниципальных закупках речи также не шло.

¹⁴ Ввиду высокой инфляции в 1990-е гг. пороговые суммы устанавливались в МРОТ. Значение МРОТ на начальном этапе функционирования Указа Президента РФ № 305 составляло 83 490 (неденоминированных) руб. в соответствии с Федеральным законом, а с 01.01.2000 г. – в размере 100 руб. Таким образом, на момент подписания Указа Президента РФ № 305 2 500 МРОТ были равны 208 725,00 денормированных руб.

¹⁵ О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: Федеральный закон № 97-ФЗ от 6.05.1999 г. «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 19. Ст. 2302.

Законом было введено понятие организатора конкурса – «государственного заказчика в лице федерального органа исполнительной власти...», за счет чего из сферы действия нового нормативного акта, исключались иные федеральные органы, государственные учреждения и федеральные казенные предприятия, в частности, сама Государственная Дума. Кроме того, исходя из формулировок ст. 1, специальными федеральными законами регулировались государственные закупки в отдельных сферах экономики: сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, закупки в госрезерв, гособоронзаказ и др. Как отмечали В.И. Смирнов и Н.В. Нестерович, «закон сам ограничивал среду своего применения 10–20% общественных закупок в России (по стоимости)» (Нестерович, Смирнов, 2001).

В обычном случае заказчик при проведении конкурсов, исходя из источника выделяемых средств, был вынужден выбирать нормативный документ, по которому ему приходилось работать: Указ Президента РФ № 305 или Федеральный закон № 97-ФЗ. Более того, на их основе был принят ряд региональных и местных правовых актов, что еще больше размывало правовое поле и делало невозможным эффективный контроль за применением законодательства. В итоге специалисты по закупкам основывались на том, что эти два документа действовали параллельно:

1) закупки на нужды федеральных органов исполнительной власти в части торгов регулировались Законом № 97-ФЗ, а в части прочих методов закупки – Положением, утвержденным Указом Президента РФ № 305;

2) остальные государственные закупки, в том числе закупки на нужды субъектов РФ, регулировались региональным законодательством и Указом Президента РФ № 305;

3) муниципальные закупки не подпадали под действие ни федерального, ни регионального законодательства о государственных закупках и регулировались местными НПА.

И муниципальные, и региональные законы могли содержать описание иных, не определенных федеральными нормативными актами процедур закупок.

С точки зрения прописанных механизмов регулирования Федеральный закон № 97-ФЗ был хуже своего прямого предшественника – президентского Указа. Закон не содержал жесткого требования об обязательности размещения госзаказа на торгах, а применялся «в случаях проведения конкурсов» (ст. 1. п. 1). В нем были сделаны серьезные попытки по ограничению конкуренции, поскольку формулировки Закона содержали возможность отсеечения от участия в торгах многих потенциальных поставщиков, в частности, всю сферу обращения: «участник конкурса – поставщик (исполнитель), осуществляющий предпринимательскую деятельность по производству товаров (работ, услуг)...» (ст. 2), или «участником конкурса может быть только поставщик (исполнитель), имеющий производственные мощности и трудовые ресурсы, необходимые для производства...» (ст. 5 п. 1). Также имела место попытка заблокировать участие иностранных поставщиков: они «могут принимать участие в конкурсе в случае, если производство... в РФ отсутствует или экономически нецелесообразно» (ст. 6). Одновременно четких квалификационных требований указано не было, что предполагало произвольное толкование и возможность «дополнительных требований» со стороны организатора конкурса (ст. 5), который, к слову, мог быть не связанным с государством юридическим лицом (ст. 2).

Разновидностей конкурса по сравнению с Указом Президента РФ № 305 стало меньше.

Закон № 97-ФЗ не был документом прямого действия и требовал дополнительных подзаконных актов, уточняющих особенности функционирования заказчика по многочисленным аспектам его взаимодействия с участниками формируемого рынка.

Его более низкое качество, чем у предшествующих нормативных актов, свидетельствует о больших проблемах, как с законотворческим процессом в России того периода, так и с разбалансированностью системы государственного регулирования российской экономики в целом. Разработка нормативных актов напоминала скорее «латание дыр» и исполнение обязательств перед лоббистами тех или иных законопроектов, нежели системное решение проблемы и стратегию экономического развития.

В этот период начинается активная подготовка и переобучение профильных специалистов для сферы государственных закупок. Была обозначена головная организация, ответственная за этот процесс (ГУ–ВШЭ, г. Москва), определены первые центры переподготовки (Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Новосибирск и др.), а также сформирован спрос на их услуги в целях обеспечения соответствия членов и председателей конкурсных комиссий требованиям законодательства. Указанные документы дали старт формированию в России необходимого для проведения успешных реформ экспертного сообщества. Однако значимый эффект для системы эта мера сможет дать только через несколько лет.

Вместе с тем, сразу с момента принятия Закона № 97-ФЗ возникла насущная необходимость нового закона о закупках и поставках продукции для государственных нужд.

3. Переход к концепции «единого закона для всех»

Активные обсуждения проекта нового базового закона о закупках и поставках продукции для государственных нужд проходили, начиная с 2001 г., в течение нескольких лет в форме конференций, межведомственных согласований, дискуссий в открытой печати и т.п. Законопроект, поступивший в Государственную Думу, был принят в первом чтении в согласованной редакции. И вот здесь во всей своей полноте проявилась непредсказуемость российского законотворческого процесса. Во второй редакции концепция закона существенно поменялась. Наконец, в проведенном третьем чтении, был принят принципиально иной, незнакомый специалистам и общественности и не обсуждавшийся в широком экспертном сообществе вариант, известный как Закон № 94-ФЗ «О размещении заказов...»¹⁶, предполагавший ряд технологических и сущностных нововведений. Из-за отсутствия достаточного предварительного обсуждения документ получился непродуманным, что привело в дальнейшем к регулярной корректировке, затрагивавшей как технологию размещения заказов, так и его отдельные концептуальные элементы¹⁷.

Сначала коснемся положительных характеристик, способствовавших эволюционному развитию и соответствовавших международной практике прокьюремента¹⁸.

1) Базовой идеей нового закона стало стимулирование расширения рынка государственных закупок, как за счет облегчения входа потенциальных поставщиков, включая иностранных участников, компаний-посредников и даже физических лиц, так и увеличения числа заказчиков из-за унификации правил закупок на муниципальном уровне.

2) Правила и технологии федеральных, региональных и муниципальных закупок впервые в российской практике становились едиными.

3) Закон № 94-ФЗ заложил основы новой системы информирования участников рынка посредством размещения информации на официальном сайте в сети Интернет.

4) Впервые были сформулированы правила проведения закупок в электронной форме.

5) Убраны избыточные, технически сложно реализуемые согласования с органами, уполномоченными на осуществление контроля.

6) Официально было признано наличие проблемы малых закупок, которые в первой редакции были выведены из-под действия норм закона (ст. 1 ч. 2).

7) Вновь появились механизмы внесудебного обжалования, потерянные в рамках Закона № 97-ФЗ. Технология обжалования была достаточно подробно прописана.

¹⁶ Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» //Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30(1). Ст. 3105.

¹⁷ Последняя действующая редакция Закона № 94-ФЗ была 40-й по счету за 8 лет правоприменения, что означает внесение изменений и дополнений в базовый закон 5 раз в год в среднем.

¹⁸ Прокьюремент (от англ. *procurement* - приобретение, поставка) определяется как совокупность методов, позволяющих удовлетворять потребности заказчика в продукции. Профессиональный анализ законодательства, посвященного размещению заказов в рамках Закона № 94-ФЗ, можно также увидеть в работах (Каранатова, 2010; Кузнецова, 2010; Смотрицкая, 2009; Дорошенко и др., 2011; Храмкин, 2011; Белокрылова, 2011 и др.).

Минусов в новом законе оказалось довольно много. Что самое неприятное, ряд ошибок закона были концептуальными, т.е. противоречащими принципам эффективного прокьюремента. Имел место ряд неудачных формулировок, касающихся правил закупок. Можно отметить также наличие ряда двойственных норм – верных по сути, но неудачно прописанных.

Во-первых, закон не содержал механизмов, позволяющих заказчику приобрести качественную продукцию, а также привлечь квалифицированных поставщиков (имеющих необходимые производственные ресурсы, исполнявших аналогичные контракты, не имевших проблем с репутацией).

Во-вторых, памятую о том, что рынок общественных закупок составляет 15–20 % от ВВП, можно говорить о влиянии новых правил, предполагающих установление заказчиком начальной (максимальной) цены на стимулирование инфляции в России. Можно было бы заранее предположить, что и заказчики, и поставщики предпочтут завышение НМЦ относительно рыночных показателей. Для поставщиков это способ повысить прибыль, а для заказчиков – показать большой объем (долю) сэкономленных бюджетных средств. В дополнение такая норма обеспечивает рост коррупционной емкости законодательства о закупках.

В-третьих, открытый конкурс – международно признанный эталон госзакупок – превратился из главного способа закупок в равнозначный (де-факто, а на практике – во вспомогательный) (ст. 10), что уменьшило возможности заказчика по привлечению продуманных заявок и повысило вероятность авантюрных предложений со стороны участников.

В-четвертых, если вспомнить, что участники размещения заказов теперь были не обязаны подтверждать свое соответствие даже ограниченному набору требований (ст. 11 ч. 1, 6), то закон стимулировал снижение качества участников рынка и появлению на нем множества фирм-однодневок. Можно было ожидать роста финансовых махинаций и поставок контрафактной продукции.

В-пятых, в новом законе не был предусмотрен ряд процедур и способов закупок, показавших свою состоятельность при реализации Указа Президента РФ № 305. Например, были ликвидированы полезные механизмы предварительного квалификационного отбора и постквалификации, закрытые торги на небольшую сумму и двухэтапный конкурс.

В-шестых, нормы закона требовали значительного увеличения трудозатрат заказчика: на освоение новых технологий закупок, на соблюдение многочисленных сроков и процедур, на самостоятельное подтверждение соответствия участников требованиям, на подготовку и переподготовку специалистов, электронизацию отдельных процессов.

В-седьмых, как мы уже отмечали, закон в такой редакции в 2005 г. был принят на «скорую руку», что сказалось на качестве описания различных закупочных технологий, вводящих в замешательство большинство практикующих специалистов (*Смирнов, 2006*). Это проявилось в необходимости со стороны законодателей постоянного «совершенствования» данного нормативного акта на всем протяжении его действия, что снова и снова приводило к дополнительным издержкам со стороны заказчиков на организацию закупок.

Как отмечал в своей работе Кирилл Кузнецов, «по словам госзаказчиков, конкурсы зачастую проводились лишь для того, чтобы отчитаться перед финансовыми органами» (*Кузнецов, 2003*), что совершенно не предполагало заботы об общественном результате и экономической эффективности, и «нередки были случаи, когда победитель торгов становился известен задолго до их проведения». Очевидно, что разработчики Закона № 94-ФЗ перестали надеяться на добрую волю заказчиков и сделали ставку на стимулирование конкуренции на формируемом рынке с использованием в качестве основного показателя деятельности заказчика экономии бюджетных средств. Но поскольку документ был написан без учета действия неформальных институтов и психо-

логии поведения участников формируемого рынка, правоприменительная практика со временем показала, что эти ожидания законодателя в основном не оправдались.

4. Условия формирования контрактной системы в сфере общественных закупок

Период подготовки и ожидания вступления в силу закона о контрактной системе стал моментом активных обсуждений итогов развития технологий государственных закупок в России¹⁹. Действовавшие правила размещения заказов, прописанные в Законе № 94-ФЗ, у многих вызвали разочарование: заказчики не могли своевременно приобрести нужную продукцию, ее пользователи жаловались на стабильно низкое качество таких приобретений, поставщики не хотели принимать участия в закупочных процедурах по причине риска несвоевременной оплаты, угрозы дополнительных издержек от коррупции или боязни впустую потерять время, наконец, государственные чиновники и президент упрекали сложившуюся закупочную систему в неэкономичности, а то и в провалах бюджетно-налоговой политики.

В течение 2011 г. во исполнение поручения президента и премьер-министра было разработано несколько вариантов модернизации законодательства, из которых наибольшую известность получил представленный МЭР проект Федерального закона «О федеральной контрактной системе». Под влиянием общественной поддержки радикальных шагов, возрастающей критики со стороны заказчиков, реформаторского азарта МЭР и активного сопротивления ФАС, для которой возрастал риск потерять контролирующие функции при размещении заказов, законопроект по-прежнему требовал серьезной корректировки. Первая версия, предложенная МЭР, получилась коррупционно емкой и громоздкой с точки зрения бюрократических процедур. Получив изрядную порцию критики, она была отправлена на доработку. В то же время поступили альтернативные предложения по модернизации Закона № 94-ФЗ от Федеральной антимонопольной службы.

В итоге компромиссный вариант был согласован и принят Советом Федерации в виде Федерального закона от 05.04.2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», подписан президентом 05.04.2013 г. и предусматривал вступление в силу с 01.01.2014 г.

Здесь можно заметить расширенное по сравнению с Законом № 94-ФЗ понимание принципа эффективности, подразумевающее, в частности, необходимость достижения заданных результатов обеспечения нужд (результативность), а также появление нового принципа стимулирования инноваций, который означает приоритетность, при прочих равных условиях, закупок инновационной и высокотехнологичной продукции²⁰.

Принципиальные изменения схемы регулирования государственных и муниципальных закупок проявились в другом. В соответствии с Федеральным законом «О размещении заказов...» заказ признавался размещенным со дня заключения контракта (или иных гражданско-правовых договоров по ст. 55 ч. 2 п. 14), что приводило к повышенному риску безответственности со стороны заказчика относительно результатов поставки продукции. С точки зрения концепции Закона № 94-ФЗ процедура была важнее результата закупки. Во всяком случае, за результат не предусматривались штрафные санкции в КоАП РФ²¹.

¹⁹ О концепции формирования и развития контрактной системы РФ и международном опыте ее построения см., например, здесь: ipamm.hse.ru/upload/download/library/wp8-2011-02.pdf (Головицкий, Шамрин, 2011).

²⁰ В современной международной практике регуляции, связанные с расширением использования бюджетных средств в целях стимулирования инновационной активности предприятий, весьма популярны. Государственные закупки рассматриваются как один из значимых инструментов роста показателей инновационности страны в международных рейтингах, усиления генерирования и распространения инноваций (Markovic-Hribernik, Detelj, 2016; Edler, Yeow, 2016; Detelj, Jagric, Markovic-Hribernik, 2016; Georghiou L., Edler J., Uyarra E., Yeow J., 2014; Knutsson H., Thomasson A., 2014; Кравец, 2016; Иванова, 2013 и др.).

²¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23.07.2013 г. № 249-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

Штрафы, установленные КоАП РФ для случаев несоблюдения законодательства о размещении заказов, приведены в ст. 7.29, 7.30, 7.31, 7.32, 19.5, 19.7.2, 19.7.4 и др.

Сфера действия Закона № 44-ФЗ была значительно расширена. Он охватывал процессы планирования закупочной деятельности, определения поставщика (от размещения извещения до заключения контракта с победителем), процесс закупки (поставки) продукции до исполнения контракта сторонами, а также учет и контроль полученных результатов.

Законом предполагалось совершенствование сферы информационного обеспечения контрактной системы в сравнении с периодом размещения заказов в рамках № 94-ФЗ. На базе общероссийского официального сайта предусматривалось значительное расширение функционала поддержки проведения закупок, как для поставщиков, так и для участников. В частности, в Законе № 44-ФЗ говорится о появлении таких новых элементов, как библиотека типовых контрактов и типовых условий контрактов, реестр банковских гарантий, каталоги продукции для государственных и муниципальных нужд, информация о ценах, складывающихся на рынках, и т.п. Введение идентификационного кода закупки предполагало появление механизма сквозного наблюдения и интеграции сведений от плана закупок до размещенных в системе отчетов о поставке продукции. Статья 5 ч. 1 Закона предполагала использование ЕИС, как механизма обмена электронными документами между поставщиками и заказчиками, что создавало необходимый задел для дальнейшей электронизации иных способов определения поставщика в рамках системы закупок продукции для общественных нужд.

Теперь заказчик должен был обосновывать закупку: во-первых, постулировалась необходимость обоснования соответствия закупки конкретной цели при формировании плана закупок, а также обоснование НМЦ контракта и способа определения поставщика, в том числе дополнительных требований к участникам в плане-графике. Закон предусматривал введение механизма нормирования в сфере закупок. Законодатель посчитал необходимым блокирование закупок продукции для общественных нужд с избыточными потребительскими свойствами и предметов роскоши, что означало введение возможных ограничений по количеству, качеству, установление предельных цен или нормативных затрат.

При проведении конкурсов и аукционов у заказчика появилась обязанность устанавливать требования к обеспечению заявок на участие, которое может предоставляться путем внесения денежных средств или в виде банковской гарантии²² в размере 0,5–5% от начальной цены²³. Напомним, что в Законе № 94-ФЗ требование обеспечения заявки при проведении торгов было правом заказчика. В подавляющем большинстве случаев закупок, осуществляемых как открытым, так и закрытым способом, заказчик должен устанавливать требование обеспечения исполнения контракта, которое по аналогии может быть представлено в виде банковской гарантии или внесения денежных средств в размере от 5 до 30% от НМЦ для общего случая²⁴.

Сам процесс исполнения контракта в соответствии с Законом № 44-ФЗ также содержал ряд нововведений. Комплекс мер, направленных на осуществление закупки, включал приемку продукции, проведение экспертизы поставляемого товара (собственными силами или с привлечением внешних экспертов), оплату заказчиком продукции, а также отдельных этапов ее поставки, если этапы были предусмотрены соглашением. Результаты каждого отдельного этапа исполнения контракта и информация о поставленной продукции должны были отражены заказчиком в отчете, размещаемом в ЕИС.

Закон «О контрактной системе ...» содержит развернутое описание механизма обжалования со стороны участника закупки недобросовестного поведения заказчика и его представителей, а также оператора площадки в случае проведения электронного аукциона. В частности, приведены механизмы разрешения противоречий в результатах проверок между контролирующими органами разных уровней власти.

²² В электронных аукционах, исходя из технологии, – только в виде перечисления денежных средств.

²³ В коротком электронном аукционе при закупках продукции на сумму не более 3 млн руб. – 1% от НМЦ.

²⁴ Детально технологию и условия предоставления банковской гарантии в соответствии с законодательством и деловой практикой РФ можно посмотреть здесь: <http://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-bankovskoy-garantii-kak-instrumenta-obespecheniya-uchastiya-v-protsedurah-gosudarstvennyh-zakupok>.

В целом, мы можем констатировать, что нормы Закона № 44-ФЗ в значительной мере обеспечивали эволюционное развитие тех правил, которые были заложены в рамках многократного совершенствования Закона № 94-ФЗ «О размещении заказов...»²⁵. Проблемы продолжают скрываться в самой закупочной концепции, не видимой взглядом стороннего наблюдателя.

Выводы: О перспективах победы государства над самим собой

Как отмечал Д. Норт, институты создаются, чтобы служить интересам своих создателей (*North, 1990*). И рыночные проявления неэффективности норм далеко не всегда влекут за собой шаги по исправлению создавшейся ситуации. Известные этапы формирования институциональной среды рынка государственных закупок в Российской Федерации тому прямое подтверждение.

Эволюция способов закупок продукции для государственных и муниципальных нужд позволяет проследить степень влияния российской постсоветской бюрократии на законотворческий процесс и является барометром политических настроений, отражающим, помимо прочего, доминирующую концепцию экономической политики.

Мы можем наблюдать, как угасала надежда законодателя на появление российско-го чиновника, не склонного к оппортунистическому поведению, отстаивающего приоритет общественных интересов перед групповыми или личными. Легко заметить, как в законодательстве о закупках со временем была утрачена приоритетность промышленной политики и поставлена во главу угла политика конкурентная. Как был утрачен необходимый баланс между антикоррупционностью норм и результативностью закупочной деятельности.

Анализируя свод формальных правил о государственных закупках, возможно увидеть практически все негативные черты российского законотворческого процесса: от ограниченной рациональности законодателя, способствующей появлению непрофессиональных формулировок, и ликвидации смысла отдельных норм с помощью поправок и подзаконных актов, до случая принятия не того нормативного документа, концепция которого несколько лет предварительно обсуждалась. Можно заметить легкость корректировки базового закона, наблюдая в нем следы разнообразных лоббирующих групп: импортеров, строителей, аграриев, отдельных групп заказчиков, влиятельных органов государственного управления и т.п.²⁶

Прошло 20 лет с принятия в России первого базового Закона о государственных закупках, № 60-ФЗ, и 25 лет с начала модернизации данной сферы на рыночных принципах. Это период, достаточный для того, чтобы сделать некоторые обобщения и увидеть концептуальные проблемы.

Стоит обратить внимание на то, что цели и способы государственных закупок не должны искажаться ради гипертрофированного стимулирования конкуренции. При этом забывается, что рост конкуренции на любом рынке – это средство, а не цель. Но даже если забыть, что система государственных закупок может быть использована как механизм стимулирования производства и финансирования за бюджетный счет наиболее эффективных отечественных поставщиков, даже если забыть о стимулировании создания в России новых рабочих мест, о потребности в развитии предпринимательства и росте налогооблагаемой базы, – в любом случае не должно возникать ситуации, когда заказчик не в состоянии приобрести для общественных нужд требуемое благо

²⁵ По-прежнему не уделено должного внимания экологичности, качеству закупаемой продукции и, в целом, факторам влияния государственных закупок на проблему устойчивого развития, что крайне актуально и широко обсуждается в международном научном сообществе (*Grandia, 2016; Czech et al., 2016; Testa et al., 2016 и ряд др.*).

²⁶ Зарубежная практика регулирования сферы закупок продукции для государственных нужд демонстрирует не меньшую инертность и рассогласованность. Изменение подходов к проведению экономической политики требует времени и взаимодействия различных органов власти, координации на государственном и местном уровнях, учета традиций и сформировавшейся институциональной среды (*Barrett, 2016; Borges, Walter, Santos, 2016; Placek, Schmidt, Ochrana, Pucek, 2016; Sorte, 2016; Ross, Yan, 2015; Ayhan, Ustuner, 2015; Decarolis, Giorgiantonio, 2015 и др.*).

необходимого качества. И качественную продукцию непросто приобрести по самой низкой цене.

Едва ли можно считать правомерной ситуацию, когда добропорядочный заказчик, испытывающий необходимость в закупке продукции для своей структуры и не желающий нарушать нормы базового закона, вынужден из-за сложности или неуместной продолжительности процедур «договариваться» с поставщиками или согласовывать закупку с контролирующими органами государственного управления.

Нельзя согласиться с идеей о том, что процессу закупки (соблюдению сроков, правил взаимодействия с участниками и т.п.) нужно уделять большее внимание, чем результату закупки, включая возможность удовлетворения текущей потребности.

Система государственных и муниципальных закупок как нельзя лучше демонстрирует безуспешность попыток контроля за государством со стороны самого государства. И основная надежда на снижение коррупции, а равно рост привлекательности и доступности этого рынка, связана с перспективой контроля со стороны общественности, точнее, со стороны тех самых заинтересованных в победе квалифицированных поставщиков, от которых не без успеха пытались избавиться в период действия закона о размещении заказов. Сегодня 250 000 государственных и муниципальных заказчиков и сотни тысяч участников закупок в России оказывают значительное влияние на изменение принципов социального взаимодействия в российском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев М.В. (2004). Логистика государственных закупок инвестиционных товаров. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 274 с.

Белокрылова О.С. (ред.) (2011). Экономика бюджетных заказов. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 224 с.

Вольчик В.В., Нечаев А.Д. (2015). Трансакционный анализ сферы государственных закупок: монография. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 144 с.

Головщинский К.И., Шамрин А.Т. (2011). Основные направления создания и развития комплексной федеральной контрактной системы в Российской Федерации: препринт WP8/2011/02. М.: Изд. дом ВШЭ, 60 с.

Дорошенко Т.Г., Дюнина О.П., Кокарева А.А. и др. (2011). Управление государственными и муниципальными заказами. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 381 с.

Иванова В.О. (2013). Государственные закупки как инструмент принуждения к инновациям промышленного сектора экономики // *Российское предпринимательство*, № 15 (273), с. 77–84.

Каранатова Л.Г. (2010). Формирование эффективного механизма управления государственными заказами: вопросы теории и практики: монография. СПб.: Изд-во СЗАГС, 216 с.

Кравец А.В. (2016). Инновационная экономика России: проблемы и перспективы экономического роста // *Креативная экономика*, т. 10, № 1, с. 21–34.

Кузнецов К.В. (2003). Настольная книга поставщика и закупщика: торги, конкурсы, тендеры. М.: Альпина Паблишер, 339 с.

Кузнецова И.В. (2010). Общие принципы размещения заказов для государственных и муниципальных нужд. Модуль 1. М.: Ин-т управления закупками и продажами им. А.Б. Соловьева ГУ-ВШЭ, 176 с.

Кузьменко Б. (1991). Ни планов, ни заданий, ни госзаказов! // *Экономика и жизнь*, № 2, с. 9.

Мельников В.В. (2008). Институциональная трансформация механизма государственных закупок в постсоветской России: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 220 с.

Нестерович Н.В., Смирнов В.И. (2000). Конкурсные торги на закупку продукции для государственных нужд. М.: ИНФРА-М, 360 с.

Нестерович Н.В., Смирнов В.И. (ред.) (2001). Организация и проведение конкурсов на закупку продукции для федеральных государственных нужд. М.: ГУ-ВШЭ, 332 с.

Ноздрачев А.Ф. (1994). Государство как заказчик продукции // Государство и право, № 7, с. 35–45.

Смирнов В.И. (2006). Комментарий к Федеральному закону «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ. М.: ГУ ИМЭИ, 182 с.

Смирнов В.И., Нестерович Н.В., Гончаров Е.Ю. и др. (2000). Становление рыночной системы государственных закупок в России. Казань: НПО БизнесИнфоСервис, 320с.

Смотрицкая И.И. (2009). Экономика государственных закупок. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 232 с.

Фетисов Г.Г. (2006). Монетарная политика и развитие денежно-кредитной системы России в условиях глобализации: национальный и региональный аспекты. М.: Экономика, 512 с.

Ханин Г.И. (2012). Экономическая история России в новейшее время, т. 3. Российская экономика в 1992–1998 гг.: монография. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие–XXI век», 398 с.

Храмкин А.А. (2011). Противодействие коррупции в госзакупках. М.: ИД «Юриспруденция», 152 с.

Шмаков А.В. (2014). Воздействие фактора доверия на процесс принятия экономических решений // *Terra Economicus*, т. 12, № 3, с. 29–47.

Ясин Е.Г. (2003). Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 437 с.

Auriol E., Straub S. and Flochel T. (2016). Public procurement and Rent-Seeking: The Case of Paraguay // *World Development*, vol. 77, pp. 395–407.

Ayhan B. and Ustuner Y. (2015). Governance in public procurement: the reform of Turkey's public procurement system // *International Review of Administrative Sciences*, vol. 81, no. 3, pp. 640–662.

Barrett P. (2016). New development: Procurement and policy outcomes – a bridge too far // *Public Money & Management*, vol. 36, no. 2, pp. 145–148.

Borges L.M., Walter F. and Santos L.C. (2016). Process Analysis and Redesign in the Public Sector: Identification of Improvements in a Procurement Process // *Holos*, vol. 32, no. 1, pp. 231–252.

Czech E.K., Niczyporuk J. and Panasiuk A. (2016). Impact of the legal regulations from the new package of directives coordinating the procedures of public procurement granting on the forests protection in Poland // *Sylwan*, vol. 160, no. 4, pp. 328–335.

Decarolis F. and Giorgiantonio C. (2015). Local public procurement regulations: The case of Italy // *International Review of Law and Economics*, vol. 43, pp. 209–226.

Detelj K., Jagric T. and Markovic-Hribernik T. (2016). Exploration of the Effectiveness of public procurement for Innovation: Panel Analysis of EU Countries' Data // *Lex localis – Journal of Local Self-Government*, vol. 14, no. 1, pp. 93–114.

Edler J. and Yeow J. (2016). Connecting demand and supply: The role of intermediation in public procurement of innovation // *Research Policy*, vol. 45, no. 2, pp. 414–426.

Flynn A. and Davis P. (2016). The policy-practice divide and SME-friendly public procurement // *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 34, no. 3, pp. 559–578.

Georghiou L., Edler J., Uyarra E. and Yeow J. (2014). Policy instruments for public procurement of innovation: Choice, design and assessment // *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 86, pp. 1–12.

Grandia J. (2016). Finding the missing link: examining the mediating role of sustainable public procurement behaviour // *Journal of Cleaner Production*, vol. 124, pp. 183–190.

Knutsson H. and Thomasson A. (2014). Innovation in the public procurement process // *Public Management Review*, vol. 16, no. 2, pp. 242–255.

Loader K. (2016). Is local authority procurement supporting SMEs? An analysis of practice in English local authorities // *Local Government Studies*, vol. 42, no. 3, pp. 464–484.

Loader K. and Norton S. (2015). SME access to public procurement: An analysis of the experiences of SMEs supplying the publicly funded UK heritage sector // *Journal of Purchasing & Supply Management*, vol. 21, no. 4, pp. 241–250.

Markovic-Hribernik T. and Detelj K. (2016). Simulation of Public Procurement impact on Innovativeness of EU Countries // *International Journal of Simulation Modelling*, vol. 16, no. 2, pp. 249–261.

McKevitt D. and Davis P. (2016). Value for money: a broken pinata? // *Public Money & Management*, vol. 36, no. 4, pp. 257–264.

Mironov M. and Zhuravskaya E. (2016). Corruption in procurement and the Political Cycle in Tunneling: Evidence from Financial Transactions Data // *American Economic Journal: Economic Policy*, vol. 8, no. 2, pp. 287–321.

Mizoguchi T. and Quyen N.V. (2014). Corruption in Public Procurement Market // *Pacific Economic Review*, vol. 19, no. 5, pp. 577–591.

North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. USA: Cambridge University Press, 152 p.

Placek M., Schmidt M., Ochraňa F. and Pucek M. (2016). Impact of Selected Factors Regarding the Efficiency of public procurement (the Case of the Czech Republic) with an Emphasis on Decentralization // *Ekonomický časopis*, vol. 64, no. 1, pp. 22–36.

Reijonen H., Tammi T. and Saastamoinen J. (2016). SMEs and public sector procurement: Does entrepreneurial orientation make a difference? // *International Small Business Journal*, vol. 34, no. 4, pp. 468–486.

Ross T.W. and Yan J. (2015). Comparing Public-Private Partnerships and Traditional public procurement: Efficiency vs. Flexibility // *Journal of Comparative Policy Analysis*, vol. 17, no. 5, pp. 448–466.

Sorte W.F. (2016). Nurturing domestic firms through public procurement: A comparison between Brazil and Japan // *Public Policy and Administration*, vol. 31, no. 1, pp. 29–50.

Testa F., Annunziata E., Iraldo F. and Frey M. (2016). Drawbacks and opportunities of green public procurement: an effective tool for sustainable production // *Journal of Cleaner Production*, vol. 112, no. 3, pp. 1893–1900.

Tucker P. (2014). \$180 Million for an F-35 – What We Could Buy Instead // *The Fiscal Times*, November 14.

REFERENCES

Afanasyev M.V. (2004). Logistics state purchases of investment goods. Saint-Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of Economics and Finance, 274 pp. (In Russian.)

Belokrylova O.S. (ed.) (2011). Economics of procurement. Rostov-on-Don: Publishing House «Sodeystvie–XXI vek», 224 p. (In Russian.)

Doroshenko T.G., Dyunina O.P., Kokarev A.A. and Smolin I.A. (2011). State and municipal order management. Irkutsk: Baikal State University of Economics and Law Publ., 381 p. (In Russian.)

Fetisov G.G. (2006). Monetary policy and the development of the monetary system of Russia in the conditions of globalization: national and regional aspects. Moscow: Ekonomika Publ., 512 pp. (in Russian.)

Golovschinsky K.I. and Shamrin A.T. (2011). The basic directions of creation and development of an integrated federal contract system in the Russian Federation: Preprint WP8 / 2011/02. Moscow: Publishing. House School of Economics, 60 pp. (In Russian.)

Hramkin A.A. (2011). Combating corruption in public procurement. Moscow: Publishing House «Jurisprudence», 152 p. (In Russian.)

Ivanova V.O. (2013). Public procurement as an instrument of coercion to innovate industrial sectors. *Russian Entrepreneurship*, no. 15 (273), pp. 77–84. (In Russian.)

Karanatova L.G. (2010). Formation of an effective public order management mechanism: the theory and practice: a monograph. Saint-Petersburg: Publishing house of the Russian Academy of Public Administration Under the President of the Russian Federation, 216 p. (In Russian.)

Khanin G.I. (2012). The economic history of Russia in recent times, vol. 3. The Russian economy in 1992–1998. Rostov-on-Don: Publishing House «Sodeystvie–XXI vek», 398 p. (In Russian.)

Kravets A.V. (2016). Innovative economy of Russia: problems and prospects of economic growth. *Creative Economy*, vol. 10, no. 1, pp. 21–34. (In Russian.)

Kuzmenko B. (1991). No plans, no jobs, no government orders! *Economy and Life*, no. 2, p. 9. (In Russian.)

Kuznetsov K.V. (2003). Handbook of the supplier and purchaser: auctions, contests, tenders. Moscow: Alpina Publisher, 339 p. (In Russian.)

Kuznetsova I.V. (2010). The general principles of placing orders for state and municipal needs. Module 1. Moscow: HSE, 176 p. (In Russian.)

Melnikov V.V. (2008). Institutional transformation of the government procurement mechanism in post-Soviet Russia. Novosibirsk: Publ. House of the Novosibirsk State Technical University. (In Russian.)

Nesterovich N.V. and Smirnov V.I. (2000). Competitive tendering for the purchase of products for state needs. Moscow: INFRA-M, 360 p. (In Russian.)

Nesterovich N.V. and Smirnov V.I. (eds.) (2001). The organization and holding of tenders for the purchase of products for federal state needs. Moscow: HSE, 332 p. (In Russian.)

Nozdrachyov A.F. (1994). The State as customer products. *State and Law*, no. 7, pp. 35–45. (In Russian.)

Shmakov A.V. (2014). How Trust Influences Economic Decisions. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 3, pp. 29–47. (In Russian.)

Smirnov V.I. (2006). Commentary to the Federal Law «On placing orders for goods, works and services for state and municipal needs» of July 21, 2005 № 94-FZ. Moscow: Macroeconomic Research Institute Publ., 182 pp. (In Russian.)

Smirnov V.I., Nesterovich N.V., Goncharov E.J. et al. (2000). Formation of a market system of public procurement in Russia. Kazan: NGO BiznesInfoServis, 320 p. (In Russian.)

Smotrinskaya I.I. (2009). Economy of public procurement. Moscow: Book House «LI-BROKOM», 232 p. (In Russian.)

Volchik V.V. and Nechayev A.D. (2015). Transactional analysis of the public procurement: a monograph. Rostov-on-Don: Publishing House of the «Sodeystvie–XXI vek», 144 pp. (In Russian.)

Yasin E. (2003). The Russian economy: the origins and the panorama of market reforms. Moscow: Publishing House of the HSE, 437 p. (In Russian.)

Auriol E., Straub S. and Flochel T. (2016). Public procurement and Rent-Seeking: The Case of Paraguay. *World Development*, vol. 77, pp. 395–407.

Ayhan B. and Ustuner Y. (2015). Governance in public procurement: the reform of Turkey's public procurement system. *International Review of Administrative Sciences*, vol. 81, no. 3, pp. 640–662.

Barrett P. (2016). New development: Procurement and policy outcomes – a bridge too far. *Public Money & Management*, vol. 36, no. 2, pp. 145–148.

Borges L.M., Walter F. and Santos L.C. (2016). Process Analysis and Redesign in the Public Sector: Identification of Improvements in a Procurement Process. *Holos*, vol. 32, no. 1, pp. 231–252.

Czech E.K., Niczyporuk J. and Panasiuk A. (2016). Impact of the legal regulations from the new package of directives coordinating the procedures of public procurement granting on the forests protection in Poland. *Sylwan*, vol. 160, no. 4, pp. 328–335.

Decarolis F. and Giorgiantonio C. (2015). Local public procurement regulations: The case of Italy. *International Review of Law and Economics*, vol. 43, pp. 209–226.

Detelj K., Jagric T. and Markovic-Hribernik T. (2016). Exploration of the Effectiveness of public procurement for Innovation: Panel Analysis of EU Countries' Data. *Lex localis – Journal of Local Self-Government*, vol. 14, no. 1, pp. 93–114.

Edler J. and Yeow J. (2016). Connecting demand and supply: The role of intermediation in public procurement of innovation. *Research Policy*, vol. 45, no. 2, pp. 414–426.

Flynn A. and Davis P. (2016). The policy-practice divide and SME-friendly public procurement. *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 34, no. 3, pp. 559–578.

Georghiou L., Edler J., Uyarra E. and Yeow J. (2014). Policy instruments for public procurement of innovation: Choice, design and assessment. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 86, pp. 1–12.

Grandia J. (2016). Finding the missing link: examining the mediating role of sustainable public procurement behaviour. *Journal of Cleaner Production*, vol. 124, pp. 183–190.

Knutsson H. and Thomasson A. (2014). Innovation in the public procurement process. *Public Management Review*, vol. 16, no. 2, pp. 242–255.

Loader K. (2016). Is local authority procurement supporting SMEs? An analysis of practice in English local authorities. *Local Government Studies*, vol. 42, no. 3, pp. 464–484.

Loader K. and Norton S. (2015). SME access to public procurement: An analysis of the experiences of SMEs supplying the publicly funded UK heritage sector. *Journal of Purchasing & Supply Management*, vol. 21, no. 4, pp. 241–250.

Markovic-Hribernik T. and Detelj K. (2016). Simulation of Public Procurement impact on Innovativeness of EU Countries. *International Journal of Simulation Modelling*, vol. 16, no. 2, pp. 249–261.

McKevitt D. and Davis P. (2016). Value for money: a broken pinata? *Public Money & Management*, vol. 36, no. 4, pp. 257–264.

Mironov M. and Zhuravskaya E. (2016). Corruption in procurement and the Political Cycle in Tunneling: Evidence from Financial Transactions Data. *American Economic Journal: Economic Policy*, vol. 8, no. 2, pp. 287–321.

Mizoguchi T. and Quyen N.V. (2014). Corruption in Public Procurement Market. *Pacific Economic Review*, vol. 19, no. 5, pp. 577–591.

North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. USA: Cambridge University Press, 152 p.

Placek M., Schmidt M., Ochraňa F. and Pucek M. (2016). Impact of Selected Factors Regarding the Efficiency of public procurement (the Case of the Czech Republic) with an Emphasis on Decentralization. *Ekonomický časopis*, vol. 64, no. 1, pp. 22–36.

Reijonen H., Tammi T. and Saastamoinen J. (2016). SMEs and public sector procurement: Does entrepreneurial orientation make a difference? *International Small Business Journal*, vol. 34, no. 4, pp. 468–486.

Ross T.W. and Yan J. (2015). Comparing Public-Private Partnerships and Traditional public procurement: Efficiency vs. Flexibility. *Journal of Comparative Policy Analysis*, vol. 17, no. 5, pp. 448–466.

Sorte W.F. (2016). Nurturing domestic firms through public procurement: A comparison between Brazil and Japan. *Public Policy and Administration*, vol. 31, no. 1, pp. 29–50.

Testa F., Annunziata E., Iraldo F. and Frey M. (2016). Drawbacks and opportunities of green public procurement: an effective tool for sustainable production. *Journal of Cleaner Production*, vol. 112, no. 3, pp. 1893–1900.

Tucker P. (2014). \$180 Million for an F-35 – What We Could Buy Instead. *The Fiscal Times*, November 14.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК В КОНТЕКСТЕ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ¹

Ольга Спиридоновна БЕЛОКРЫЛОВА,
доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

В статье на основе идентификации содержательных характеристик понятия «институциональные условия» проанализированы этапы их совершенствования на рынке государственных и муниципальных закупок России, что позволило выделить в качестве современного этапа их эволюции формирование контрактной системы, ориентированной на повышение степени электронизации всех фаз единого цикла закупки – планирования, осуществления закупки, заключения контракта, экспертизы результатов его исполнения. Как показал анализ результатов опроса специалистов по управлению государственными закупками, повышавших квалификацию в Пилотном центре государственных закупок ЮФУ, рост степени транспарентности закупочных процедур при использовании электронного аукциона как приоритетного способа определения поставщика в РФ обеспечивает достижение конкуренции на торгах, в свою очередь локализирующей риск неэффективного использования бюджетных средств, некачественного удовлетворения общественных потребностей, а также риск коррупции. Предложены меры по снижению риска коррупции, в частности через развитие системы общественного контроля закупок и перевод на электронную основу, наряду с электронным аукционом, также открытого конкурса как способа определения поставщика.

Ключевые слова: институциональные условия; государственные закупки; риски; контрактная система; коррупция; общественный контроль; смешанная модель

ENHANCEMENT OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF PUBLIC PROCUREMENT MARKET IN THE CONTEXT OF RISK REDUCTION

Olga S. BELOKRYLOVA,
Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: belokrylova@sfedu.ru

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00487213.01-24/2013-132 «Экономические и правовые риски российской системы государственных и муниципальных закупок: факторы, оценка, меры снижения (локализации)».

The article deals with the issue of improving institutional environment in the government and municipal procurement in Russia. The analysis is focused at the present stage of these systems' evolution – establishment of the contract system, featured by increased digitalization of all stages of procurement cycle (planning, implementation, contracting, performance verification). Survey of expert opinion on the public procurement management have been conducted among a sample of the course attendees who raised their professional level in a Pilot Center of Public Procurement of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. Research findings have shown that in Russia, increase in transparency of procurement procedures when electronic auction serves as a prior method for the supplier/contractor to be chosen, ensures competitiveness of tenders. Implied risks are inefficient use of budgetary funds, poor addressing of social needs, as well as the risk of corruption. Measures to mitigate the risk of corruption are introduced, including, in particular, development of public procurement monitoring e-system which would involve, along with the electronic auction, open electronic competition as a method to identify the supplier/contractor.

Keywords: institutional environment; public procurement; risks; contract system; corruption; public control; mixed model

Acknowledgements: This publication was prepared in the framework of the project funded by the Russian Humanitarian Science Foundation (project no. 15-02-00487213.01-24/2013-132 «Economic and legal risks in the Russian system of state and municipal procurement: factors, evaluation, measures to mitigate (measures of localization)»).

JEL classifications: H57

Введение

Формирование институциональных условий рынка закупок государственных структур разного уровня для удовлетворения потребностей общественного сектора в РФ началось в середине 1990-х гг. с создания формальных правил, заимствованных (импортированных) (Олейник, 2004; Badie, 1992) из развитой рыночной экономики. Однако импорт и трансплантация (Полтерович, 2001; Корытцев, Белокрылов, 2014. С. 33–46) этого рыночного института в трансформируемую экономику России обусловили его отторжение и необходимость адаптации к императивам институциональной матрицы (Кирдина, 2014). Это свидетельствует о стремлении государства как институционального инноватора (Вольчик, 2004) создать (осуществить институциональное проектирование (Тамбовцев, 2012)) формальных институциональных условий для выявления зон риска, наличие которых обуславливает неэффективность использования жестко ограниченных в условиях намечающегося выхода из кризиса (падение ВВП в 2016 г. замедлилось с 1,4% в 1 квартале до 0,4% в целом за 2016 г.) объемов бюджетных средств.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на основе анализа реализации общего направления совершенствования институциональных условий функционирования рынка госзакупок в России, которое состоит в создании контрактной системы, выявить ее воздействие на расширение сферы электронных закупок, обеспечивающей снижение рисков, прежде всего коррупции, и обосновать необходимость централизации закупок однородных товаров на территориальном уровне на основе использования смешанной модели закупок.

Институциональные условия как фактор координации поведения экономических субъектов

Эффективность функционирования тех или иных отраслевых рынков определяется сложившимися на нем институциональными условиями, обеспечивающими координацию поведения их субъектов. Хотя для характеристики внешней среды функционирования экономических субъектов чаще используются понятия «институциональная структура»² или институциональная среда, но, на наш взгляд, они отражают некий срез, фиксированное, устоявшееся состояние, статику. Динамический аспект воздействия на поведение экономических субъектов, его координацию более адекватно характеризует категория «институциональные условия». При этом зачастую институциональные условия отождествляются с институтами – формальными и неформальными, которые формируют внешнюю среду деятельности экономических субъектов (Касьянова, 2012), либо с более конкретизированными их элементами – политико-правовыми, обеспечивающими развитие человеческого капитала, с собственно экономическими и специальными – институтами развития (Хуажева, Шовгенов, 2009). Но некоторые авторы дефинируют институциональные условия как особую категорию. Так, В.А. Барина подчеркивает, что «институциональные условия формируются совокупностью институциональных факторов» (Барина, 2010. С. 12). Н.Н. Говрякова трактует институциональные условия как совокупность правил и механизмов, принуждающих субъектов к исполнению этих установленных правил и норм (Говрякова, 2013), конкретизируя институциональные условия в РФ как законодательную и нормативную базу; правоприменительные механизмы, систему специализированных институтов, их ресурсное и финансовое обеспечение, государственные программы.

На наш взгляд, институциональные условия характеризуют динамический аспект механизмов, координирующих поведение экономических субъектов. Они выступают первичным элементом изменений, на базе которых формируется соответствующая институциональная структура экономики, модернизация которой осуществляется более медленными темпами. Институциональные условия в силу их высокой динамики характеризуют формальные институты, достаточно часто подвергающиеся коррекции государством. Исходя из предложенной содержательной характеристики институциональных условий, анализ их совершенствования на рынке госзакупок фокусируется на изменениях его формально-правовой составляющей.

Электронизация системы госзакупок как глобальное направление совершенствования ее институциональных условий

Вместе с эволюцией всей системы госзакупок в России тестируется развитие электронных закупок как важнейшей составляющей формирования электронного правительства. Этот процесс модернизации государственного управления на основе электронизации государства в странах ЕС и США начался с 1980-х гг. Использование информационно-коммуникационных технологий стало ответом на вызовы модернизации государственного управления в контексте повышения его эффективности, демократизации, транспарентности. В результате была сформирована и достаточно эффективно реализована концепция нового государственного управления (Smith, 2009. P. 498).

Важнейшей составляющей электронизации государства, достаточно быстро осуществившейся в РФ, выступает переход к электронным закупкам как в сфере электронной коммерции, так и в системе закупок для государственных и муниципальных нужд. Расширенное использование электронных технологий в сфере взаимодействия государства с населением и бизнесом объективно обуславливает модернизацию всей системы публичного управления (Белокрылов, Белокрылова, 2012. С. 52). Высокий на-

² Скорев М.М. это понятие трактует как «определенный упорядоченный набор институтов, создающих матрицы экономического поведения, определяющих ограничения для хозяйствующих субъектов, которые формируются в рамках той или иной системы координации хозяйственной деятельности» (Скорев, 2013. С. 49).

роднохозяйственный эффект имеет применение электронных технологий в сфере государственных закупок, что обосновано в зарубежных исследованиях по применению электронных торгов, например, в Европейском союзе (*Popescu et al., 2016*) и азиатских странах (*Choi et al., 2016. P. 644–660*). Об этом свидетельствует и опыт России, институционализировавшей в 2010–2011 гг. обязательность осуществления большинства госзакупок посредством электронного аукциона. Перспективы электронизации системы госзакупок в РФ определяются прогнозируемым переводом на электронную основу открытого конкурса как способа идентификации поставщика.

Принципы и этапы развития процесса электронизации торгов: мировой опыт

Следует прежде всего отметить, что в развитых странах именно государство выступило в роли институционального инноватора, принуждая субъектов предпринимательства и население использовать электронный формат получения государственных услуг. Согласно предложениям Мирового банка выделяются четыре этапа внедрения электронной системы госзакупок (*World Bank, 2001*):

- создание системы оповещения бизнес-сообщества о закупках (ЕС);
- распространение документов (конкурсной документации) (Канада);
- электронная подача заявок параллельно с бумажным вариантом, что требует формирования институционально-правовой инфраструктуры электронной коммерции и использования электронных подписей (например, Австралия, Мексика);
- полная электронная обработка информации, в том числе взаимосвязь заказчиков и продавцов, а также и постзакупочное управления контрактами.

Как подчеркивает Т. Баллард, «использование электронных закупок способствует повышению транспарентности, эффективности, доступности информации, росту конкуренции и снижению издержек» (*Ballard, 2012. P. 3*). Обосновывая общую концепцию и классификации систем электронных закупок за рубежом, А. Коханова, З. Хаснайн, Б.Р. Ларсон выделяют три уровня систем электронных закупок в зависимости от возможностей, которые они предоставляют пользователям. Каждый последующий уровень включает в себя функции предыдущих (*Kochanova et al., 2016*):

- информационные – доступ к первоначальной информации о торгах и их результатах;
- транзакционные – проведение закупок (аукционов или оценки заявок), предоставление сопутствующей документации онлайн;
- интеграционные (*connected*) – интегрирование в систему финансовой информации (бюджеты, обязательства по контрактам, платежи).

Российская система электронных государственных закупок во многом близка к системам закупок других стран, но имеет специфическое отличие – обязательность их электронного взаимодействия для всех заказчиков общественного сектора, поскольку для большинства торгов заказчик не может выбрать иную процедуру, кроме электронного аукциона. В других странах (например, в Италии и других странах ЕС) электронные закупки даются как опция наряду с другими способами закупки.

Согласно классификации А. Кохановой, З. Хаснайна, Б.Р. Ларсона, в России электронные закупки внедрены частично на втором уровне (электронные аукционы) и частично на первом уровне (преимущественно все остальные закупки на сумму свыше 100 тыс. руб.). Также есть элементы третьего уровня госзакупок (связь результатов закупок и контрактов).

Императивное применение современных информационных технологий для государственных (федеральных и региональных) закупок в РФ введено с 1 января 2010 г.³, а с 1 января 2011 г. для муниципальных заказчиков стало обязательством размещение

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.12.2009 г. № 1996-р «О перечне товаров, работ, услуг, размещение заказов соответственно на поставки, выполнение, оказание которых для федеральных нужд осуществляется путем проведения открытого аукциона в электронной форме».

извещений о закупках на общероссийском сайте (www.zakupki.gov.ru). Конечно, часть регионов и ранее использовала электронные платформы для осуществления закупок некоторыми способами. Например, в Ростовской области еще в 2006 г. была создана система электронных закупок «Рефери» (портал «Рефери», <http://www.torgi.donland.ru/>) для проведения запроса котировок в электронной форме.

Открытый аукцион в электронной форме

В настоящее время основным способом закупок в РФ выступает открытый аукцион в электронной форме. Тем не менее, модель аукциона зависит от предмета торгов и правил торговли. М. Рек выделил несколько основных типов торговли и мотивы аукционов по различным механизмам определения цены. Кроме того, аукционы все чаще используются в качестве эффективного координационного механизма для установления равновесных цен, а также распределения дефицитных ресурсов (Рек, 1997. Р. 17–23). Если в 2012 г. в объеме государственных и муниципальных закупок Ростовской области электронные аукционы составляли 55,4%, то в 2016 г. 66,1% общего объема закупок региона размещено посредством аукциона в электронной форме, что свидетельствует о формировании объемного электронного рынка госзакупок.

Анализ результатов опроса 240 специалистов по управлению государственными закупками, повышавших квалификацию в Пилотном центре государственных закупок ЮФУ в марте–сентябре 2016 г., показывает, что подавляющее число респондентов (88%) высоко оценивают прозрачность электронного аукциона (рис. 1).

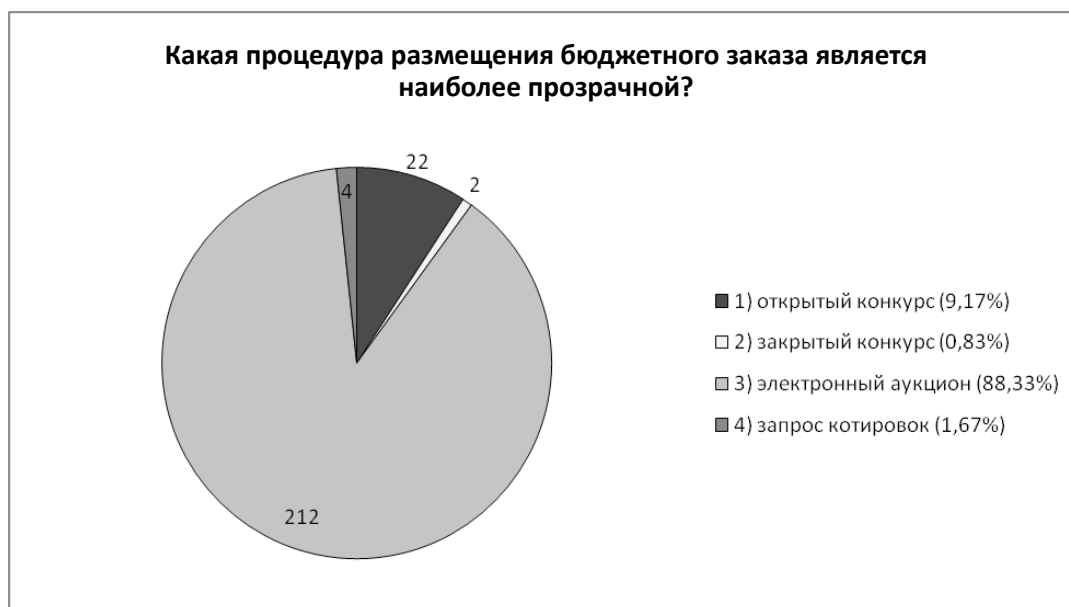

Рис. 1. Распределение ответов госслужащих на вопрос о степени прозрачности различных способов госзакупок

Источник: Опросы госслужащих в Пилотном центре государственных закупок ЮФУ

Высокая степень доступности информации в условиях электронизации торгов обеспечивает повышение степени конкуренции на торгах: в процессе торгов 44% опрошенных ответили, что они подают по 4–5 и более заявок на 1 лот на электронном аукционе. В свою очередь, высокая конкуренция на рынке госзакупок снижает риск неэффективного использования государственных расходов и некачественного удовлетворения государственных и муниципальных нужд.

Формирование контрактной системы как современный этап совершенствования институциональных условий системы госзакупок

В настоящее время общим направлением совершенствования институциональных условий функционирования системы государственных закупок в РФ выступает введение с 1 января 2014 г. контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок, целеориентированной в том числе на повышение степени ее электронизации. Для реализации этой целевой установки с 1 января 2016 г. вся информация о государственных и муниципальных закупках представляется в Единой информационной системе, обеспечивающей свободный и безвозмездный доступ к информации, ее полноту, достоверность и своевременность.

Основная задача повышения степени электронизации системы госзакупок в рамках формирования контрактной системы состоит в том, чтобы обеспечить взаимосвязь различных последовательных этапов целостного цикла закупок для государственного сектора. Еще недавно типичный общественный цикл закупок включал в себя торги, заключение контракта и его исполнение. Совершенствование институциональных условий госзакупок проявляется в формировании в рамках контрактной системы единого цикла закупок, включающего планирование (составление плана и графика закупок, представленных в Единой информационной системе), инфорсмент контракта и администрирование его исполнения (приемка результатов, контроль гарантийного периода).

В результате открытого доступа к полной информации обо всех этапах целостного цикла закупки, т.е. о ходе ее осуществления и результате формируется сквозное информационное сопровождение закупки в Единой информационной системе. Кроме того, закупки открыты для общественного контроля. Это ставит серьезные задачи перед государственными и муниципальными заказчиками при осуществлении закупок с тем, чтобы и контракты, и общий процесс закупки, и процедуры торгов были доступны не только для контролирующих органов и органов внешнего аудита, но и для средств массовой информации, общественного контроля и в целом гражданского общества. Между тем, как свидетельствуют результаты опросов поставщиков и заказчиков, обучающихся в Пилотном центре госзакупок ЮФУ, эти субъекты рынка госзакупок с разноразличными интересами оценивают значимость общественного контроля в системе закупок по-разному: если поставщики считают, что деятельность общественных контролеров способствует снижению коррупции, то заказчики рассматривают необходимость обеспечения участия гражданского общества как досадную помеху, существенно продлевающую сроки проведения закупок и осложняющую их работу.

На наш взгляд, осуществляемая модернизация системы закупок РФ оказывает положительное воздействие на институциональные условия рынка госзакупок, обеспечивая снижение рисков. Прежде всего, важнейшим эффектом проведения торгов более транспарентными способами стало повышение степени конкурентности рынка госзакупок для малого предпринимательства: в 2015 г. у субъектов малого бизнеса и некоммерческих организаций было закуплено товаров, работ, услуг на 490 млрд руб., или на 41% больше, чем в 2014 г. За три квартала 2016 г. поддержка малого бизнеса по госконтрактам составила 423,4 млрд руб., – на 34% больше, чем за соответствующий период 2015 г. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что создание единой контрактной системы стало действенным механизмом поддержки субъектов малого предпринимательства, снизив риск банкротства в условиях кризиса, с другой – реструктуризация контрактов в сторону предложения заказчиками вместо относительно долгосрочных (годовых) контрактов нескольких краткосрочных также способствовала снижению рисков их неисполнения поставщиками в условиях высокой степени неопределенности рыночной ситуации, особенно волатильности валютного курса рубля.

Оценка эффективности использования государственных расходов на рынке госзакупок по показателю экономии бюджетных средств тестирует ее рост. Например,

за I–III кварталы 2016 г. экономия бюджетных средств за счет роста конкуренции на торгах по государственным и муниципальным закупкам в РФ составила 290 млрд руб. (рост на 20,9% по сравнению с соответствующим периодом 2015 г.) или 8,9% общего объема закупок (в 2015 г. – 7%) (*Минэкономразвития, 2016. С. 3*).

Таким образом, в целом система электронных закупок в России развивается стремительными темпами не только в корпоративном, но и в государственном секторах экономики. Однако важнейшим риском системы госзакупок остается риск коррупции. Потери от коррупции растут с ростом объема закупок товаров, работ, услуг, увеличившегося с 20,38 трлн руб. в 2013 г. до 27 трлн руб. в 2016 г. Существенную роль в локализации риска коррупции играет институционализация нового субъекта системы госзакупок – гражданского общества, на которое возлагаются функции обсуждения крупных закупок и контроля всех этапов жизненного цикла закупки – планирования, осуществления закупок, контроля исполнения контракта, общественного аудита в соответствии с Федеральными законами «Об основах общественного контроля в РФ» и «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Открытие отчетности по закупкам общественности, проявляющей инициативы к полному искоренению коррупции (*Neu et al., 2013. P. 1223–1250*), является эффективным механизмом локализации рисков коррупции. Так, за три года реализации проекта «За честные закупки» Общественного народного фронта в результате эффективной деятельности общественных контролеров выявлены и устранены нарушения в 781 закупке на общую сумму 231 млрд руб., в том числе отменены закупки предметов роскоши для чиновников на сумму 20 млрд руб. (*ОНФ, 2016*). Тем самым деятельность общественных контролеров обеспечивает локализацию рисков неэффективного использования ограниченных бюджетных средств.

Централизация, децентрализация или смешанная модель?

В качестве эффективного механизма локализации риска коррупции, на наш взгляд, выступает централизация закупок. Дискуссии о соотношении централизации и децентрализации в системе госзакупок, начавшиеся в условиях рыночной трансформации 1990-х гг., не прекращаются и в настоящее время, проявляя периодическое обострение. Например, в 2005 г. в Ростовской области был сформирован централизованный региональный заказ, но введение Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» с 2006 г. повернуло систему госзакупок в сторону децентрализации. Между тем централизация принятия большинства экономических решений рассматривается как мощное средство снижения неопределенности будущего (*Розмаинский, 2004. С. 60–61*).

Централизация некоторых закупок, на наш взгляд, выступает не только средством предотвращения коррупции, но и объективной необходимостью для учреждений образования, здравоохранения, культуры, например, в сельских районах, в которых функции по закупке товаров для удовлетворения их нужд возложены в качестве дополнительных обязанностей на бухгалтеров, экономистов, главных врачей, директоров школ и детских садов. С одной стороны, низкий уровень их компетенций в сфере закупок, а с другой – необходимость выполнения основных должностных обязанностей ведут к нарушениям при составлении документации по закупке, что повышает риски несвоевременной закупки, неэффективного использования бюджетных ресурсов, снижения качества удовлетворения потребностей общественного сектора, коррупции.

Так, в Зимовниковском районе Ростовской области программы дошкольного образования реализуют 15 организаций, в Сальском районе – 45 организаций. Агрегирование их потребностей на уровне района позволяет повысить эффективность закупок на основе экономии от масштаба сокращения издержек за счет приобретения стандартизованных продуктов (бумаги, офисной мебели, программного обеспечения и др.), исключения дублирования стратегических, управленческих, операционных и

административных функций. Кроме того, снижаются риски некомпетентности вследствие низкого профессионализма закупщиков, совмещающих эти функции с основными должностными обязанностями. Квалификация персонала повышается вследствие ограничения круга обязанностей лишь процедурами закупок. Централизация на уровне района позволяет привлекать более квалифицированные кадры, координировать подготовку и повышение их квалификации, что снижает риск нарушений законодательства при составлении документации о закупках, а также другие виды рисков.

Конечно, полностью централизованная система закупок имеет ряд недостатков, включающих высокий уровень регламентации, бюрократизации; отсутствие гибкости и оперативности; высокие временные затраты вследствие удлинения сроков объединенных закупок; несоответствие качества и других параметров закупленных товаров специфическим требованиям отдельных учреждений и др. Поэтому, на наш взгляд, более эффективна, в частности для сельских районов Ростовской области, смешанная модель, позволяющая консолидировать спрос, использовать методы концентрации высокопрофессиональных кадров для проведения сложных либо стандартизированных закупок. Смешанная система является достаточно гибкой; позволяет привлекать более квалифицированные кадры, освобождая персонал государственных и муниципальных учреждений от дополнительных функций, и снижать риск некомпетентности при составлении документации о закупке, провоцирующий другие виды рисков – неэффективное использование бюджетных средств, низкое качество удовлетворения потребностей общественного сектора, а также риск коррупции.

Выводы

1. Приоритетным направлением совершенствования институциональных условий функционирования рынка государственных и муниципальных закупок в условиях глобализации выступает электронизация, переводящая взаимодействия его субъектов – фирм, государства, гражданского общества – в электронный формат.

2. Электронизация обуславливает существенное повышение транспарентности информации обо всех этапах единого цикла закупки, обеспечивая снижение рисков неэффективного использования бюджетных средств, некачественного удовлетворения общественных потребностей, коррупции, в том числе за счет обеспечения прозрачности всех фаз функционирования контрактной системы для общественного контроля.

3. В качестве содержательных характеристик изменения институциональных условий рынка госзакупок выступают:

- формирование типичного поведения всех участников торгов по использованию информационных технологий через представление информации обо всех торгах в Единой информационной системе;
- создание институтов государственного и общественного контроля электронного взаимодействия участников торгов;
- массовая институциональная практика электронного взаимодействия с включением в него институтов гражданского общества.

4. Централизация закупок в рамках формирования смешанной модели обеспечивает повышение квалификации заказчиков и на этой основе – снижение рисков некомпетентности при составлении документации о закупке как исходного типа рисков в системе госзакупок.

ЛИТЕРАТУРА

Барина В.А. (2010). Институциональные условия инновационного развития фирмы. Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. М.: МГУ.

Белокрылов К.А., Белокрылова О.С. (2012). Стратегия развития кадрового потенциала системы публичного управления (на примере государственных и муниципальных закупок) // Государственное и муниципальное управление (Ученые записки СКАГС), № 2.

ОНФ (2016). В Международный день борьбы с коррупцией проект ОНФ «3А честные закупки» представляет 10 его основных достижений (<http://zachestnyezakupki.onf.ru/news?id=950>).

Вольчик В.В. (2004). Эволюционная парадигма и институциональная трансформация экономики. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.

Говрякова Н.Н. (2013). Институциональные условия развития бизнес-структур в Республике Мордовия (http://www.rusnauka.com/8_NMIV_2013/Economics/13_131619.doc.htm).

Минэкономразвития (2016). Доклад о результатах мониторинга применения ФЗ от 5.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в 1–3 квартале 2016 г. М.

Олейник А.Н. (2004). Институциональная экономика. М.

Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, № 3.

Касьянова А.К. (2012). Институциональные факторы и условия развития инновационной экономики (<http://be5.biz/ekonomika1/r2012/2897.htm>).

Кирдина С.Г. (2004). Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. М., СПб.: Нестор-История.

Корытцев М.А., Белокрылов К.А. (2014). Проблемы трансплантации и модификации экономических институтов в сфере государственных закупок современной России // *Journal of Economic Regulation*, т. 5, № 2, с. 33–46.

Розмаинский И.В. (2004). Основные характеристики семейно-кланового капитализма // *Экономический вестник РГУ*, т. 2, № 1.

Скорев М.М. (2004). Модернизация институциональной структуры российской системы образования. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ.

Тамбовцев В.Л. (2012). Основы институционального проектирования. М.: ИНФРА-М.

Хуажева А.Ш., Шовгенов Т.М. (2009). Институциональные условия как фактор экономического роста // *Вестник Адыгейского государственного университета*, серия 5: Экономика, вып. 1.

Badie B. (1992). *L'Etat importe. Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris: Fayard.

Ballard T. (2012). Transparency and public procurement // *Transparency and public procurement*. Supplement to the 2011 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. UNOPS.

Choi H., Park M.J., Rho J.J., Zo H. (2016). Rethinking the assessment of e-government implementation in development countries from the perspective of the design-reality gap: Applications in Indonesian e-procurement system // *Telecommunications Policy*, no. 40, pp. 644–660.

Everard J. (2000). *Virtual states: the internet and the boundaries of the nation-state*. Routledge, London.

Kochanova A., Hasnain Z. and Larson B.R. (2016). Does e-government improve government capacity? Evidence from tax administration and public procurement // *Policy Research working paper*, no. WPS 7657. Washington, D.C.: World Bank Group (<http://documents.worldbank.org/curated/en/334481468193734893/Does-e-government-improve-government-capacity-evidence-from-tax-administration-and-public-procurement>).

Neu D., Everett J. and Rahaman A.S. (2013). Internal auditing and corruption within government: the case of the Canadian Sponsorship Program // *Contemporary Accounting Research*, no. 30(3), pp. 1223–1250.

Popescu A., Onofrei M. and Kelley C. (2016). An overview of European good practices in public procurement // *Eastern journal of European Studies*, vol. 7, Issue 1, June.

Rec M. (1997). Trading-process characteristics of electronic auctions // *International Journal of Electronic Markets*, no. 7(4), pp. 17–23.

Smith D. (2009). Making management Count: A Case for Theory- and Evidence based Public Management // *Journal of Policy Analysis and Management*, vol. 28, no. 1, pp. 496–516.

World Bank (2001). Electronic Government Procurement // *Draft World Bank discussion paper*, January 25.

REFERENCES

Barinova V.A. (2010). Institutional conditions of innovation development of the company. *Abstract of the PhD thesis*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian.)

Belokrylov K.A. and Belokrylova O.S. (2012). Strategy of the development of human resources potential of the public administration system (public procurement case). *State and municipal management*, no. 2. (In Russian.)

Govryakova N.N. (2013). Institutional business conditions in the Republic of Mordovia (http://www.rusnauka.com/8_NMIV_2013/Economics/13_131619.doc.htm). (In Russian.)

Kasyanova A.K. (2012). Institutional factors and conditions of the innovation economy development (<http://be5.biz/ekonomika1/r2012/2897.htm>). (In Russian.)

Khuasheva A.Sh. and Shovgenov T.M. (2009). Institutional environment as a factor of economic growth. *Herald of Adygeya State University*, series 5: Economy, no. 1. (In Russian.)

Kirdina S.G. (2004). Institutional matrix and Russia development. Introduction to the X-Y theory. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russian.)

Korytsev M.A. and Belokrylov K.A. (2014). Transplantation problems and modification of economic institutions in the field of public procurement of modern Russia. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 2, pp. 33–46. (In Russian.)

Oleynik V.M. (2004). The institutional economy. Moscow. (In Russian.)

ONF (2016). The International Anti-Corruption Day project All-Russia People's Front «FOR the fair procurement» presents 10 its major achievements (<http://zachestnyezakupki.onf.ru/news?id=950>). (In Russian.)

Polterovich V.M. (2001). The economic institutions transplantation. *Economic science of the contemporary Russia*, no. 3. (In Russian.)

Ministry of the economic development of the Russian Federation (2016). Report on the results of monitoring the application of the Federal Law of April 5, 2013, no. 44-FZ «On the contract system in the procurement of goods, works and services for state and municipal needs» in 1–3 quarters of 2016. Moscow. (In Russian.)

Rozmainsky I.V. (2004). Major characteristics of the family and crony capitalism. *Economic herald of Rostov State University*, vol. 2, no. 1. (In Russian.)

Skorev M.M. (2004). Modernization of the institutional structure of the Russian education system. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ. (In Russian.)

Tambovtsev V.L. (2012). Fundamentals of institutional design. Moscow: Infra-M Publ. (In Russian.)

Volchik V.V. (2004). The evolutionary paradigm and the institutional transformation of the economy. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ. (In Russian.)

Badie B. (1992). *L'Etat importe. Essai sur l'occidentalisation de l'ordre politique*. Paris: Fayard.

Ballard T. (2012). Transparency and public procurement. *Transparency and public procurement*. Supplement to the 2011 Annual Statistical Report on United Nations Procurement. UNOPS.

Choi H., Park M.J., Rho J.J., Zo H. (2016). Rethinking the assessment of e-government implementation in development countries from the perspective of the design-reality gap: Applications in Indonesian e-procurement system. *Telecommunications Policy*, no. 40, pp. 644–660.

Everard J. (2000). *Virtual states: the internet and the boundaries of the nation-state*. Routledge, London.

Kochanova A., Hasnain Z. and Larson B.R. (2016). Does e-government improve government capacity? Evidence from tax administration and public procurement. Policy Research working paper, no. WPS 7657. Washington, D.C.: World Bank Group (<http://documents.worldbank.org/curated/en/334481468193734893/Does-e-government-improve-government-capacity-evidence-from-tax-administration-and-public-procurement>).

Neu D., Everett J. and Rahaman A.S. (2013). Internal auditing and corruption within government: the case of the Canadian Sponsorship Program. Contemporary Accounting Research, no. 30(3), pp. 1223–1250.

Popescu A., Onofrei M. and Kelley C. (2016). An overview of European good practices in public procurement. Eastern journal of European Studies, vol. 7, Issue 1, June.

Rec M. (1997). Trading-process characteristics of electronic auctions. International Journal of Electronic Markets, no. 7(4), pp. 17–23.

Smith D. (2009). Making management Count: A Case for Theory- and Evidence based Public Management. Journal of Policy Analysis and Management, vol. 28, no. 1, pp. 496–516.

World Bank (2001). Electronic Government Procurement. Draft World Bank discussion paper, January 25.

Н.И. ЗИБЕР – ВЛИЯТЕЛЬНЫЙ УЧЕНЫЙ-ОДИНОЧКА¹

Франсуа АЛЛИССОН,

доктор экономических наук, доцент,
 Центр Вальраса-Парето, Университет г. Лозанны,
 Лозанна, Швейцария,
 e-mail: francois.allisson@unil.ch

Николай Иванович Зибер как исследователь, несомненно, обладал значительным влиянием. В то же время он жил в изоляции, и многое из созданного им было написано в Швейцарии. Как сумел ученый, не бывший ни министром, ни популярным профессором среди студенчества, ни прикладным экономистом, постоянно работающим «в поле» – кабинетный экономист, «библиотечная крыса» – оказать такое влияние на развитие политэкономии?

В качестве примера, подтверждающего влияние Зибера, рассмотрен спор между Зибером и Чичериным о значении Маркса как экономиста. В статье показано, что тогда, что доступные на сегодняшний день сведения о круге общения Зибера очень фрагментарны. Особенно учитывая то, что в течение десяти лет Зибер жил в Швейцарии, в городах Берн и Цюрих, и о его контактах того времени известно лишь смутно. В Швейцарии существовала большая диаспора ссыльных русских, куда входили многие русские революционеры и украинские активисты. Российские граждане, путешествующие на законных основаниях в Швейцарии, особенно в целях получения образования, также часто посещали города, в которых жил Зибер. На основании немногочисленных известных нам источников можно предположить, что Зибер встречался с этими людьми. Кроме того, на данном этапе трудно установить круг лиц из России, с которыми он вел корреспонденцию. О его связях с местными швейцарцами также известно мало. В статье делается вывод о том, что репутация Зибера как ученого-одиночки, возможно, будет некоторое время сохраняться, однако сеть его контактов будет исследована более глубоко, для воссоздания более полной картины его влияния на современников.

Ключевые слова: Н.И. Зибер; кабинетный экономист; сеть

N.I. SIEBER AS A SOLITARY BUT INFLUENT SCHOLAR

François Allisson,

PhD in economic science, Senior Lecturer,
 Centre Walras-Pareto, University of Lausanne,
 Lausanne, Switzerland,
 e-mail: francois.allisson@unil.ch

¹ Публикация подготовлена в рамках двустороннего швейцарско-российского проекта, осуществляемого на средства Национального научного фонда Швейцарии и Российского гуманитарного фонда (проект IZLRZ1_163856). Я благодарен за обсуждение ряда идей, высказанных в данной статье, с Федерико д'Онофрио, Андреа Пилогги и Тьерри Россье.

Nikolay Ivanovich Sieber was without doubt an influent scholar. But at the same time he was isolated, writing a big deal of his production from Switzerland. How is it possible, for a scholar that is not a Minister, not a popular professor among his students, not an applied economist all the time on the roads, but instead a library rat, a scholar sitting at his desk, an armchair economist, to have such an influence on the course of political economy?

The controversy between Sieber and Chicherin on the significance of Marx as an economist is first taken as an example of Sieber's influence. The paper then shows that what is known today on Sieber's network is very lacunar. Especially, Sieber lived during a decade in Switzerland, in the cities of Bern and of Zurich, and his contacts at the time are only vaguely known. There was a vast diaspora of exiled Russians in Switzerland, including many Russian revolutionaries and Ukrainian activists. Russian citizens travelling legally in Switzerland, especially for education purposes, also commonly visited the cities in which Sieber lived. Sieber presumably met these people, and this is what suggests the scarce sources that we know. It is also difficult at this stage to ascertain his network of correspondents from Russia. And we know nothing about his links with local Swiss people. As a conclusion, Sieber's characterization as a solitary scholar is perhaps to be retained temporarily only, and his network is to be investigated further to get a fuller picture of his influence among his contemporaries.

Keywords: N.I. Sieber; armchair economist; network

Acknowledgements: This publication was prepared in the framework of a Bilateral Swiss-Russian project funded by the Swiss National Science Foundation and the Russian Humanitarian Foundation (project IZLRZ1_163856). I am indebted for several ideas in this note towards discussions with Federico D'Onofrio, Andrea Pilotti and Thierry Rossier.

JEL classifications: A12, B1, B4

Введение

Николай Иванович Зибер (1844–1888) как исследователь несомненно обладал значительным влиянием. Так, например, оценивая наследие Зибера, Резуль пишет: «Зибер был первым популяризатором и комментатором учения Маркса в России и на Украине. ... автор первой марксистской работы по истории первобытной экономической культуры ... первый перевел на русский язык Рикардо ... автор первой на русском языке марксистской работы о Родбертусе и вообще о нем на русском языке ... первый ознакомил русских читателей с «Анти-Дюрингом» Энгельса и «К критике политической экономии» Маркса ... первый дал марксистскую оценку идеям Генри Джорджа ... родоначальник скептического отношения к общине ...» (Резуль, 1931. С. 142–143).

В то же время в истории экономической мысли Зибера охотно описывают как ученого-одиночку. Он отказался от должности в Киевском университете и провел почти десять лет в Швейцарии, вдали от мест, где его тексты на русском языке могли быть прочитаны. В этой небольшой заметке мы задаемся вопросом: каким образом ученый-одиночка приобрел такой авторитет, оценив степень его одиночества и влияния. В первой части мы дадим предварительную типологию экономистов, чтобы отделить Зибера от современников. Затем мы обратимся к полемике, направленной против Чичерина, в которую был вовлечен Зибер. Это позволит нам понять, как кабинетный ученый-экономист мог оказать такое влияние.

Зибер – архетип кабинетного ученого

Ученым можно быть по-разному, в нашем случае речь пойдет об ученом-экономисте. С учетом концепции “символического капитала” Бурдьё и предложенной им в

книге *Homo Academicus* (Bourdieu, 1988) идеи «пространства факультетов» (space of the faculties), можно выделить различные типы.

В качестве популярного профессора, исполненного исключительной доброжелательности, можно представить М.И. Туган-Барановского (1865–1919). Социалистические воззрения и, как следствие, непростые отношения с властями, особенно с Министерством образования, только усиливали его популярность среди студентов в беспокойные предреволюционные годы. В то же время, он был не только выдающимся преподавателем – символический капитал Туган-Барановского также связан с научной составляющей его деятельности. Более того, он поддерживал связь с силами гражданского общества, в частности, с представителями кооперативного движения и кадетской партии. В целом Туган-Барановского можно охарактеризовать как признанного исследователя, общественного деятеля и популярного преподавателя.

Н.Х. Бунге (1823–1895) являет собой иной тип ученого. Изначально он профессор (даже один из учителей Зиберы), но большая часть его символического капитала – результат его административной и политической деятельности. Бунге занимал пост ректора Киевского университета, затем успел побывать министром финансов и даже председателем кабинета министров. Бунге явный экономист-государственный деятель.

В.И. Покровский (1838–1915) – еще один тип экономиста. Заведуя статистическими работами в тверском земстве, он напрямую собирал материалы об экономической ситуации на селе. Неслучайно ряд экономистов более теоретического склада, склонных использовать материалы, полученные эмпирическим путем – здесь можно назвать А.И. Чупрова и И.И. Янжула, – задействуют сведения и аналитические материалы, вроде тех, что собирал Покровский. Последнего можно назвать прикладным экономистом.

Н.И. Зибер представляет собой еще один тип экономиста – кабинетный экономист. Его, судя по всему, больше всего интересуют теоретические выкладки, и выводы он делает на основе вторичного эмпирического материала. Преподавал Зибер совсем недолго, а самые продуктивные годы провел в уединении в Швейцарии, что позволило ему написать массу текстов. Никаких студентов, никаких административных обязанностей, никаких политических связей и контактов с экономической реальностью. Зиберы иногда описывали как изолированного кабинетного экономиста. По словам некоторых современников, Зибер – «ученый с умом обширным и глубоким», «чистый тип ученого». «Все его интересы были в его экономической науке»². Впоследствии исследователям типа Струве Зибер представлялся «чистым ученым» (Struve, 1934. P. 579). Может ли абсолютно кабинетный ученый, одиночка стать тем не менее влиятельной фигурой в науке?

Полемика Чичерина и Зиберы о Марксе

В 1878 г. Чичерин опубликовал в *Сборнике государственных знаний* критический анализ экономической теории, изложенной в «Капитале» Маркса. Чичерин – не экономист, он, главным образом, юрист, историк и философ, и известен в России XIX в. как истинный ученый-либерал. Находясь в России в определенного рода изоляции, Чичерин поддерживал тесные связи с Западной Европой, испытывал влияние английского либерализма, а в экономических вопросах был близок французской либеральной школе и следовал идеям Бастиа.

Самый характерный момент полемики – хорошо описанный в литературе (Smith, 2001. P. 53–57) – связан с теорией стоимости. Чичерин подчеркивает необходимость рассматривать потребительскую стоимость как основу меновой стоимости: «Прежде всего, товар есть предмет полезный человеку, или служащий для потребления. Полезность дает ему *потребительную стоимость*» (Чичерин, 1878. С. 4). В данном контексте Чичерин горячо оспаривает то, что считает позицией Маркса: «Меновая стоимость,

² Все эти характеристики собраны Клейнбортом (1923. С. 20–21).

говорит Маркс, не заключает в себе ни единого атома потребительной стоимости» (Чичерин, 1987. С. 4). Он считает исключение потребительской стоимости бессмысленным: «Если мы спросим: что есть общего между двумя товарами, которые обмениваются? – то всякий здравомыслящий человек наверное ответит: то, что оба полезны; поэтому они и меняются» (Чичерин, 1987. С. 4–5). В последующих работах ученый повторяет ту же позицию³.

Еще до того, как Зибер опубликовал свою критику Чичерина в журнале «Слово» в 1879 г., Маркс уже составил мнение о Чичерине: «Некоторые из моих русских друзей уже подготовили меня к тому, что от г-на Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что тривиальности школы Бастиа, будучи напечатаны от его, Чичерина, имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины»⁴.

Следует напомнить, что это уже второй выпад Маркса против Чичерина в дебатах об общине, развернувшихся в 1850-е гг. между Чичериным и Беляевым⁵. Также нельзя забывать, что в 1873 г. Маркс уже поддержал работу Зибера *Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями* (Зибер, 1871), в которой излагается экономическая теория *Капитала*. Маркс писал: «Еще в 1871 году Николай Зибер, профессор политической экономии в университете Киева в своей работе *Теория ценности и капитала Д. Рикардо* ссылаясь на мою теорию стоимости, денег и капитала, по сути своей являющуюся необходимым продолжением учения Смита и Рикардо. Западноевропейского читателя поражает в этой блестящей работе уверенное и основательное понимание совершенно теоретической позиции» (Marx, [1873] 1976. Р. 99).

Получается, сам Маркс назвал Зибера марксистом⁶, и последнему оставалось только написать, что Чичерин не понял двойственную природу товара: товар не содержит ни частицы потребительской стоимости, но обладает ею исключительно с точки зрения меновой стоимости. Это не означает, будто товар, рассматриваемый только с позиций потребительской стоимости, бесполезен. Таким образом, в 1879 г. Зибер попросту заново формулирует (не без иронии) то, что уже заявлял в своей диссертации 1871 г. И никаких дальнейших рассуждений на эту тему не ведет⁷.

Условия этой полемики, шедшей в двух российских журналах, оказались из ряда вон выходящими. Оба автора уволились из университетов (Московского и Киевского), и оба были «сосланы» в родные пенаты: Чичерин – в свою усадьбу в селе Караул Тамбовской губернии, а Зибер – в швейцарский Берн. Сама полемика могла просто пройти незамеченной.

Нам неизвестно, комментировали ли этот обмен мнениями современники, однако нам известно о более поздних комментариях. Так, историк Каратаев, описывая историю развития экономической науки в Московском университете, отмечает: «Немногие профессора тогда открыто поддерживали Зибера в его теоретической борьбе против крепостников и вульгарных экономистов. Но в Московском университете была продемонстрирована солидарность с позицией Н.И. Зибера, его возражения против статьи Б. Чичерина были признаны неоспоримыми, а сам Б. Чичерин прямо был назван дилетантом в экономических вопросах» (Каратаев, 1956. С. 197).

Таким образом, согласно данному источнику, Чичерин был дискредитирован в собственном университете в сравнении с Зибером – верным защитником Маркса.

³ См., например, *Собственность и государство* Чичерина (1882–1883. Кн. II. Гл. VII. Законы мены).

⁴ Письма К. Маркса к Н.Ф. Даниельсону, 28 ноября 1878.

⁵ Письма К. Маркса к Н.Ф. Даниельсону, 28 март 1873.

⁶ Об отношениях Маркса и Зибера см. подробнее: (White, 1996. Р. 229–234; Eaton, 1980. Р. 103–105). О защите идей Маркса Зибером против Жуковского см. (White, 1996. Р. 235–244).

⁷ Зибер уже противопоставлял Чичерина и Родбертуса (Зибер, 1878).

В.К. Дмитриев даже считал зиберовскую защиту теории стоимости Маркса поводом отрицать идеи школы предельной полезности: «Ученый авторитет Зибер освятил то полубезсознательное пренебрежение к «субъективным» или «психологическим» теориям ценности». Дмитриев также говорит о диссертации Зибер 1871 г. как о «библиографической редкости» и ссылается уже на книгу издания 1885 г. (*Дмитриев, 1908. С. 15–16*).

Сеть интеллектуальных связей Зибер – замечания на перспективу

Все вышеизложенное дает нам основания полагать, что можно быть физически изолированным, но при этом сохранять влияние, благодаря наличию сети интеллектуальных связей. Личное знакомство с Марксом и Энгельсом и рекомендация самого Маркса безусловно помогают в марксистской среде, но это еще не все. Для того, чтобы твой голос был услышан в российской научной среде и нашел отклик в политическом ландшафте, когда ты сам сидишь за письменным столом в Швейцарии, необходима какая-то поддержка. Если ты кабинетный экономист, это еще не значит, будто у тебя нет влияния. А историк должен понимать и документировать эти рычаги и средства коммуникации.

В случае с Зибером реконструкция такой интеллектуальной сети представляет ряд проблем. Живя изгнанником в Швейцарии, он оставил очень мало следов. Нам до сих пор неизвестно, установил ли он связи со своим отечеством и сумел ли интегрироваться в швейцарское общество в Берне и Цюрихе, где проживал после отъезда из России. Мы до сих пор не обнаружили никаких публикаций Зибер в швейцарской, немецкой или французской прессе или иных источниках. Проследить можно лишь его встречи с русскими изгнанниками – либералами или революционерами; последние упоминают о встречах с Зибером либо в Швейцарии, либо в библиотеках Парижа или Лондона. В отсутствие централизованных архивов, где можно было бы обнаружить сеть корреспонденции, реконструкция интеллектуальной сети Зибер происходит постепенно, методом поисков и случайных находок.

Процитированные в статье работы уже позволяют составить первичное представление об этой сети. Отец ученого – Иоханнес Зибер (1791–1860), швейцарский гражданин, уроженец местечка Флюнтерн (сегодня это район Цюриха), аптекарь по профессии – в 1830 г. эмигрировал в Россию в поисках работы. Отъезд квалифицированных специалистов из Швейцарии был в то время привычным делом, особенно если страной назначения была Россия. Некто по имени Йозеф Зибер, родившийся в 1790 г. и происходивший из того же местечка (Флюнтерн, кантон Цюрих), тоже аптекарь, эмигрировал в Россию в 1822 г. и, возможно, проложил путь предположительно своему брату, Иоханнесу Зиберу. Что стало с Йозефом, нам пока не известно. Еще большая загадка – национальная принадлежность матери Н.И. Зибер, Анне Фирфорт; по свидетельству различных источников, она была либо француженкой, либо русской, либо украинкой, или же соединяла в себе все три национальности.

Добравшись до России, Зибер сначала принялся за работу в Нижнем Новгороде, а затем перебрался в Судак, где в 1844 г. родился Н.И. Зибер. Николай учился в Симферополе, потом в Киеве. Уже в киевский период можно выделить несколько имен тех, с кем Зибер явно поддерживал контакт: это его преподаватели – Г.М. Цехановецкий, Н.Х. Бунге и А.В. Романович-Славатинский, а также коллеги и друзья – М. Драгоманов, С. Подолинский, Н.Г. Кулябко-Корецкий, Ф. Внуков, М. Русов и т.д. В ходе своих научных поездок по Европе в 1871–1873 гг. Н.И. Зибер встречался с находившимися там русскими – А.И. Чупровым, И.И. Янжулом, А.С. Посниковым и др.

Однако о его жизни в Швейцарии в период с 1875 по 1884 гг. известно лишь немного: он встречался с Плехановым и Дейчем, а также с Драгомановым; почти точно известно, что Зибер общался с другими марксистами, популистами и революционерами. Текущее исследование ставит целью прояснить этот вопрос и разыскать следы Н. Зибер в Берне и Цюрихе.

С большей уверенностью можно утверждать, чем занималась, находясь в Швейцарии, жена Н.И. Зибера, Надежда Олимпиевна Зибер-Шумова – сначала студентка медицинского факультета в университете Берна (с 1875 по 1877 г. – см. рис. 1), а затем научный партнер профессора М. Ненцкого в университете Берна (1877–1891); когда Ненцкий обосновался в Санкт-Петербурге в 1892 г., она последовала за ним в качестве ассистента. Доктору медицинских наук, выпускнице Бернского университета 1880 г. Н.О. Зибер-Шумовой прочили тогда блестящую карьеру ученого-биохимика.

Известно также, что Зибер выезжал из Швейцарии в другие страны, часто с целью поработать в библиотеках (Парижа, Лейпцига, Лондона), где он должен был встретиться с Марксом, Энгельсом, Ковалевским, Каблуковым, Бебелем и, возможно, многими другими.

№. Datum		Wintersemester 1875/76.		Facultät	Heimath	Zeugnisse und Bemerkungen	Gebühren
3182	15 Oct.	Abraham Mandelbaum	geb. 26 Dec. 1853	med.	Podkai	Zeugn. von k. k. Generalconsul in Odessa. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3183	4	Isaac Dink	geb. 1851	4	Simferopol (Russland)	Zeugn. d. Reichsinsp. in Odessa.	15.
3184	7	Georges Gagnebin Alga Fontunel	geb. 19 Dec. 1850 geb. 1855	4	Neuchâtel	Zeugn. d. k. k. in Neuchâtel. exam. 18.12.75	15.
3185	16 Oct.	Jakob Lepfi	geb. 1. März 1853	phil.	Solothurn	Zeugn. von k. k. in Solothurn. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3186	4	Paul König	geb. 12 Apr. 1857	med.	Bern	Zeugn. d. k. k. in Bern. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3187	18 Oct.	Nadina Ziber	geb. 18 Mai 1854	4	Kiew (Russland)	Zeugn. d. k. k. in Kiew.	15.
3188	4	Alfred Gies	geb. 10 Apr. 1856	jur.	Porten (Suisse)	Zeugn. d. k. k. in Porten. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3189	4	Friedrich Buchmüller	geb. 9 Juli 1853	jur.	Bittman (Sargau)	Zeugn. d. k. k. in Bittman.	15.
3190	19 Oct.	Hermann Malmer	geb. 5 Dec. 1856	med.	Hermannsdorf (Sachsen)	Zeugn. d. k. k. in Hermannsdorf. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3191	4	Marie Elmer	geb. 4 Juni 1855	4	Basel	Zeugn. d. k. k. in Basel. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.
3192	20 Oct.	Arnold Floor	geb. 13 Dec. 1856	jur.	Leutwil (Sargau)	Zeugn. d. k. k. in Leutwil.	15.
3193	21 Oct.	Leopold Boughnert	geb. 21 Mai 1853	phil.	Freiburg	Zeugn. d. k. k. in Freiburg.	15.
3194	4	Fritz Frei	geb. 7 April 1855	med.	Solothurn	Zeugn. d. k. k. in Solothurn. exam. 15.2.76 Bisch. 26	15.

Рис. 1. Н.О. Зибер – студентка Бернского университета

Источник: список студентов Бернского университета, зима 1875/76 гг.

Участники совместного швейцарско-русского проекта, посвященного Зиберу (автор этой короткой заметки является одним из них), собирают и пополняют базу данных, чтобы объединить все источники, которые могут быть полезны для реконструкции такой сети. Это позволит нам ответить на ряд вопросов при составлении интеллектуальной биографии Зибера: действительно ли он находился в изоляции, с кем он преимущественно контактировал, чтобы публиковаться в русских и украинских журналах. И, в конечном итоге, понять, был ли Зибер русским, украинским, швейцарским ученым, или мы можем назвать его ученым-космополитом? (Karpeler, 1989).

ЛИТЕРАТУРА

- Дмитриев В.К. (1908). Теория ценности (обзор литературы на русском языке) // *Критическое обозрение*, № 8, с. 12–26.
- Зибер Н.И. (1871). Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Киев: отд. оттиск из Унив. Изв.
- Зибер Н.И. (1878). Лассаль сквозь очки Г.Б. Чичерина // *Слово*, № 4, с. 65–120.
- Зибер Н.И. (1879). Б. Чичерин contra Карл Маркс (Критика критики) // *Слово*, № 2, с. 63–103.
- Зибер Н.И. (1885). Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. СПб: Тип. Стасюлевича.
- Каратаев Н.К. (1956). Экономические науки в Московском университете (1755–1955). М.: Изд. Моск. унив.
- Клейнборт Л.М. (1923). Николай Иванович Зибер. Петроград: Колос.
- Резуль Я.Г. (1931). Н.И. Зибер (Библиография) // *Каторга и ссылка*, № 7, с. 142–174.
- Чичерин Б.Н. (1878). Немецкие социалисты. II. Карл Маркс // *Сборник государственных знаний*, т. VI, с. 1–39.
- Чичерин Б.Н. (1882–1883). Собственность и государство (2 тома). М.: тип. Мартынова.
- Bourdieu P. (1990). *Homo Academicus*. Cambridge: Polity. (French original ed. 1984.)
- Eaton H. (1980). Marx and the Russians // *Journal of the History of Ideas*, vol. 41, no 1, pp. 89–112.
- Kappeler A. (1989). N.I. Ziber – Mikola Ziber – Niclaus Sieber. Ein Schweizer als Wegbereiter des Marxismus in Russland / In: Goehrke C., Kemball R. and Weiss D. (ed.) *Primi sobran'e prestryh glav. Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag*. Bern: Peter Lang, pp. 671–684.
- Marx K. ([1873] 1976). Postface to the second German edition of *Capital* / In: *Capital*, vol. 1. London: Penguin and New Left Review.
- Smith D.N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, vol. 19, pp. 47–66.
- Struve P.B. (1934). My Contacts and Conflicts with Lenin (I) // *The Slavonic and East European Review*, vol. 12, no. 36, pp. 573–595.
- White J.D. (1996). *Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism*. New York: St. Martin's.

REFERENCES

- Chicherin B.N. (1878). German socialists. 2. Karl Marx. *Digest of state knowledge*, vol. 6, pp. 1–39. (In Russian.)
- Chicherin B.N. (1882–1883). *Property and State* (2 vols). Moscow: Martynov. (In Russian.)
- Dmitriev V.K. (1908) Theory of value (review of the literature in the Russian language). *Critical Review*, no. 8, pp. 12–26. (In Russian.)
- Karataev N.K. (1956). *Economic sciences at the University of Moscow (1755–1955)*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russian.)
- Klejnort L. M. (1923). Nikolay Ivanovich Sieber. Petrograd: Kolos Publ. (In Russian.)
- Rezul Ya.G. (1931). N.I.Sieber (Bibliography). *Katorga i ssylka*, no. 7, Pp. 142–174. (In Russian.)
- Sieber N.I. (1871). Theory of value and capital of D. Ricardo in relation to the latest contributions and interpretations. Kiev: University. (In Russian.)
- Sieber N.I. (1878). Lassalle through Chicherin's glasses. *Word*, no. 4, pp. 65–120. (In Russian.)
- Sieber N.I. (1879). B. Chicherin contra Karl Marx (Critique of the Critic). *Slovo*, no. 2, pp. 63–103. (In Russian.)

Sieber N.I. (1885). David Ricardo and Karl Marx in their social-economical researches. St. Petersburg: Stasyulevich. (In Russian.)

Bourdieu P. (1990). *Homo Academicus*. Cambridge: Polity. (French original ed. 1984.)

Eaton H. (1980). Marx and the Russians. *Journal of the History of Ideas*, vol. 41, no 1, pp. 89–112.

Kappeler A. (1989). N.I. Ziber – Mikola Ziber – Niclaus Sieber. Ein Schweizer als Wegbereiter des Marxismus in Russland / In: *Goehrke C., Kemball R. and Weiss D. (ed.) Primi sobran'e prestryh glav. Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag*. Bern: Peter Lang, pp. 671–684.

Marx K. ([1873] 1976). Postface to the second German edition of *Capital* / In: *Capital*, vol. 1. London: Penguin and New Left Review.

Smith D.N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, vol. 19, pp. 47–66.

Struve P.B. (1934). My Contacts and Conflicts with Lenin (I). *The Slavonic and East European Review*, vol. 12, no. 36, pp. 573–595.

White J.D. (1996). *Karl Marx and the Intellectual Origins of Dialectical Materialism*. New York: St. Martin's.

Н.И. ЗИБЕР КАК КАБИНЕТНЫЙ ЭКОНОМИСТ-АНТРОПОЛОГ¹

Данила Евгеньевич РАСКОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: d.raskov@spbu.ru

ТERRA ECONOMICUS
✧ 2016 Том 14 № 4

Зибер известен, прежде всего, как талантливый интерпретатор Рикардо и Маркса. Однако в его интеллектуальной биографии особое место занимает вторая значимая работа, которая еще не в достаточной степени осмыслена с современных позиций. Это «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) – более чем 500-страничный трактат, созданный Зибером во время второго этапа своей жизни – эмиграции в Швейцарию. В статье делается попытка оценить эту работу, ответив на следующие вопросы: Каков вклад Зибера в экономическую антропологию? Какое место он может занять в дискуссиях, которые позднее велись в рамках экономической антропологии? Что понимает Зибер под экономической культурой? К каким обобщениям он пришел и какими методами пользуется? Насколько комплексно Зибер подошел к изучению и обобщению материала по истории, праву, социуму и экономике? Что дают для понимания трактата обстоятельства его создания и общая биография Зибера?

В статье показано, что Зибер может быть охарактеризован как кабинетный ученый. Наиболее близко к нему можно поставить Марселя Мосса. Зибер, умело используя многочисленные свидетельства, воссоздает элементы экономической культуры первобытного общества, которые в остаточной форме сохраняются и в более поздних цивилизациях и даже присутствуют в современности. На конкретных примерах становится понятным, что Зибер отходит от эволюционного подхода, столь модного в XIX в., и мастерски описывает институты и структуру отношений труда, производства, потребления и перераспределения. Особое внимание уделено его взглядам на кооперацию, дар и собственность. Тем самым Зибер как заполняет лакуну в марксистском учении, так и намечает важные обобщения, которые впоследствии сформируют такую область знаний, как экономическая антропология.

Ключевые слова: Н.И. Зибер; кабинетный ученый; экономическая антропология; первобытное общество; дар; кооперация; собственность

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41003 «Переопределяя классическую политическую экономию: Николай Иванович Зибер, русский и швейцарский экономист и социолог».

N.I. SIEBER AS AN ARMCHAIR ECONOMIC ANTHROPOLOGIST

Danila E. RASKOV,

Cand. Econ., Associate Professor,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia,
e-mail: d.raskov@spbu.ru

Sieber is known primarily as a talented interpreter of Ricardo and Marx. However, in his intellectual biography there is the second significant contribution that hasn't been adequately discussed from modern positions yet. Sieber wrote his «Essays on the Primitive Economic Culture» (1883) (more than five hundred pages treatise) during the second phase of his life – emigration to Switzerland. The article attempts to evaluate this work, answering the following questions. What is the contribution of Sieber to the economic anthropology? What is the place of Sieber in classical discussions that took place within the framework of economic anthropology? What Sieber meant by economic culture? What are the results he has come to and what are the methods he used? How Sieber studied the synthesis of history, law, society and the economy? What is the additional value of his biography in capturing Sieber's ideas?

The paper shows that Sieber can be described as an armchair scholar. Marcell Mauss is the closest example. Sieber examines the elements of the economic culture of primitive society, skilfully using multiple eyewitnesses. He is focusing also on the archival residuals in later civilizations and even in the present. The cases provided by Sieber made think he is not so close to an evolutionary approach, so fashionable in the nineteenth century. He describes the institutions and the structure of labor relations, production, consumption and redistribution. Particular attention is paid to his views on cooperation, gift and property. Thus, Sieber fills the gap in the Marxist doctrine as well as he outlines the important generalizations, that in the twenties century formed the new discipline of economic anthropology.

Keywords: N.I. Sieber; armchair scholar; economic anthropology; primitive society; gift; cooperation; property

Acknowledgements: This publication was prepared in the framework of a project of the Russian Foundation for Humanities No 16-23-41003 «Redefining the classical political economy: Nikolay Ivanovich Sieber, Russian and Swiss economist and sociologist».

JEL classifications: B12, B14, B31, Z13

Введение

Постановка вопроса может вызвать недоумение. Можно ли отнести часть наследия Н.И. Зибер к тому направлению знания – экономическая антропология, которой в XIX в. еще не существовало? Тем не менее, такая постановка вопроса имеет большее право на существование, чем вопрос о том, принадлежал ли тот или иной мыслитель XVII в. к меркантилизму, который появился позже вместе с критикой «меркантильной системы» А. Смита. Разумеется, Зибер не мог сам себя отождествить с этим направлением, но важно оценить насколько его поиски согласуются с дальнейшим развитием экономической антропологии.

На первых этапах экономическая антропология изучала экономику дикарей и обществ, в которых еще не были развиты рыночные отношения. Как правило, это были племена и народы, еще не имеющие письменности и государственного устройства, в Африке, Океании, Америке и Азии. Эти общества именовали первобытными, примитивными, отсталыми, дикими, архаичными или ранними (см. *Herskovits, 1952*). Впоследствии укрепляется понимание того, что экономическая антропология может помочь в понимании современных обществ – например, блата, неформальной экономики или домашнего производства. В рамках экономической антропологии стали изучать действия, институты и ценности (*Шрадер, 1999. С. 12*), индивидуальную и коллективную жизнь социума в аспекте того как люди, думают, говорят и поступают в рамках производства, потребления и распределения (*Carrier, 2005*). Антропологи берут в фокус элементы современной экономики – деньги, собственность, долг – и теснят экономистов своим более содержательным и убедительным, а порой и задорно-критичным представлением материала².

Экономическая антропология никогда не была единой. В одних текстах превалировало описание в стиле полевого дневника, в других, что встречалось реже, – теоретическое обобщение материала. Идеал – совмещение полевой работы с кабинетными обобщениями. Бронислав Малиновский по многу месяцев жил как туземец на Тробрианских островах в Новой Гвинее, изучив местный язык, обычаи и все, что касалось обмена и торговли ([1922]2004). К чистому типу кабинетных антропологов относился Марсель Мосс. В 1925 г., он опубликовал свой известный трактат о даре – *Essai sur le don* (Мосс, 1996), который до сих пор остается классикой экономической антропологии. К принципиального рода спорам можно отнести споры между эволюционистами и функционалистами, субстанционалистами и формалистами.

Важно с современных позиций оценить вклад Зибера в данное направление исследований. Как будет показано, в этой области он во многом опередил такого французского кабинетного ученого как М. Мосс. Вопросы движимой и недвижимой собственности, тотальности отношений, дарообмена, солидарности и кооперации находят отражение в труде Зибера о первобытной экономической культуре. Нас интересуют следующие вопросы: К каким обобщениям он приходит и в какой степени они дополняют Моргана, Ковалевского, Энгельса? Какое значение имеет данный трактат для современной экономической антропологии? Насколько комплексно Зибер подошел к изучению и обобщению материала по истории, праву, социуму и экономике?

В рамках этих общих вопросов на предварительной стадии полезно поставить «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) в контекст биографии Зибера, выявить основу его подхода к первобытной экономической культуре, охарактеризовать и сопоставить с дальнейшим развитием экономической антропологии его воззрения на кооперацию, дарообмен и собственность.

Взгляды Зибера: биографический контекст

Николай Иванович Зибер (1844–1888) известен прежде всего как переводчик Д. Рикардо, русский марксист и один из представителей классической школы политической экономии. Основное внимание зачастую привлекал его главный трактат «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (1885), который развивал идеи диссертации (Зибер, 1871). Несмотря на то что теоретическое наследие Зибера не было обойдено вниманием исследователей (*Клейнборт, 1923; Наумов, 1930; Резуль, 1931; Реуэль, 1956; Smith, 2001; White, 2009; Allisson, 2015*) в современном прочтении и дополнительном внимании нуждается вторая не менее значимая крупная работа Зибера – «Очерки первобытной экономической культуры» (1883).

В биографии Зибера эта работа, написанная на русском языке, стала самым большим достижением в его швейцарском периоде. В 1875 г. молодой талантливый Зибер

² Яркий тому пример – книга Гребера (2015) о долге.

увольняется из Киевского университета и уезжает в Швейцарию, на родину отца. В основу работы легли многочисленные отчеты миссионеров, путешественников и ученых, с которыми Зибер знакомился не только в Швейцарии, но и в Британском музее Лондона и Национальной библиотеке Парижа. Тракта́т дополнял и развивал идеи Маркса в отношении первобытных форм жизни и, будучи написан ранее известной работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), стал первым оригинальным трудом на эту тему в России.

Интерес к изучению первобытной экономической культуры достаточно необычен, особенно в контексте того, что этому сюжету Зибер посвящает объемный трактат в более чем 500 страниц (*Зибер, 1883*). Автора трудно заподозрить в симпатиях к какому-нибудь племени или региону, его интересуют исключительно универсалии, общие закономерности, с удивительной схожестью проявляемые на разных континентах, в разных географических и исторических условиях. Главный предмет интереса и составляет эта удивительная схожесть. Работа нечетко сфокусирована по времени. Исследуются в ней не только в собственном смысле архаичные общества. Предмет шире – это первобытные, архаичные элементы, которые сохраняются в феодализме и современном обществе. Тем самым, Зибер интересуется этот тип отношений в социуме, экономике, власти, нежели чем сколько-нибудь последовательная история или описание конкретных мест и народов. По всей видимости, такой подход каким-то образом должен соотноситься с его глубокой разработкой вопросов стоимости, ценности, капитала и в более широком ключе марксизма как тотального учения, способного объяснить действительность и историю. Взглянем в этом контексте на эволюцию взглядов Зиберы.

Н.И. Зибер – швейцарский подданный, родился в крымском Судакe, где за ним числились три десятины виноградника. После окончания симферопольской гимназии он поступает в Императорский университет Св. Владимира в Киеве, где в 1868 г. получает степень кандидата законовeдения. После непродолжительной работы мировым посредником в Волынской губернии Зибер продолжает занятия в университете и в 1871 г. публично защищает магистерскую диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями»³. Благодаря этой работе имя Зиберы становится известно, особенно усиливает интерес к его изысканиям настойчиво благосклонный отклик К. Маркса во втором предисловии к изданию «Капитала» в 1873 г. Зиберу нет тридцати, а его уже рекомендует читать Маркс: «Еще в 1871 году г-н Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим развитием учения Смита–Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение чисто теоретической точки зрения» (Маркс, 1960. Т. 23. С. 19). К этому замечанию Маркса о последовательной теоретической точки зрения мы вернемся позже.

В 1872–1873 гг. Зибер получает возможность продолжить научные изыскания за границей⁴. Из инструкции профессора Н.Х. Бунге видно, что география и тематика научных занятий предполагались весьма широкие: «Для изучения политической экономии и статистики г. Зиберу следует ознакомиться с преподаванием этих наук в Германии, в особенности в Лейпциге и Берлине. Затем г. Зиберу необходимо ознакомиться с устройством и работами статистических бюро, в особенности в Берлине (Энгель), Вене, Брюсселе, Париже, и если возможно, то и в Лондоне, Копенгагене и других городах, где собирание и разработка статистических данных производится под руководством известных статистиков. Независимо от этих занятий, г. Зиберу следу-

³ Биографические сведения сверены с личным делом Зиберы: Государственный архив г. Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 465. Д. 4759. Л. 81–88.

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 158. Дело о командировании Зиберы за границу с научной целью, 1871–1873.

ет, насколько позволит ему время, заняться изучением экономических учреждений в Западной Европе и в Соединенных Штатах, если обстоятельства и денежные средства позволят ему предпринять это путешествие. К предметам таких занятий относятся не только формы промышленного быта вообще, но, в частности, те учреждения, которые имеют целью возвысить уровень благосостояния народа ...»⁵.

В продолжительную командировку Зибер, по одной из версий, едет уже вместе с Надеждой Олимпиевной Шумовой, которая в этот же период начинает обучение химии в университете Цюриха (Creese, 1998). География европейской командировки Зибера весьма широкая: письма в адрес Министерства народного просвещения он пишет из Гейдельберга, Цюриха, Лейпцига, Флоренции, Парижа. Из опубликованного отчета видно, что основное время и внимание Зибер уделяет Швейцарии и Германии; первое время проводит в Гейдельберге и Цюрихе (Зибер, 1873). Зибер достаточно критически оценивает как университетские библиотеки, так и лекции, которые ему удается послушать. В возникшем противостоянии манчестерской школы фритрейдеров⁶ и немецкой исторической школы он в большей степени симпатизирует последней, что не мешает ему не соглашаться с их методологией. Складывается впечатление, что он поддерживает идеи Брентано, Рошера и Книса, что хозяйственная жизнь не исчерпывается только личным интересом. Тем самым особую важность приобретает изучение ассоциаций, общин и других коллективных форм хозяйственной и социальной организации. При этом, в отличие от этих авторов, он в большей степени отдает предпочтение общему и однородному перед локальным и особым, чтобы тем самым отделять существенное от несущественного. Гораздо большее внимание, чем лекциям Зибер уделял посещениям фабрик и изучению учреждений повышения благосостояния народа. Его внимание привлекают потребительские общества, ассоциации кустарей и мелких промышленников. Он лично наблюдал и над тем, как на практике проходит общественное обсуждение в швейцарском кантоне Гларус ревизии федеральной конституции, тем самым познакомился с элементами общинной организации в Швейцарии.

По окончании командировки Зибер работает доцентом кафедры политической экономии и статистики Киевского университета. До конца не известны обстоятельства ухода Зибера из университета и отъезда в Швейцарию в конце 1875 г. Основные интерпретации сводились к тому, что этот уход был своеобразным протестом либо против увольнения Драгоманова, либо против сложившейся в университете атмосферы, не располагающей к свободным и углубленным поискам в науке. Вместе с тем надо отметить, что Зибер проработал доцентом Киевского университета не более трех семестров, поскольку уже 30 апреля 1875 г. уходит в отпуск на три месяца для поездки за границу, а в декабре уже окончательно увольняется и переезжает в Швейцарию.

В Швейцарии Зибер, в отличие от своей жены, не получает какой-то академической позиции и работает преимущественно над текстами статей и рецензий для российских журналов: «Вестник Европы», «Знание», «Отечественные записки», «Русская мысль», «Слово», «Юридический вестник». В этих статьях Зибер выступает как продолжатель классической политической экономии: популяризирует, разъясняет и защищает учение Маркса, которое дает, по его мнению, «единый и цельный метод исследования в социальных науках».

Встречавшийся с ним в Берне осенью 1877 г. по рекомендации М.П. Драгоманова Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский отмечал превосходные качества Зибера как лектора и оратора, который доступно и с увлечением в беседе с ним разъяснял весьма сложные положения марксизма. Впоследствии они чаще виделись в Париже, где Зибер работал над новой книгой: «В 1881–1882 гг. мы видались нередко в Париже, куда Зибер приезжал заниматься в Национальной библиотеке. Он изучал тогда литературу о дикарях, задавшись целью проследить процесс возникновения правовых

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 141. Д. 158. Л. 22–22 об.

⁶ Курс Бёмерта – апологета фритрейдерства – он нашел совершенно бесполезным для посещения (Зибер, 1873. С. 17).

и этических норм на основе экономических условий так называемой «первобытной культуры». Опять я прослушал ряд импровизированных лекций, представлявших для меня высокий интерес»⁷.

Маркс в письме Н.Ф. Даниэльсону от 19 февраля 1881 г. упоминает о встрече с Н.И. Зибером во время его продолжительной работы в Британском музее: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г-н Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее» (Маркс, 1964. С. 130).

«Очерки первобытной экономической культуры» стали вторым и последним крупным трактатом Зибера. С самого начала Зибер не отличался отменным здоровьем. Болезнь легких заставила его отложить командировку и не явиться лично в Петербург за паспортом и содержанием. Более серьезная болезнь – развивающийся паралич – заставила его вернуться в 1884 г. в Ялту, где он провел последние годы своей жизни. Свой болезненный, нервный и удрученный вид в Париже в 1882 г. Зибер объяснял Д.Н. Овсяннику-Куликовскому политической ипохондрией: «Хоть я и швейцарский гражданин, говорил он, но что ничуть не мешает русскому правительству посадить меня в тюрьму, а то, пожалуй, и повесить ... Да просто за направление, за образ мыслей, за дружбу с Драгомановым, за знакомство с эмигрантами»⁸.

Поразительно, но архивные документы свидетельствуют, что эти подозрения были далеко не беспочвенными. Согласно телеграмме Департамента полиции от 19 июля 1881 г. Н.И. Зибер был назван «видным деятелем социально-революционной партии за границей» и его предписывалось «в случае проезда обыскать, арестовать и телеграфировать Департаменту»⁹. Благоклонное отношение Маркса к диссертации Зибера сказалось и на том, что «Очерки» вошли в обиход текстов, которые читали в рабочих кружках с пропагандистскими целями. Негласный надзор полиции был снят только после его смерти в 1888 г.¹⁰

Именно в швейцарский период Зибер активно работает над новой книгой по первобытной экономической культуре. Не до конца понятно, почему Зибер берется за столь редкий и необычный сюжет? К этому времени он создал себе репутацию теоретика-экономиста высокого уровня, который смог показать цельное развитие классической политической экономии и блестящее понимание Рикардо и Маркса. Исторический и диалектический подходы к социально-экономическим явлениям Маркса провоцируют на поиск происхождения институтов. Уяснение первичных форм общежития позволяет приоткрыть завесу грядущего общественного строя, когда будут упразднены частная собственность и эксплуатация. Обращением к первобытному обществу Зибер предвосхищает известную работу Энгельса. Кроме марксистской линии, немаловажно и то, что при всем обилии записок и заметок путешественников в разных регионах мира к концу 1870-х гг. так и не появляются социально-экономические обобщения этих разрозненных сведений. Тем самым Зибер как заполняет лакуну в марксистском учении, так и намечает важные обобщения, которые впоследствии сформируют такую область знаний, как экономическая антропология.

Отзывы и оценки «Очерков»

«Очерки первобытной экономической культуры» вышли в издательстве известного мецената и благотворителя, прихожанина Рогожского кладбища Кузьмы Терентьевича Солдатенкова. Наиболее обстоятельная рецензия вышла в «Отечественных записках». Н.К. Михайловский отмечал, что книга заполняет пробел во всемирной научной литературе и содержит тщательный разбор материала о неисторических расах. В качестве критики было отмечено, что в книге беспорядочно смешены эпохи и факты, не хватает

⁷ См. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 1000. Оп. II. Ед. хр. 996. Л. 15.

⁸ Там же. Л. 17.

⁹ См. Центральный государственный исторический архив г. Киева (ЦГИАК), 442-834-1. Л. 692 об.

¹⁰ См. ЦГИАК 442-838-14.

типологии: «Набрать из разных мест примеров далеко еще не значит установить тип первобытной экономической культуры, уже потому, что среди этих эпох и мест весьма много совсем не первобытных» (*Михайловский, 1883. С. 244*). Серьезный упрек касался и языка, «который часто бывает неудобопонятен, скорее походя на какое-то неизвестное наречие, прибегающее к русским словам» (*Там же. С. 245*).

Иными словами, от рецензента не ускользает, что Зибер хоть и пользуется схемами эволюционного подхода Моргана, все же не структурирует свою работу в соответствии с четкими критериями различий, скажем, между дикостью и варварством. Разбор элементов первобытной экономической культуры коснулся и Китая, Индии, и европейских народов. Добавим, что Зибер легко переходит от «неисторических рас» к Европе. В этом смысле, взгляд экономиста подталкивает к функциональному подходу, поиск универсалий делает не столь важными различия между различными фазами эволюции.

Л.М. Клейнборт ставил «Очерки» в один ряд с работами Мена (Maine) и Спенсера, но упрекал в излишней абстрактности. С точки зрения методологии Зибер нигде не дал определения «экономической культуры» и границ, отделяющих объект его исследования, за разбором папуасов и чукчей у него следуют Китай, Япония, Египет, что возможно лишь смешав эпохи и факты, как если бы у них был один тип отношений (*Клейнборт, 1923. С. 79–80*). Тем самым, критики упрекали Зибера в том, за что могла бы похвалить современная экономическая антропология, а именно за то, что он исследовал определенный тип отношений в обществе, которые имеют универсальную природу и элементы которых встречаются во все времена и у всех народов.

В 1923 г., через 40 лет, «Очерки» были изданы в Одессе (*Зибер, 1923*). В обширном предисловии академик Михаил Елисеевич Слабченко уделяет особое внимание связи Зибера с киевской громадой, его роли в открытии частных высших женских курсов и киевского потребительского общества. Теоретический вклад им оценивается исключительно положительно.

В предисловии московского издания 1937 г. этнограф Павел Иванович Кушнер делал ожидаемые для того времени реверансы в сторону правильности марксистского подхода к первобытной культуре и выявлению элементов первобытного коммунизма (*Зибер, 1937*). Вместе с тем, что немаловажно, Кушнер подметил, что кроме «Капитала», «Зиберу не были известны никакие другие высказывания основоположников марксизма о первобытной истории человечества» (*Зибер, 1937. С. VII*). Упреки в том, что Зибер в «Очерках» недостаточно оценил Моргана и его историческую схему, которую чуть позже использовал Энгельс, объединяют оценку переизданий 1937 и 1959 гг. Профессор Николай Александрович Цаголов в предисловии, озаглавленном «Выдающийся русский экономист Н.И. Зибер», основное внимание уделяет другим произведениям Зибера и тому тезису, что Зибер был не буржуазным либералом, но неосознанным приверженцем научного социализма (*Зибер, 1959. Т. 1. С. 5–28*). Упомянув «Очерки», Цаголову важно было показать, что в книге доказывалось, что «частная собственность есть продукт исторического развития», что первобытному общественному устройству свойственен демократизм (*Там же. С. 26*).

Все отзывы отмечали введение в научный оборот и обобщение обширного этнографического материала, нечеткость методологии, выражавшуюся в неясном очертании объекта исследования, отход Зибера от эволюционизма Моргана и весьма ценные обобщения по элементам первобытной экономической культуры.

Универсалии первобытной экономической культуры: *terram incognitum*

Н.И. Зибер ставит вопрос о сравнительном изучении экономической организации и институтов права в первобытных обществах в рамках антропологии, этнографии, лингвистики и религиоведения. С первых же строк он подчеркивает всеобщность и универсальность общинных форм хозяйства и понимает необходимость критики источников, которые противоречат друг другу и вписывают в материал свой европей-

ский опыт: «путешественники сплошь и рядом вносили свои европейские понятия в объяснение чуждых им общественных явлений и открывали феодальные учреждения, королевскую власть, право майората, отцовскую патриархальную власть, право частной собственности на землю и пр. там, где их вовсе не было» (Зибер, 1883. С. 2). Главный вопрос – это проследить изменение и типологию форм общественного производства и потребления, что дает представление о природе политических, юридических, религиозных и умственных явлений.

Какие темы вошли в поле зрения книги Зибер? Это обобщение свидетельств об организации охоты и рыболовства, общих работ по выжиганию лесов, орошению каналов, сооружению домов, о характере отношений, связанных с даром, гостеприимством, движимой и недвижимой собственностью, обменом и властью.

С одной стороны, Зибером движет желание отыскать универсальные принципы, с другой – вся книга на практике состоит из нескончаемой череды разнообразных примеров и подробных выписок. Именно в этом, втором смысле Зибер идет дальше М. Ковалевского (1879). В рецензии на книгу Ковалевского, которая появилась ранее, Зибер указывал: «Нельзя поэтому не пожалеть, что в виду широты своей задачи, автор счел необходимым довольствоваться лишь немногими примерами и вообще держаться сжатости в своем изложении. По нашему мнению, если где нужна не сжатость, а возможная полнота, то именно в области важнейших вопросов общественно-экономической истории, представляющей доселе совершенную *terram incognitam*» (Зибер, 1880. С. 674).

Кроме более полной картины с точки зрения различных примеров, «насыщенное описание» автору удастся, Зибер претендует и на представление объективных причин разложения общинного уклада далеко не только в результате конфликта интересов состоятельных и несостоятельных слоев, а также войн и насилия. Одновременная ориентация на полное и насыщенное описание вместе с поиском поразительных универсалий стала доминантой данной книги.

Различные описания приводятся Зибером, чтобы указать на то *общее*, что обнаруживается в различных уголках мира. Характерен итог первой главы «Очерков», указывающий на поразительные черты сходства в кооперации, потреблении и распределении, т.е. на универсалии экономической культуры: «Читатель вероятно обратил уже внимание на то, до какой удивительной степени сходны способы охоты и рыбной ловли первобытного общества во всех частях земного шара, от полюса до полюса. С одной стороны, почти повсюду распространено употребление огня для поджигания кустарников и леса и сгона дичи в общую засаду. С другой, еще более употребительно участие в охоте и рыбной ловле многочисленных групп населения; иногда одного или нескольких племен, с разделением занятий по полу и возрасту, почти без исключения, стремящихся запретить добычу в круг, чтобы таким образом поймать ее» (Зибер, 1883. С. 30).

В дальнейшем остановимся на вопросах кооперации, дара и обмена и отношений собственности в первобытной экономической культуре.

Кооперация и собственность

Политическая экономия в большей степени изучала конкуренцию и капитализм, а не простую кооперацию и предшествовавшие формы организации и производства, на что позднее больше внимания обращали анархисты. На важность разбора теории общественной кооперации Зибер обратил внимание ранее, ставя своей задачей дополнить Маркса включением в рассмотрение предыдущих ступеней экономического развития и описанием общественной кооперации на этих этапах. Разделение труда на более поздних этапах соответствует уже сложной кооперации. Если в главе IX «Разбор теории общественной кооперации» в книге «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» Зибер основное внимание посвящает

феодализму и средневековым городам, то в «Очерках» уже первобытным формам кооперации.

Одной из характерных черт первобытной экономической культуры является коллективное сотрудничество, или кооперация. Кооперация труда обуславливает совместное потребление и общую собственность на недвижимое и движимое имущество. Эти формы общественного устройства обростают институтами, которые потом медленно меняются и переживают сам этот тип организации. Именно этим объясняется привлечение широкого материала, поскольку для подхода Зибер это лишнее свидетельство одних и тех же универсалий, которые долго удерживаются даже при новом общественном строе, существуя уже как рудименты и обломки.

Описывая разные формы организации охоты, Зибер метко противопоставляет разделение труда антагонистическим отношениям, с одной стороны, и простую кооперацию с коллективной организацией – с другой. В рамках простой кооперации не возникает большого разнообразия – каждый член коллектива приобретает схожие умения. Каждый монгол должен уметь быть наездником и оказывать знаки гостеприимства. Многочисленные примеры показывают коллективный характер охоты и рыбной ловли, сам охотник не присваивает себе добычу, всегда происходит перераспределение, которое курируют старейшины.

Охота якутов, юкагиров и тунгусов на диких оленей, гренландцев на тюленей и китов, команчей на бизонов имеет то общее, что осуществляется *сообща*. Коняги ловят морских выдр, команчи ловят бизонов. Бизон для индейца представлял то же, что тюлень для алеута или эскимоса, олень для бурята – «средство прокормления и существования». Их ловили столько, сколько нужно было для выживания и потребления. Распределение происходило согласно распоряжению начальника, с соблюдением равенства и справедливости.

Кооперация в промысле сопровождала совместному потреблению, охотник зачастую имел право лишь на оговоренную часть добычи, даже если заслуга принадлежала лично ему. В особенности это касалось большой удачи: *«В случае охоты на медведя, которая обыкновенно устраивается волонтерами по вызову одного из шефов и сопровождается соблюдением разных религиозных церемоний, как то: усиленного поста, чернения лиц углем и т.д., если среди убитых животных найдется одно больших размеров и длины, чем прочие, то оно предназначается для торжественного пиршества по возвращении их в деревню и жаривается целиком. Все остальное мясо разделяется посемейно. Если есть на месте союзники или чужестранцы, им также делается подарок. Если охота была удачна, то приглашаются жители соседних деревень и получают двух или трех животных. Пиршество, на котором съедается большой медведь, дает сам начальник, приглашая на него до 20 человек и соблюдая большие церемонии»* (Зибер, 1883. С. 23). Власть старейшин держалась на определенных правилах, поддерживающих равенство и справедливость. Взаимная щедрость, следование правилам коллективного потребления, церемониальность любого действия – важные аспекты кооперации.

Правила достаточности, к которым впоследствии обращался М. Салинз, приводили к парадоксальному эффекту в коллективном распоряжении свободным временем. Путешественников часто поражал распорядок дня, в котором наряду с охотой, рыбной ловлей и другими работами большое место принадлежало играм, беседам и праздности: *«Никогда одни и те же индийцы не ходили на работу два дня сряду. Остальные, на которых не падала очередь идти на работу, занимались игрою в мяч. В четыре часа пополудни рыбаки возвращались в своих лодках, нагруженных провизией. Тотчас же прекращалась игра в мяч, все отомаки шли купаться в реку и расходились по домам. Женщины и дети разгружали лодки и сносили рыбу к дверям начальников, которые распределяли ее между всеми семействами, смотря по числу членов в них ... За обедом следовало второе купание, а потом наступала ночь и с нею начинались танцы,*

которые оканчивались только в полночь. То же самое повторялось каждый день» (Зибер, 1883. С. 25).

Фиксирование того, что общинное производство и потребление вместе с крайней скудостью запасов дают условное изобилие – не ускользает от Зибера. Свободного времени становится достаточно, лень поражала путешественников своим изобилием: «Лень заходит у туземцев так далеко, что они спят половину своего времени, а остальное проводят сидя, даже если обрабатывают землю ... Если Вы войдете в какой-либо дом, Вы найдете всю семью без дела и очень часто спящую. Просыпаются, чтобы принять Вас, но встают не всегда или ложатся до окончания визита. Если они приходят к Вам с визитом, то им часто случается лечь у Вас и даже заснуть до утра ... Обычная формула вежливости при встрече с кем-либо – *talo e tohe* – *здорового сна!*» (Зибер, 1883. С. 134). Любопытно, что наличие большего свободного времени – есть очевидная черта сходства первобытной культуры и нового общественного строя, который обозначали как коммунизм.

В контексте вопросов собственности любопытны замечания Зибера относительно конфликта *общинных и частных принципов*. Опираясь на многочисленные свидетельства Зибер показывает возможное превосходство так называемых менее цивилизованных систем общественного хозяйства перед новыми в строительстве каналов, плотин, водопроводов. Когда испанцы завоевали Андалузию, Гранаду, Перу и Мексику, они не смогли развить новую систему орошения, но разрушили старую: «Разрушенный водопровод Тецкоцинко был великим произведением искусства, служившим для снабжения водою больших садов Нецагуалькойотля, которые покрывали большое пространство и возбудили удивление завоевателей, вскоре потом разрушивших их в тех видах, чтобы они не напоминали завоеванным о днях прошлого язычества» (Там же. С. 44–45). В этом смысле Зибер показывает, что прогресс в общественных работах носит далеко не всегда поступательный характер, но часто переход к новой системе землепользования и частной собственности характеризуется регрессом: разрушением системы землепользования и общей гармонии между природой и обществом.

Дар

Самым известным достижением Марселя Мосса как кабинетного ученого стало теоретическое осмысление ритуального дарообмена. Основой стало первичное этнографическое описание кулы в Полинезии (Малиновский) и потлача у североамериканских индейцев (Боас). Мосс характеризует потлач как «тотальную поставку агонистического типа», выделяет социальное значение щедрости, связь дара и кредита, выделяет обязанности дарить, принимать и отдаривать. Потлач – это ритуальный пир, игра, испытание, сопровождаемое раздачей подарков, уничтожением имущества и соревнованием в щедрости.

Не сложно увидеть, что кабинетный ученый Зибер приходит к схожим выводам, когда описывает гостеприимство и дарение (Глава V). Гостеприимство – это элемент экономической культуры первобытного общества, оно является не добродетелью, но *обязанностью* и неизменным спутником общинного труда и потребления (Зибер, 1883. С. 131–132). Обратной стороной гостеприимства является воровство, поскольку в пределе ни первое, ни второе не знают идею собственности. Напротив, вор – тот, кто тайне сам съедает добытое мясо (Там же. С. 141). Зибер, подобно Моссу, фиксирует вслед за этнографами обязательность щедрости и гостеприимства.

Во взаимном обмене подарков присутствуют элементы, которые позднее К. Поланьи обозначил как взаимность (реципрокность) и иерархию (перераспределение). Готовность поделиться любой вещью и даже собственными детьми обусловлена в том числе тем, что есть уверенность во взаимности, т.е. в том, что за дар будет еще большее воздаяние, причем сам обмен дарами не имеет точек остановки, он тотален. Второй аспект – перераспределение – проявляется в важной функции начальников, бигменов или ста-

рейшин, которые определяют судьбу добычи и других приобретений племени. Порой нарратив, который представляет читателю Зибер, дает даже больше возможностей для интерпретации, чем более четкие теоретические выводы Мосса. К примеру, Зибер подчеркивает, что взаимный обмен дарами осуществляется без ожидания обмена и эквивалента (*Там же. С. 144*).

Хотя Зибер не был знаком с результатами экспедиции Франца Боаса к североамериканскому племени квакиутлей, поскольку она состоялась уже после выхода в свет «Очерков», но опираясь на свидетельства других этнографов, он достаточно точно воспроизводит особенности потлача. Он опирается в данном случае на свидетельства исследователя Арктики Томаса Симпсона (*Simpson, 1843*), шотландского бизнесмена Гилберта Спрота (*Sproat, 1868*), американского историка и этнолога Хуберта Банкрофта (*Bancroft, 1874*). Единственная задача накопления собственности – это раздача в праздники, проявления щедрости. Во время пиров важно было проявить *равнодушие к богатству* (к примеру, затопив каноэ), чем больше может человек подарить, тем сильнее его сердце (*Зибер, 1883. С. 148*). Особо подчеркивает Зибер значение социальной иерархии и перераспределения во время пиршества: «Лицо, раздавшее наиболее собственности, приобретает наибольшую славу, и по временам получает голосами племени *высшее достоинство*» (*Там же. С. 149*).

Зибер находит у путешественников и этнографов те свидетельства, которые позволяют сделать близкие Моссу выводы относительно системы дарообмена. Зибер подчеркивает обязательность дара и пира, его тотальный характер, захватывающий все уровни; сам пир является частью ритуала, который в своем постоянном повторении выстраивает иерархию, выявляет наиболее щедрых и достойных. При этом для Зибера важнее связь дарообмена с трудом. Случайный, редкий труд ведет к меньшему богатству, если не к его отсутствию, и дает много свободного времени для лени, праздности, игр, отдыха и просто ничегонеделания.

Экономическая антропология Зибера: вместо заключения

Как сегодня оценить экономическую антропологию Зибера? Не вызывает сомнений, что Зибер разделял основную посылку экономической антропологии, что чистой экономики не существует, но экономика всегда погружена в культурный и институциональный контекст. Обсудим далее его источниковую базу, охарактеризуем его методологический подход, а также наметим его место на карте развития экономической антропологии.

Как мы отмечали, Зибер отводил огромное место обширным извлечениям из первоисточников – преимущественно это заметки путешественников, этнографов, деловых людей и миссионеров, которые столкнулись по разным причинам с туземцами, дикими народами, как их тогда называли. К примеру, только во второй главе он приводит выписки из Виктора Анри де Роша – французского врача, принимавшего участие в экспедициях в Новой Каледонии, острова в Меланезии, до сих пор принадлежащего Франции (*De Rochas, 1882*); Карла Земпера – немецкого зоолога и путешественника, исследовавшего в 1858–1865 гг. Филиппины (*Semper, 1869*); Огюстена Франсуа Сезара де Сент-Илера – французского путешественника и ботаника, в 1816–1822 гг. описавшего мир природы Бразилии (*De Hilaire, 1830*); Иосифа Гумилла – иезуитского миссионера, описавшего природу, общество и географию бассейна реки Ориноко, одной из самых протяженных в Латинской Америке (*Gumilla, 1758*); Карла Германа Конрада Бурмейстера – немецкого энтомолога, в 1850–1852 гг. обследовавшего район Рио-де-Жанейро и Менас-Жерайс (*Burmeister, 1853*). Сотни авторов, которые писали на французском, немецком, английском, испанском вошли в орбиту интереса Зибера. Такой широкий охват источников имел, надо полагать, беспрецедентный характер.

Описывая экономическую культуру, Зибер сознательно многократно расширяет задачу и обращается к письменным цивилизациям Китая, Индии, Европы. В исторических книгах он выявляет те факты, которые могут касаться рудиментов, обломков

первобытной экономической культуры, т.е. активно использует культурную историю. Особенно это касается традиционных общинных форм, которые еще встречаются с небольшими изменениями на больших территориях. В этом смысле, сохранившийся кое-где общий стол, совместное содержание собственности, примеры общинной жизни также интересуют исследователя. К примеру, в третьей главе изучение роли общины ведется по всем предшествующим эпохам и распространяется на все континенты, включая самый центр Европы – Францию, Германию. За этим описанием проглядывает симпатия, удивление прежде всего по отношению к тотальности этого явления, которое встречается решительно во всех уголках Земли и культурах. Из этого описания ясно, что частная собственность – лишь небольшой миг в истории большинства народов. Кроме Новой Зеландии, острова Юкатан, Новой Гвинеи, Мексики, Перу, Бразилии, Сьерра-Лионе, Явы, Зибер включает обширное описание общественных земельных работ в Китае, а также примеры из общинной жизни в России, Сербии, Грузии (Зибер, 1883. С. 84–88).

Зибера критиковали за то, что он не следовал эволюционной схеме Моргана, которую Энгельс взял за основу, за то, что он не стал изучать только первобытные народы или эпоху первобытного строя, за то, что нигде не дал четкого определения экономической культуры. Это трудно отрицать. Вместе с тем, как это часто бывает, недостатки оборачиваются неожиданными преимуществами. Так, Зибер, подобно современным антропологам, не делает принципиального разделения между современностью и первобытностью. Главный интерес представляют отношения собственности, характер труда и различные институты, которыми они обрастают. В этом смысле было бы точнее говорить, что задачей Зибера было исследование элементов первобытной экономической культуры в том числе в их остаточной, рудиментарной форме. Зибер хотя не дает определения экономической культуре, но из его повествования ясно, что речь идет о совместном исследовании экономики, социума, ритуалов, институтов и верований. Не давая четкого определения, Зибер имеет возможность в разных главах то расширять, то суживать свой интерес к исследуемому материалу.

Данный подход Зибера, который можно характеризовать как междисциплинарный, расширяет объект исследования, но достаточно точно фиксирует структуру и дает аналитические преимущества. Рискнем со всей условностью предположить, что Зибер будет ближе к функциональному, чем к доминирующему в XIX в. эволюционному подходу в антропологии. Его аналитический подход, имеющий неявную преемственность с марксизмом, пожалуй, ближе к субстантивизму К. Поланьи. Во всяком случае, такие элементы общей системы, как реципрокность (отношения симметрии) и иерархия (перераспределение) он периодически выделяет как ключевые в понимании архаичного обмена и всей системы организации.

С точки зрения интеллектуальной истории, важно дополнительно проследить становление Н.И. Зибера как классического политэконома, обстоятельства его эмиграции в Швейцарию, где его главным вкладом в науку стали «Очерки первобытной экономической культуры», часто переиздаваемые, но еще до конца не оцененные и не поставленные в контекст развития экономической антропологии. Данная работа представляет один из предварительных шагов в этом направлении.

ЛИТЕРАТУРА

- Гербер Д. (2015). Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Зибер Н.И. (1871). Теория ценности и капитала Рикардо с некоторыми из позднейших дополнений и разъяснений. Киев.
- Зибер Н.И. (1873). Отчет магистра политической экономии Николая Зибера о пребывании с января по октябрь 1872 года. *Университетские известия*, август, № 8. Киев.
- Зибер Н.И. (1880). Рецензия книгу на М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» // *Юридический вестник*, август, с. 673–692.

- Зибер Н.И. (1883). Очерки первобытной экономической культуры. М.: Издание К.Т. Солдатенкова.
- Зибер Н.И. (1923). Очерки первобытной экономической культуры. Со вступ. статьей М.Е. Слабченко. Одесса: Гос. из-во Украины.
- Зибер Н.И. (1937). Очерки первобытной экономической культуры. С пред. П. Кушнера. М.: ГСЭИ.
- Зибер Н.И. (1959). Избранные экономические произведения в двух томах. С пред. Н.А. Цаголова. М.: Из-во социально-экономической литературы.
- Зуев Г. (1898). Памяти Н.И. Зибера // *Одесские новости*, 29 апреля, № 4269.
- Ковалевский М. (1879). Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Часть первая. М.: Типография Миллера.
- Малиновский Б. (2004). Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1960). Сочинения, второе издание. М.: ГИ Полит. лит-ры, т. 23.
- Маркс К., Энгельс Ф. (1964). Сочинения, второе издание. М.: ГИ Полит. лит-ры, т. 35.
- Михайловский Н.К. (1883). Новые книги: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры // *Отечественные записки*, № 12, декабрь, с. 241–245.
- Мосс М. (1996). Очерк о даре // *Общества. Обмен. Личность*. М.: Восточная литература.
- Наумов Д.Б. (1930). Николай Иванович Зибер. Харьков: «Пролетарий».
- Резуль Я.Г. (1931). Н.И. Зибер (библиография) // *Каторга и ссылка*, № 7, с. 132–174.
- Реуэль А.Л. (1956). Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М.: Госполитиздат, с. 287–342.
- Салинз М. (1999). Экономика каменного века. М.: ОГИ.
- Цаголов Н.А. (1953). К характеристике экономических взглядов Н.И. Зибера // *Вопросы экономики*, № 9.
- Шрадер Х. (1999). Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Энгельс Ф. (1989). Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Из-во политической литературы.
- Эриксен Т.Х. (2014). Что такое антропология? М.: ИД ВШЭ.
- Allisson F. (2015). Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920. London: Routledge (Routledge Studies in the History of Economics no 173).
- Bancroft H. (1874–1875). The Native Races of the Pacific States, vols. 1–5. London.
- Burmeister (1853). Reise nach Brasilien. Berlin.
- Carrier G.J. (ed.) (2005). *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Creese M. (1998). Early women chemist in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova // *Bulletin for the History of Chemistry*, № 21, pp. 19–24.
- De Hilaire A. (1830). Voayge au Brésil. Partie, I. Paris.
- De Rochas V. (1882). La Nouvelle Calédonie. Paris.
- Guelfat I. (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N.I. Ziber // *L'homme et la société*, no. 17(1), pp. 141–148.
- Gumilla J. (1758). Histoire de l'Orénoque. Avignon.
- Herskovits M. (1952). Economic Anthropology. A study in Comparative Economics. N.Y.: Alfred Knopf.
- Maine H.S. (1874). Lectures on early history of institutions. London.
- Semper K. (1869). Die Philippinnen und ihre Bewhner. Würzburg.
- Sieber N.I. (2011). Marx's economic theory // *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 27, pp. 155–190. Transl. by J.D. White.
- Simpson Th. (1843). Narrative on the discoveries on the North coast of America. London.

Smith D.N. (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism // *Research in Political Economy*, no. 19, pp. 47–66.

Sproat G.M. (1868). *Scenes and Studies of savage life*. London.

White J.D. (2009). Nikolai Sieber: The First Russian Marxist // *Revolutionary Russia*, no. 22(1), pp. 1–20.

REFERENCES

Engels F. (1989). *The Origin of the Family, private property and the state*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ. (In Russian.)

Eriksen T.H. (2014). *What is anthropology?* Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russian.)

Gerber D. (2015). *Debt: the first 5,000 years of history*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)

Kovalevsky M. (1879). *Communal land ownership: the causes, course and consequences of its decay*. Part one. Moscow: Miller typography. (In Russian.)

Malinowski B. (2004). *Argonauts of the Western Pacific*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Marx K. and Engels F. (1960). *Works*, second edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury Publ., vol. 23. (In Russian.)

Marx K. and Engels F. (1964). *Works*, second edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoy literatury Publ., vol. 35. (In Russian.)

Mauss M. (1996). *Essay on the gift. Society. Exchange. Personality*. Moscow: Eastern Literature Publ. (In Russian.)

Mikhailovsky N.K. (1883). New books: Sieber N.I. «Essays on Primitive Economic Culture». *Otechestvennye zapiski*, no. 12, December, pp. 241–245. (In Russian.)

Naumov D.B. (1930). *Nikolai Sieber*. Kharkov: Proletarian Publ. (In Russian.)

Reuel A.L. (1956). *Russian economic thought 60–70-ies of the XIX century and Marxism*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 287–342. (In Russian.)

Rezul' Ya.G. (1931). N.I. Sieber (bibliography). *Katorga i ssylka*, no. 7, pp. 132–174. (In Russian.)

Sahlins M. (1999). *The Stone Age Economics*. Moscow: OGI Publ. (In Russian.)

Schrader H. (1999). *Economic anthropology*. St. Petersburg: Oriental Studies. (In Russian.)

Sieber N.I. (1871). *The theory of value and capital of Ricardo with some of the later additions and clarifications*. Kiev. (In Russian.)

Sieber N.I. (1873). *The Report of Nikolai Sieber, Master of Political Economy, on his stay abroad from January to October 1872*. *Universitetskie izvestiya*, August, no. 8. Kiev. (In Russian.)

Sieber N.I. (1880). *Review of a book of Kovalevsky «Community land tenure, causes, course and consequences of its expansion»*. *Yuridicheskii vestnik*, August, pp. 673–692. (In Russian.)

Sieber N.I. (1883). *Essays on the Primitive Economic Culture*. Moscow: K.T. Soldatenkov Publ. (In Russian.)

Sieber N.I. (1923). *Essays on the Primitive Economic Culture*. Odessa. (In Russian.)

Sieber N.I. (1937). *Essays on Primitive Economic Culture*. Moscow. (In Russian.)

Sieber N.I. (1959). *Selected economic works in two volumes*. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ. (In Russian.)

Tsagolov N.A. (1953). *On the economic views of N.I. Sieber*. *Problemy ekonomiki*, no. 9. (In Russian.)

Zuev G. (1898). *In memory of N.I. Sieber*. *Odesskie novosti*, April 29, no. 4269. (In Russian.)

Allisson F. (2015). *Value and Prices in Russian Economic Thought: A Journey Inside the Russian Synthesis, 1890–1920*. London: Routledge (Routledge Studies in the History of Economics no 173).

- Bancroft H.* (1874–1875). *The Native Races of the Pacific States*, vols. 1–5. London.
- Burmeister* (1853). *Reise nach Brasilien*. Berlin.
- Carrier G.J.* (ed.) (2005). *A Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Creese M.* (1998). Early women chemist in Russia: Anna Volkova, Iuliia Lermontova, and Nadezhda Ziber-Shumova. *Bulletin for the History of Chemistry*, no. 21, pp. 19–24.
- De Hilaire A.* (1830). *Voayge au Brésil. Partie, I*. Paris.
- De Rochas V.* (1882). *La Nouvelle Calédonie*. Paris.
- Guelfat I.* (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N. I. Ziber. *L'homme et la société*, no. 17(1), pp. 141–148.
- Gumilla J.* (1758). *Histoire de l'Orénoque*. Avignon.
- Herskovits M.* (1952). *Economic Anthropology. A study in Comparative Economics*. N.Y.: Alfred Knopf.
- Maine H.S.* (1874). *Lectures on early history of institutions*. London.
- Semper K.* (1869). *Die Philippinnen und ihre Bewhner*. Würzburg.
- Sieber N.I.* (2011). Marx's economic theory. *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 27, pp. 155–190. Transl. by J.D. White.
- Simpson Th.* (1843). *Narrative on the discoveries on the North coast of America*. London.
- Smith D. N.* (2001). The spectral reality of value: Sieber, Marx, and commodity fetishism. *Research in Political Economy*, no. 19, pp. 47–66.
- Sproat G.M.* (1868). *Scenes and Studies of savage life*. London.
- White J.D.* (2009). Nikolai Sieber: The First Russian Marxist. *Revolutionary Russia*, no. 22(1), pp. 1–20.

ЗИБЕР И ВОРОНЦОВ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ¹

Александр Николаевич ДУБЯНСКИЙ,

доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: assig@inbox.ru

В данной статье исследуются экономические воззрения Николая Ивановича Зибера. Его имя основательно забыто и мало встречается в научных статьях, посвященных русским экономистам XIX в. Думается, что основная причина такого невнимания кроется в его увлеченности марксистской экономической теорией, изучению которой в настоящее время уделяется мало внимания исследователями-экономистами. Зибер является, по сути, первым русским экономистом, который смог познать теорию К. Маркса во всей ее сложности и диалектической взаимосвязанности. Кроме того, он основательно изучил научные взгляды предшественников Маркса, что позволило ему понять идейное единство марксизма и классической политической экономии. Однако в данной статье, основное внимание уделяется вопросу полемики Н.И. Зибера с народниками, в частности, с В.П. Воронцовым, относительно того, какими должны быть пути развития экономики России. Суть спора состояла в том, должна ли страна развиваться исходя из объективных законов, и идти по капиталистическому пути, или у России существует своя особая траектория развития. Воронцов и народники являлись сторонниками некапиталистического пути. Они полагали, что в преимущественно аграрной стране, каковой являлась Россия, нет необходимых предпосылок для капиталистического пути развития. Народники ратовали за сохранение крестьянской общины, артелей и выступали против создания в России крупномасштабного капиталистического производства. Зибер опровергал народническую концепцию об особом пути развития России, и отстаивал марксистскую по содержанию идею о том, что капитализм является объективным этапом развития общества и, следовательно, неизбежным.

Ключевые слова: Зибер Н.И.; Воронцов В.П.; марксизм; народничество; развитие капитализма; община; артель

SIEBER AND VORONTSOV ON THE CAPITALIST PATH OF DEVELOPMENT OF RUSSIA

Alexander N. DUBYANSKY,

Doctor in Economics, Associate Professor,
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia,
e-mail: assig@inbox.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41003 «Переопределяя классическую политическую экономию: Николай Иванович Зибер, русский и швейцарский экономист и социолог».

This article examines the economic views of Russian economist Nikolai Ivanovich Sieber. His name thoroughly forgotten and little is found in scientific articles devoted to Russian economists of the nineteenth century. I think that the main reason for this neglect lies in his dedication to Marxist economic theory, the study of which is currently paid little attention by researchers-economists. Sieber is, in fact, the first Russian economist, who was able to understand Marx's theory in all its complexity and dialectical interrelatedness. In addition, he thoroughly studied the scientific views of the predecessors of Marx, allowing him to understand the ideological unity of Marxism and classical political economy. However, in this article, the main attention is paid to the question of polemics N.I. Sieber with the populists, in particular with V.P. Vorontsov regarding what should be the way of development of economy of Russia. The essence of the dispute was whether the country to develop, on the basis of objective laws of development, those on the capitalist path, or Russia has its own special path of development. Vorontsov and the populists were supporters of non-capitalist development of the country. They believed that in a predominantly agrarian country, which was Russia, there are no necessary prerequisites for capitalist development. Populists fought for the preservation of peasant communities, cooperatives and spoke against creation of large-scale capitalist production in Russia. Sieber denied populist conception about the special way of development of Russia, and defended the Marxist idea that capitalism is an objective stage of development of society and thus is inevitable.

Keywords: Sieber, N.; Vorontsov, V.; Marxism; populism; the development of capitalism; the community; the artel

Acknowledgements: This publication was prepared in the framework of a project № 16-23-41003 «Redefining the classical political economy: Nikolay Ivanovich Sieber, Russian and Swiss economist and sociologist».

JEL classifications: B14, N13, N83

Введение

В 1882 г. вышла в свет работа известного русского народника В.П. Воронцова – «Судьбы капитализма в России», положившая начало обширной дискуссии в российской интеллектуальной среде относительно того, существовал ли капитализм в России конца XIX в. и насколько сложились в стране необходимые условия для его развития. Основными участниками полемики выступали, с одной стороны, представители народничества, а с другой – сторонники марксизма и так называемые легальные марксисты. Собственно, в ходе этой дискуссии и сформировалось народничество как своеобразная идейная платформа, объединявшая всех противников западного пути развития страны. Ведущие теоретики народничества В.П. Воронцов (1847–1918) и И.Ф. Даниельсон (1844–1918) сформулировали концепцию некапиталистического (неподражательного) пути развития России (Кравченко, 2008. С. 6), которая строилась на убежденности ее авторов в особом предназначении России. П.Б. Струве точно подметил, что «теория самобытного исторического развития России или просто вера в такое развитие составляет сущность того направления ... [народничества – А.Д.]» (Струве, 2015. С. 2).

В 1870–1880 гг. перед страной стоял поистине судьбоносный вопрос о выборе дальнейшего пути развития. Учитывая общую экономическую отсталость России от ведущих стран Запада, большинство видных российских общественных деятелей по своим идейным убеждениям относились к народникам и являлись сторонниками некапиталистического развития страны. Они полагали, что в преимущественно аграрной

стране, коей на тот момент являлась Россия, отсутствуют необходимые предпосылки для капиталистического пути развития. По сути, в отказе от капиталистического пути развития концентрированно выражалась проблема взаимоотношений между Россией и Западом в цивилизационном ракурсе. Другой стороной в этой полемике выступали представители так называемого «западничества» или просто сторонники универсальной теории развития, в которой нет места особым путям развития. Например, П.Б. Струве, возражая Воронцову относительно его идеи о невозможности формирования капитализма в России, утверждал, что «...капитализм развивается потому, что он, при данных условиях, есть единственная возможная форма подъема производительных сил страны...», а значит, говорил он, «...капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса» (Струве, 2015. С. 287). Другой выдающийся русский экономист М.И. Туган-Барановский (1865–1919) полагал, что Россия после отмены крепостного права будет развиваться исключительно по капиталистическому пути развития (Туган-Барановский, 1898).

Массовая увлеченность российской интеллигенции народничеством является характерной чертой русского общества конца XIX в. Американский историк Р. Пайпс связывал эту особенность русского общества с его слабой структурированностью. При отсутствии обширного среднего класса мелких собственников, являющегося обычно электоратом и основой для формирования различных политических партий, в России передовые слои интеллигенции вынуждены были искать опору в крестьянстве, которое являлось самым многочисленным классом русского общества (Пайпс, 1993. С. 83). Этим, по его словам, объясняется то повышенное внимание, которое уделялось в России проблемам села. Свою роль для русской интеллигенции сыграло возникновение в тот период марксистских идей о преобразовании капиталистического общества, которые не могли быть реализованы в стране в силу того, что она еще не только не прошла этап капиталистического развития, но даже толком в него не вступила.

Русский публицист Л.М. Клейнборт относительно этой российской особенности отмечал, что «...русский интеллигент демократического склада мог усвоить себе идеи Маркса в то время не иначе чем в народнической окраске». В результате получалось, все, что «...Маркс и Энгельс говорили о пролетариате, переносилось – в своеобразном преломлении – на русскую действительность, т.е. на русское крестьянство» (Клейнборт, 1923. С. 39–40).

В работе Воронцова также проявилось стремление увязать экономическое развитие России со свойственной русскому крестьянству общинностью и артельной кустарной промышленностью, в которой и проявлялась особенность страны. Именно в этом *народном производстве* и состояла главная идея «неподражательного» пути развития России.

Одним из наиболее последовательных оппонентов В.П. Воронцова был русский экономист Николай Иванович Зибер (1844–1888), имя которого в настоящее время в России не часто можно встретить в научных публикациях, посвященных русской экономической мысли. За последнее время удалось найти только две работы, в какой-то степени посвященные его творчеству: это глава о Н.И. Зибере в книге Й. Цвайнерта (2008) и статья Р.Я. Подоля, в которой есть небольшой раздел, посвященный Зиберу (Подоля, 2010). Намного более плодотворно работали с наследием Н.И. Зибера зарубежные авторы (White, 2001; Scazzieri, 1987; Kappeler, 1989; Guelfat, 1970).

В советский период Зиберу как первому российскому марксисту в истории экономической мысли уделялось значительно больше внимания, правда, исследователей больше волновал вопрос о том, можно ли отнести его к первым легальным марксистам или нет, был ли он сторонником революционного преобразования или тяготел к эволюционному пути развития (Запольская, 1955; Цаголов, 1953). В итоге сформировалось общепринятое мнение, что Зибер был ученым, глубоко разбиравшимся в марксистской теории, но сам не был замечен среди участников революционного дви-

жения. В этой связи, советский экономист Д.Б. Наумов с сожалением констатировал, что Николай Иванович не относился к убежденным сторонникам революционного преобразования российского общества. «Для Зиберы, не понимавшего классового революционного содержания учения Маркса–Энгельса, марксизм не был руководством к действию, а оставался всегда абстрактной научной теорией...» (Наумов, 1930. С. 16).

Думается, что взгляды Н.И. Зиберы на экономическую теорию, на экономическое развитие нашей страны представляют немалый интерес и сегодня, особенно учитывая рост интереса к идеям марксизма в современном обществе.

Российский период жизни этого ученого связан с Киевским университетом, выпускником которого он являлся. В 1871 г. Зибер защитил магистерскую диссертацию на тему «Теория ценности и капитала Д. Рикардо, с некоторыми из позднейших дополнений и рассуждений». Под позднейшим дополнением понималась марксистская теория, которую Зибер глубоко изучал и хорошо понимал все ее сильные и слабые стороны, правда, в первую очередь в контексте теории ценности. В этой и последующих работах Николая Ивановича проявился его неподдельный интерес к изучению марксизма, который он пронес через всю свою творческую жизнь. Он может быть признан не только родоначальником русских сторонников научного творчества Карла Маркса, но и наиболее глубоким последователем его учения в России тех лет. Этим он, кстати, резко отличался от других представителей киевской школы экономистов, характерной чертой которых было отрицание трудовой теории стоимости, неприятие социалистической доктрины в сочетании с признанием необходимости социальных реформ (Степанов, 1998. С. 51).

Зиберу также принадлежит первый русский перевод сочинений классика английской политической экономии – Д. Рикардо. В результате такого системного изучения классической политической экономии и марксистского учения появился пожалуй наиболее значимый его труд – «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (Зибер, 1959).

Кроме того, он был лично знаком с К. Марксом, с ним он встречался в 1881 г. К. Маркс доброжелательно отзывался о Н.И. Зибере, считая его убежденным сторонником трудовой теории стоимости, в котором «...особенно поражает последовательное проявление раз принятой чисто теоретической точки зрения» (Маркс, 1881. С. 19).

Отличительной чертой научной деятельности Н.И. Зиберы было его активное участие в политической публицистике, он живо откликался на политические и экономические события, происходившие, правда, главным образом в Европе. Это было обусловлено тем, что значительный период своей жизни (1875–1884), он проживал в Швейцарии, будучи, кстати, швейцарским гражданином. Несмотря на увлеченность публицистикой, Зибер активно занимался теоретическими исследованиями в экономической теории, что, как правило, нехарактерно для ученых-теоретиков. Это было продиктовано его активной гражданской позицией и тем вниманием и сочувствием, с какими он относился к событиям, происходившим в России. Несмотря на то, что значительную часть своей жизни Зибер прожил за границей, его очень волновала ситуация нарастания реакционных настроений в российском обществе и сворачивания гражданских свобод, складывающаяся в стране после убийства в 1881 г. императора Александра II.

Однако, несмотря на то, что Николай Иванович постоянно находился в курсе происходивших в России событий, он практически не касался в своих публикациях социально-экономической ситуации в стране. В этой связи Клейнборт констатировал, что Зибер «...весь целиком был в экономическом движении Запада, ни одним откликом не подошел к экономике России, в то время как В.В. [Воронцов В.П.] и Николай-он [Даниельсон Н.Ф.] уже хоронили капитализм в России, а вместе с тем, то понимание экономического развития России, убежденным сторонником которого был Зибер» (Клейнборт, 1923. С. 42).

Николай Иванович вынужден был реагировать и написал рецензию на книгу В.П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». Именно это обстоятельство побудило детально рассмотреть работу Н.И. Зибер «Капитализм в России», так как, по существу, это его единственная большая работа, посвященная российским экономическим проблемам, за исключением небольшой публикации «Фабричный закон в России» (Зибер, 1882b) и еще ряда статей. Следует заметить, в этой работе он выступает с критикой народнических идей, чего обычно старался избегать.

Статьи в газете «Вольное слово», издававшейся в Женеве, практически не вовлечены в научный оборот исследователями авторского наследия Зибер. Советский экономист А.Л. Реуэль отмечал, что из всех статей Зибер в этой газете «наибольший интерес представляет собой большая рецензия на книгу В.В.» (Реуэль, 1956. С. 331). На материале этой обширной статьи можно получить достаточно полное представление о том, насколько хорошо Н.И. Зибер понимал экономическую ситуацию в России и какие пути развития русского капитализма виделись ему в исторической перспективе.

Основные положения работы Воронцова «Судьбы капитализма в России»

Как отмечал Д.Е. Расков, работа В.П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» являлась вызовом обществу и экономистам и оказала несомненное влияние на развитие экономической мысли в России: «В ней четко поставлены проблемы, до предела доведены оценки будущего развития капиталистических отношений в России» (Расков, 1997. С. 114). В свою очередь В.Т. Рязанов считает, что Воронцов в этой книге изложил основы институционального направления в российской экономической науке и, следовательно, может считаться первым русским институционалистом (Рязанов, 2015. С. 167).

В начале своей работы В.П. Воронцов отмечал, что капитализм только начинает развиваться в России: «Трудно даже сказать, чтобы у нас прочно утвердился какой-либо строй, а о выяснении принципов экономической жизни можно разве только мечтать» (Воронцов, 2008. С. 59–60). Василий Павлович пытался в своей работе подобраться к этим принципам, а точнее, сформулировать их для России. Он отмечал, что для стран, отставших в своем развитии от ведущих капиталистических держав, возможны три варианта наверстывания этого отставания. Во-первых, «страны, позднее вступившие на путь промышленного развития, должны вечно оставаться на низкой, например ремесленной, ступени его...». Во-вторых, «...процесс обобществления труда может совершиться у них иным, некапиталистическим путем». В-третьих, обобществление труда совершится лишь после того, как в странах, ушедших вперед, капиталистическое производство закончит весь цикл своего развития и превратится в народное; в таких странах производство перестанет стремиться к возможному расширению...» (Воронцов, 2008. С. 65). Сам Воронцов склонялся к мысли, что в России события должны развиваться по второму варианту, т.е. страна обязана была развиваться по некапиталистическому пути. Это убеждение было обусловлено тем, что, на его взгляд, в российской экономике отсутствовали условия для развития капитализма, например по английскому варианту. Главным образом, эта убежденность строилась на том, что в России, по мнению Воронцова, отсутствовали важнейшие предпосылки для развития капитализма по классическому сценарию, а именно – не оформился процесс накопления капитала.

Кроме того, согласно необходимым условиям становления капитализма, в процессе накопления капитала в России должен был бы «совершиться процесс разобщения мелких производителей со средствами производства, которые сосредоточивались бы в руках сравнительно незначительной кучки людей: это – так называемое первоначальное накопление» (Воронцов, 2008. С. 115). Если не произошло первоначального накопления капитала, то, следовательно, не возникла масса обездоленных, лишенных средств производства, но лично свободных работников, которые должны были бы наниматься к капиталистам для своего пропитания.

По этой причине в России, по мысли Воронцова, невозможен вариант «стандартной» капиталистической индустриализации. Он также считал, что промышленность в России будет развиваться «не столько экстенсивно, сколько интенсивно», а значит, не будет наблюдаться абсолютный количественный рост рабочего класса за счет разорившегося и лишенного собственности крестьянства. Поэтому для развития капиталистической промышленности «...нет надобности в дальнейшем обезземеливании русского народа, а следовательно, и в уничтожении общины...» (Воронцов, 2008. С. 79). Собственно в этом состоит основная идея и Воронцова и славянофилов – развитие капитализма возможно, но без разрушения крестьянской общины.

В свою очередь, промышленное производство должно было развиваться в форме кустарных артелей, которые занимались «народными промыслами», т.е. производили бы, например, жостовские подносы, гжельский фарфор и прочие подобные товары. При этом Воронцов упустил из вида то, что Россия как большая страна, обладающая огромным производственным потенциалом, объективно нуждается в крупномасштабном производстве. Воронцов, исходя из такого понимания развития промышленности, считал, что России будут недоступны и внешние рынки. Ведь непереносимым условием становления национального капитализма является его внешнеэкономическая экспансия, которая объективно требует крупной промышленности. «Развитие у нас крупной промышленности совершается при сильном ограничении внешнего сбыта...» (Воронцов, 2008. С. 79).

Все-таки главным для Воронцова было сохранение крестьянской общины, из которой «естественным» образом выделяется артельное производство, не предполагающее ни накопления капитала, ни конкуренции: «...таков, утверждал Воронцов, наш замороженный капитализм!» (Воронцов, 2008. С. 128).

Воронцова возмущали факты проявления первичных капиталистических отношений не только в промышленном производстве, но и в российской деревне. Он говорил, что часто «...земля попадает в руки съемщиков-спекулянтов, принцип которых – как можно меньше затратить, как можно больше получить». Далее он восклицал: «Какое может быть развитие производительности труда, которое всецело основано на капитальных затратах?» (Воронцов, 2008. С. 173).

Говоря о развитии капиталистических отношений в русской деревне, Воронцов пытался доказать, что для их развития нет соответствующих условий. Главное препятствие заключалось в том, что крестьяне были привязаны к своим небольшим земельным наделам, полученным в результате крестьянской реформы, на которых невозможно было вести товарное сельское хозяйство, выкупными платежами. Получался «порочный» замкнутый круг: на земле работать невозможно в силу технологических и институциональных ограничений, но и бросить земельный надел нельзя – «община не пускает», а вернее, стоящее за ней государство. Известный американский экономист российского происхождения А. Гершенкрон писал по этому поводу: «Если русский крестьянин хотел покинуть общину, то для того чтобы получить на это разрешение, ему приходилось не только отказаться от прав на землю, но, помимо этого, выплатить весьма значительную сумму денег, как того требовало законодательство» (Гершенкрон, 2015. С. 149).

В результате крестьяне вынуждены были наниматься к помещикам за мизерную плату, а чаще просто за часть собранного урожая, дабы прокормить свои семьи. В России в те годы были развиты вненадельные аренды, т.е. крестьяне арендовали, обычно у помещиков, земельные наделы для того, чтобы заплатить выкупные платежи и налоги (Дубянский, 2011). Однако примитивные орудия труда и архаические способы обработки земли не позволяли им получать высокие урожаи. Кроме того, помещики заставляли их обрабатывать свои земли в первую очередь, а в результате на обработку собственных наделов у крестьян не оставалось ни времени, ни сил. Получалось, что благодаря чрезвычайной дешевизне крестьянского труда, в сельском хозяйстве отсут-

ствовали стимулы для применения современных технологий и средств производства, как в помещичьих, так и крестьянских хозяйствах.

Воронцов видел в таком положении крестьянства позитивный аспект. «Наш крестьянин, несмотря на свою абсолютную бедность, богат тем, что имеет возможность кое-как перебиваться со своей сохой и лошадью...» (Воронцов, 2008. С. 203). Однако такая «свобода выбора» для крестьянства не способствовала росту их благосостояния, наоборот, вела их к обнищанию. Здесь уместным будет привести ответ Зиберу Б.Н. Чичерину по поводу его трактовки понятия экономической свободы. Зибер с негодованием отмечал, что «...говорить об экономической свободе голодных людей есть самая горькая, злая и софистическая насмешка, на которую только способен враг рода человеческого» (Зибер, 1900. С. 639).

Струве П.Б. отмечал, что теория Воронцова стоит на трех китах. Во-первых – это «самобытный аграрный строй (община и прочее)», во-вторых «наша мелкая кустарная или так называемая «народная промышленность», в-третьих, «необходимость для широкого развития русского капитализма внешних рынков, которых ему, однако, по историческим условиям, никогда не удастся завоевать» (Струве, 2015. С. 250).

Зибер о книге «Судьбы капитализма в России»

Как известно, Зибер напрямую не критиковал народничество и не вступал с народниками в дискуссии. Известный русский литературовед и лингвист Д.Н. Овсянико-Куликовский, хорошо знавший Зиберу, отмечал, что тот «...сознательно и систематически воздерживался от полемики с народниками по чувству деликатности, по правилу «лежащего не бьют» (Овсянико-Куликовский, 1923. С. 147). Однако, после выхода работы В.П. Воронцова, Николай Иванович не мог не ответить и высказал свои возражения о книге в статье «Капитализм в России».

Зибер был в целом противником народничества, считая, вслед за К. Марксом, что все страны в своей эволюции подчиняются общим законам развития. Однако в данной работе он предметно возражал Воронцову по отдельным, поднятым в его книге вопросам. Так, Зибер не считал, что развитие мелкого кустарного производства в России является ее особенностью, с помощью которой она способна встать на некапиталистический путь развития. Он отмечал, что не стоит особенно вдохновляться развитием артели в России как антикапиталистической формой организации производства. Николай Иванович писал, что кустарные промыслы «...в громадном большинстве случаев капитализированы уже в том смысле, что производимые ими продукты сбываются ими монополистам-купцам, не говоря уже о том, что во многих случаях, оставаясь дома, они работают по материалу предпринимателя и, в сущности, являются не самостоятельными ремесленниками, а батраками капитала» (Зибер, 2012b. С. 198). Действительно, трудно спорить с такими возражениями, так как русская артель, в частности, и мелкий бизнес, в общем, никогда не играли, да и не будут играть определяющей роли в экономическом развитии. Это подтверждает экономическая история всех стран и России в том числе. Малое предпринимательство всегда находится в подчиненном положении у крупного бизнеса. Крупные фирмы используют против малого бизнеса свое монопсоническое (одного покупателя) преимущество, т.е. вынуждают мелких предпринимателей продавать свои товары по заниженным ценам. Именно на это и обращал внимание Зибер, возражая Воронцову.

Обращаясь к вопросам развития капитализма в русской деревне, Зибер отмечал: «Всем известно, далее, что наш крестьянин продает свой хлеб ниже его стоимости, и это не может не отражаться на цене помещичьего» (Зибер, 2012b. С. 200). Причина такого положения дел была обусловлена комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных проблем. Русский экономист В.Ф. Левитский говорил, что из-за отсталой крестьянской техники на селе ощущалась нехватка земли, так как экстенсивные формы хозяйствования обуславливали необходимость наделения крестьян большими

земельными участками ввиду низкой урожайности сельскохозяйственных культур. Именно с этим было связано и абсолютное крестьянское малоземелье. В то же время, замечает Левитский, «малоземелье это преграда для перехода к усовершенствованному хозяйству, так как оно не дает крестьянам возможности содержать рабочий скот, необходимый для более тщательной обработки полей и вывоза на них удобрений» (*Левитский, 1907. С. 231*). Короче говоря, причина на самом деле является следствием, и в то же время следствие причиной. Из такой постановки вопроса неясно, что необходимо предпринять крестьянам, чтобы разорвать этот круг. Впрочем, выход в данном случае подразумевался один: необходимо вмешательство извне, в первую очередь со стороны государства, которое должно было обеспечить увеличение крестьянских наделов.

Как уже отмечалось, Зибер очень мало своих статей посвятил российской экономической проблематике, но стоит выделить еще одну вышедшую в 1879 г. статью, где он затрагивает проблемы русской крестьянской общины. В статье Зибер излагает свои мысли относительно общинного землевладения в России, которые явно противоречат народническому пониманию общины. Как практически все публикации автора, она представляла собой развернутую рецензию на заинтересовавшую его книгу. В данном случае речь шла о недавно опубликованной книге П.А. Соколовского (*Соколовский, 1878*), в которой описывался экономический быт крестьян в России и проблемы крестьянской общины в период освоения юго-востока страны. В целом, несмотря на отдельные содержательные замечания, Зиберу понравился труд Соколовского, и он был согласен с его мыслями по поводу генезиса русской общины.

Для нас представляют интерес высказывания Н.И. Зиберы относительно того, каким образом будет происходить разрушение общины. Надо отметить, что он стоял в этом вопросе, если можно так выразиться, на марксистской платформе. Зибер утверждал, что возникновение частной собственности в условиях общинных отношений происходит в результате развития товарно-денежных отношений. «Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т.е. чем меньше их производится для собственного потребления и чем больше для целей обмена, тем больше обмен вытесняет первоначальное, естественное разделение труда также и внутри общины, тем быстрее идет старое общинное землевладение навстречу своему разрешению в деревню крестьян-собственников» (*Зибер, 2012а. С. 213*).

По мнению Зиберы, разрушение общины происходит постепенно, по мере того как создаются необходимые условия для этого процесса, а именно: развивается разделение труда и учреждение семьи. Однако до тех пор, «...пока земли имеется повсюду вволю, пока промышленность не сконцентрирована в городах, пока главной причиной малоземелья является искусственное образование поместий, до тех пор не может быть и речи о прочном разложении общины» (*Зибер, 2012а. С. 219*). Далее следует утверждение Зиберы в стиле исторического детерминизма, согласно которому разложение общины носит объективный, исторически predetermined характер. «Возникновение мелкой крестьянской собственности на известной ступени экономического развития общества и при известных положительных и отрицательных условиях может считаться историческим законом» (*Зибер, 2012а. С. 219*).

По поводу общинных отношений в различных странах, Зибер опубликовал еще целый ряд статей, которые могут быть релевантными и по отношению к русской общине. В контексте разложения общины представляет интерес его малоизвестная работа (*Зибер, 1882а*), в которой он рассматривает проблемы швейцарской общины-альменды. Размышления Зиберы о судьбе швейцарской общины в условиях становления капиталистических отношений представляют интерес и для анализа коллективных форм собственности в других странах, в том числе и в русской крестьянской общине. Вначале им вводится понятийный аппарат, используемый в работе. На его взгляд, употреблять термин «альменда» нужно «...в том смысле, в котором под альмендой следует разуметь недвижимое имущество, состоящее в собственности общин и публичных корпо-

раций, причем все равно, как именно пользуются им члены этих последних – порознь или сообща» (Зибер, 1882а. С. 42). Другими словами, Зибер не выделял именно крестьянскую общину как особую форму землевладения, у него она представляла собой разновидность коллективной собственности. Говоря об общинной собственности в целом, Зибер подразумевал под ней «нераздельный остаток земли, имущества, ведущий свое начало от древнего устройства деревни, марки и двора» (Зибер, 1882а. С. 41). Он отмечал, что подобные коллективные формы собственности достаточно широко распространены в разных странах, как реликты прежних эпох, однако со временем, из-за роста населения и накопления капитала они деградируют, благодаря «расширению отдельного насчет общего».

Далее Зибер делал вывод о том, что «...отдельное пользование или заключало в себе отдельную собственность, или постепенно вело к последней» (Зибер, 1882а. С. 49). Таким образом, он показал, что община является исторически преходящей формой землевладения, т.е. переход от общественной к частной форме собственности является объективно неизбежным этапом эволюции отношений собственности. «Подобно природе, история не делает прыжков, если только не стесняется ее движение» (Зибер, 1881. С. 602).

Заключение

Книга В.П. Воронцова «Судьбы капитализма в России» является, бесспорно, выдающимся произведением в русской социально-экономической литературе восьмидесятых годов XIX в. Она положила начало обширной дискуссии о возможных путях развития России в условиях становления капиталистического строя. Однако критика нарождающегося капитализма в ней была построена больше на апелляции к этике, на стремлении к сохранению обычаев и российской самобытности. Капитализм, как возможный путь развития, отвергался в силу того, что он вел, по мнению народников, к усилению власти капитала, к возрастанию эксплуатации и прочим бедствиям. Очевидно, что такая позиция являлась заведомо обреченной на поражение в споре со сторонниками марксистской теории развития, утверждавшей объективную неизбежность возникновения и развития капитализма. В этой связи Н.К. Михайловский с грустью отмечал, что «...столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью должно разрешиться в пользу необходимости» (Михайловский, 1897. С. 172).

Зибер в отличие от Воронцова стоял на марксистских позициях исторического материализма, объясняющего неизбежность появления капитализма. Как выше было сказано, Николай Иванович полностью отвергал идею народничества, считая, что крестьянская община, артель и прочие подобные им институты были лишь пережитком прошлого, а не источником особого исторического пути развития России. Можно сказать, что Зибер был последовательным западником. Развитие России как в экономическом, так и в политическом плане он связывал с развитием капитализма по европейскому образцу. В связи с этим он отмечал, что «...капиталистическое движение не есть частное и второстепенное явление, ...а напротив, универсальное, встречающееся во всяком обществе на известной ступени его развития» (Зибер, 2012b. С. 205).

Именно в этом заключалась квинтэссенция его взглядов на теорию развития. Эта точка зрения об универсальности и объективности законов развития вполне актуальна и спустя 130 лет. В настоящее время перед нашей страной стоят отчасти те же проблемы выбора будущего пути развития. Россия вновь ступила на стезю развития капитализма, правда, теперь это движение является не прогрессивным согласно логике марксистской теории развития, а скорее регрессивным. Получается своего рода движение вспять, хотя в социально-экономическом аспекте прогресс представляет собой не всегда прямолинейное движение. Даже в этом случае можно обнаружить историческую правоту идей Зиберы, говорившего о том, что «история не делает прыжков», а значит, если все-таки прыжок состоялся, то нужно вернуться для окончательного прохождения непройденного этапа развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Благих И.А., Дубянский А.Н. (2014). История экономических учений: Учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт.
- Воронцов В.П. (2008). Судьбы капитализма в России / В кн.: *Воронцов В.П. Экономика и капитализм*. М.: Астрель, с. 51–336.
- Гершенкрон А. (2015) Экономическая отсталость в исторической перспективе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Дубянский А.Н. (2011) Русские экономисты конца XIX – начала XX в. о влиянии Крестьянской реформы 1861 г. на развитие сельского хозяйства России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 5. Экономика, № 2, с. 18–27.
- Запольская В.В. (1955). Экономические взгляды Н.И. Зибера и его место в истории русской экономической мысли / *Автореф. дис. ... канд. экон. наук*: 08.00.01. М.
- Зибер Н.И. (1881). История швейцарской альменды // *Вестник Европы*, № 9, с. 602.
- Зибер Н.И. (1882а) Судьбы общинного владения в Швейцарии // *Вестник Европы*, № 7, с. 41–73.
- Зибер Н.И. (1882b) Фабричный закон в России // *Вольное слово*, № 42.
- Зибер Н.И. (1900). Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина / В кн.: *Собрание сочинений*, т. 2. СПб.: Издатель.
- Зибер Н.И. (1959) Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях / В кн.: *Зибер Н.И. Изб. экон. произв.*, в 2-х т. М., с. 31–551.
- Зибер Н.И. (2012а). К истории русской общины / В кн.: *Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля; Капитализм в России*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», с. 209–223.
- Зибер Н.И. (2012b). Капитализм в России / В кн.: *Возражение на экономическое учение Джона Стюарта Милля; Капитализм в России*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Клейнборт Л.М. (1923) Николай Иванович Зибер. Петроград: Колос.
- Кравченко А.И. (2008) Трагический путь русского капитализма / В кн.: *Воронцов В.П. Экономика и капитализм*. М.: Астрель, с. 3–50.
- Левитский В.Ф. (1907) К решению аграрного вопроса / В кн.: *Аграрный вопрос*: сб. ст. М.: Беседа, с. 237–258.
- Маркс К. (1955). Капитал / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23. М.: Политиздат.
- Михайловский Н.К. (1897). Собрание сочинений, т. 4. СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа.
- Наумов Д.Б. (1930). Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Харьков. Изд-во «Пролетарий».
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. (1923). Воспоминания. Петроград.
- Пайпс Р. (1993). Русская революция // *США: экономика, политика, идеология*, № 6.
- Подоль Р.Я. (2010). Историко-экономические взгляды русских марксистов конца XIX – начала XX веков // *Вестник Московского областного государственного университета*, № 1, с. 72–81.
- Расков Д.Е. (1997). В.П. Воронцов об экономическом развитии России // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 5. Экономика, № 3, с. 108–115.
- Реуэль А.Л. (1956). Русская экономическая мысль 69–70-х годов XIX века и марксизм. М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры.
- Рязанов В.Т. (2015) Хозяйственная модель русских народников и российский путь в экономике // *Христианское чтение*, № 1, с. 162–180.
- Соколовский П.А. (1878). Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб.: Тип. Ф.С. Сушского.
- Степанов В.Л. (1998) Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Струве П.Б. (2015). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. М.: ЛЕНАНД.

Туган-Барановский М.М. (1907). Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб.: Издание книжного магазина «Наша жизнь».

Цаголов Н.А. (1953). К характеристике экономических взглядов Н.И. Зибера // *Вопросы экономики*, № 9, с. 78–91.

Цвайнерт Й. (2008). История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Guelfat I. (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N.I. Ziber // *L'homme et la société*, no. 17, pp. 141–148.

Kappeler A. (1989). Н.И. Зибер – Микола Зібер – Niclaus Sieber Primi sobran'e pëstrych: Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag / hrsg. von Carsten Goehrke. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, pp. 671–683.

Scazzieri R. (1987). Ziber on Ricardo // *Contributions to Political Economy*, no. 6, pp. 25–44.

White J. (2001). Nikolai Sieber and Karl Marx / In: *Marx's Capital and Capitalism: Markets in a Socialist Alternative, Research in Political Economy*, vol. 19, pp. 3–16.

REFERENCES

Blagikh I. and Dubyanskiy A. (2014). History of economic doctrines: the textbook for academic bachelor degree. Moscow: Urait Publ. (In Russian.)

Dubyanskiy A. (2011). Russian economists of the late XIX – early XX century on the influence of the peasant reform of 1861 on the development of agriculture of Russia. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 5. Economy*, no. 2, pp. 18–27. (In Russian.)

Gerschenkron A. (2015). Economic backwardness in historical perspective. Moscow: Publishing house «Delo». (In Russian.)

Kleinbort L.M. (1923). Nikolai Ivanovich Sieber. Petrograd: Kolos Publ. (In Russian.)

Kravchenko A.I. (2008). The Tragic path of Russian capitalism / In: *Vorontsov V.P. Economics and capitalism*. Moscow: Astrel Publ., pp. 3–50. (In Russian.)

Levitsky V.F. (1907). On the solution of the agrarian question. *Agrarian question*, vol. 2. Moscow: Beseda Publ., pp. 237–258. (In Russian.)

Marx K. (1955). Capital / In: *Marx K. and Engels F. Works*, vol. 23. Moscow: Politizdat. (In Russian.)

Mikhailovsky N. (1897). Works, vol. 4. SPb.: Typo-Lithography by B.M. Wolf. (In Russian.)

Naumov D.B. (1930). Nikolai Ivanovich Sieber. From the history of Marxist economic thought in Ukraine and in Russia. Kharkov: Proletariat Publ. (In Russian.)

Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N. (1923). Memories. Petrograd. (In Russian.)

Pipes R. (1993). The Russian revolution. *USA: economy, politics, ideology*, no. 6. (In Russian.)

Podol R.J. (2010). Historical-economic views of Russian Marxists of the late XIX – early XX centuries. *Bulletin of Moscow regional state University*, no. 1, pp. 72–81. (In Russian.)

Raskov D.E. (1997). V.P. Vorontsov about the economic development of Russia. *Bulletin of Saint Petersburg University. Series 5. Economy*, no. 3, pp. 108–115. (In Russian.)

Reuel A.L. (1956). Russian economic thought in 69–70-ies of the XIX century and Marxism. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literatury. (In Russian.)

Ryazanov V.T. (2015). The Economic model of the Russian populists and the Russian path in the economy. *Christian reading*, no. 1, pp. 162–180. (In Russian.)

Sieber N. (1881). History of the Swiss almende. *Vestnik Evropy*, no. 9, pp. 601–632. (In Russian.)

Sieber N. (1882a). The fate of communal ownership in Switzerland. *Vestnik Evropy*, no. 7, pp. 41–73. (In Russian.)

- Sieber N.* (1882b). The factory law in Russia. *Volnoe slovo*, no. 42. (In Russian.)
- Sieber N.* (1900). German economists through his glasses G.B. Chicherin / In: Works, vol. 2, SPb.: Izdatel Publ., pp. 610–717. (In Russian.)
- Sieber N.* (1959). David Ricardo and Karl Marx in their socio-economic studies / In: *Sieber N. Selected economic papers*, in 2 vols. Moscow, pp. 31–551. (In Russian.)
- Sieber N.* (2012a). The history of the Russian community / In: Economic objection to the doctrine of John Stuart Mill; Capitalism in Russia. Moscow: Book house «LIBROKOM», pp. 209–223. (In Russian.)
- Sieber N.* (2012b). Capitalism in Russia / In: Economic Objection to the doctrine of John Stuart mill; Capitalism in Russia. M.: Book house «LIBROKOM», pp. 193–205. (In Russian.)
- Sokolovskiy A.P.* (1878). The economic life of the agricultural population of Russia and the colonization of the South-Eastern steppes in front of serfdom. SPb.: Typography of F.S. Sushchinskii. (In Russian.)
- Stepanov V.L.* (1998). N. Bunge: the fate of the reformer. Moscow: «Russian political encyclopedia» Publ. (ROSSPEN). (In Russian.)
- Struve P.B.* (2015). Critical notes on the economic development of Russia. Moscow: LENAND Publ. (In Russian.)
- Tsagolov N.* (1953). Characteristics of the economic views of N. Sieber. *Voprosy Ekonomiki*, no. 9, pp. 78–91. (In Russian.)
- Tugan-Baranovsky M.* (1907). Russian factory in past and present: vol. 1, Historical development of Russian factory in the XIX century. SPb.: Publishing of the bookshop «Nasha zhizn». (In Russian.)
- Vorontsov V.P.* (2008). The Fate of capitalism in Russia / In: *Vorontsov V.P. Economy and capitalism*. Moscow: Astrel Publ., pp. 51–336. (In Russian.)
- Zapolska V.* (1955). Economic views of N. Sieber and his place in the history of Russian economic thought / Abstract of the dissertation Cand. In Economics: 08.00.01. Moscow. (In Russian.)
- Zweynert J.* (2008). History of economic thought in Russia. 1805–1905. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian.)
- Guelfat I.* (1970). Aux sources de la marxologie authentique: N.I. Ziber. *L'homme et la société*, no. 17, pp. 141–148.
- Kappeler A.* (1989). N.I. Ziber – Микола Зібер – Niclaus Sieber Primi sobran'e pëstrych: Slavistishe und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag / hrsg. von Carsten Goehrke. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, pp. 671–683.
- Scazzieri R.* (1987). Ziber on Ricardo. *Contributions to Political Economy*, no. 6, pp. 25–44.
- White J.* (2001). Nikolai Sieber and Karl Marx / In: Marx's Capital and Capitalism: Markets in a Socialist Alternative, Research in Political Economy, vol. 19, pp. 3–16.

DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-4-119-141

АДАПТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ИНСТИТУТЫ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА¹

Вячеслав Витальевич ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

Елена Владимировна ФУРСА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: efoursa@mail.ru;

Анна Александровна ОГАНЕСЯН,

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: aaoganesyan@sfedu.ru;

Дарья Дмитриевна КРИВОШЕЕВА-МЕДЯНЦЕВА,

аспирант,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

TERRA ECONOMICUS ✧ 2016 Том 14 № 4

Институциональные изменения в сфере высшего образования происходят очень быстрыми темпами. Реформирование осуществляется в чрезвычайно сжатые сроки. Так как университеты становятся крупнее и дороже обходятся государству, административное давление нарастает, увеличивается и количество контрольных процедур и регулирующих механизмов. В то же время, атмосфера в высших учебных заведениях становится более напряженной, увеличивается неопределенность. По этой причине преподавателям и студентам, вовлеченным в образовательный процесс, приходится приспосабливаться к постоянно изменяющимся и усложняющимся правилам. Институциональная экономическая теория и методы качественного анализа послужили в качестве концептуальной основы исследования для выявления и объяснения механизмов адаптации в сфере высшего образования. В статье мы попытались идентифицировать модели адаптивного поведения акторов, вовлеченных в образовательный процесс, проанализировав глубинные интервью, проведенные в университетах Ростовской области. Результаты качественного анализа 50 интервью свидетельствуют

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ: Грант № 15-32-01019 «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)».

о том, что реформы, осуществляющиеся в российском высшем образовании, зачастую воспринимаются как непродуманные и не комплементарные существующим правилам и ценностям, поскольку порядок проведения преобразований и ожидаемые результаты не обсуждаются с научным сообществом. Преподаватели стремятся минимизировать последствия новых порядков через послушание, слепо выполняя распоряжения руководства, и оппортунистическое поведение. Большая часть студентов тем временем склонна принимать изменения. В качестве необходимого условия развития сферы высшего образования предлагается обязательная организация публичных дискуссий с вовлечением в процессы реформирования самих представителей сообществ, образующих систему образования.

Ключевые слова: адаптивное поведение; институциональные изменения; высшее образование; государственные реформы; Россия; качественное исследование

ADAPTIVE BEHAVIOR AND INSTITUTIONS: EXAMINING THE ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Vyacheslav. V. VOLCHIK,

Doct. Econ. (DSc), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

Elena V. FURSA,

Cand. Econ., Assistant Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: efoursa@mail.ru;

Anna A. OGANESYAN,

Cand. Econ., Senior Researcher,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: aaoganesyan@sfedu.ru;

Daria D. KRIVOSHEEVA-MEDYANTSEVA,

Graduate Student,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

The process of institutional change is going very rapidly in the field of higher education. Government reforms have been implemented within a short period of time. Universities tend to be bigger and more expensive, that is why external governmental pressure, as well as the number of regulatory mechanisms, increases. The atmosphere in higher education organizations has become more strained. Therefore, actors who are involved in the educational process, mainly lecturers and students, have to adapt their behaviors to complicated and

constantly changing rules. The paper aims to identify adaptive behavioral patterns of actors involved in the higher educational process. Institutional economics and qualitative research methodology are addressed as the conceptual framework which is intended to contribute to the understanding of the adaptation mechanisms in the field of higher education. We have conducted and analyzed fifty in-depth interviews with the key actors within the universities of Rostov Region (Southern Federal District, Russia). Unfortunately, the implemented reforms are usually perceived as badly prepared, poorly negotiated and incompatible with present working rules and prescribed values. It has been found out that lecturers try to mitigate the effects of the new orders through obedience and opportunistic behavior. Meanwhile, the majority of students tend to adopt the changes. Active engagement of the representatives of communities from higher education through public discussions is suggested as necessary to the reform success.

Keywords: *adaptive behavior; institutional change; higher education; government reforms; Russia; qualitative research*

Acknowledgements: *This publication was prepared in the framework of the project funded by the Russian Humanitarian Science Foundation (project № 15-32-01019 «Institutional changes of structure of the Russian education and adaptive economic behavior (on the example of the Rostov region)»).*

JEL classifications: *B52, I23*

Постановка проблемы

Реформирование высшего образования – тема не новая для научного дискурса: множество стран проходило этот болезненный путь, целесообразность которого, как правило, обосновывалась декларируемой необходимостью оптимизации бюджетных расходов на образование в русле нелиберальной социально-экономической политики (см., например: *Varghese, 2013*).

Сегодня, в условиях дефицита бюджетов всех уровней, а также на фоне экономического кризиса, последствия государственной политики «оптимизации» высшего образования в России – одна из крайне важных исследовательских тем. Эта политика реализовывалась на протяжении последних лет по схеме снижения расходов бюджета на финансирование отечественных вузов путем сокращения их количества. В результате с начала 2011/2012 учебного года число государственных и частных вузов сократилось почти на 20% – с 1080 до 896 на начало 2015/2016 учебного года. Согласно официальным заявлениям бывшего министра образования и науки РФ, в период до 2020 г. количество высших учебных заведений планировалось сократить на 40%, а число их филиалов – на 80%. При этом численность учащихся в государственных вузах снизилась более чем на четверть, еще больше сократилось количество учащихся частных вузов – на 31% (*Дорохина и Левинский, 2016*).

Декларируемая необходимость «оптимизации» бюджетных расходов на сферу высшего образования вполне логично сопровождалась законодательными изменениями, в соответствии с которыми образовательный процесс рассматривается как образовательная услуга, а преподаватель – как продавец этой услуги. При этом воспитательная функция образования постепенно выхолащивается, образование все больше превращается в процесс передачи информации, а вопрос социальной полезности реформ не затрагивается теми, кто их разрабатывает и претворяет в жизнь. Сама эта «социальная полезность» воспринимается ими как некая абстракция. Надежда, что рынок автоматически выправит ситуацию? А «неприспособившиеся»? Видимо, будут из этой сферы

заслуженно вытеснены. Что ж, ведь мы уже проходили этот путь в 1990-е. Однако тогда это обернулось социальной катастрофой.

В современной литературе, посвященной развитию российской системы высшего образования (*Балацкий, 2014а*), критикуется нацеленность реформаторов на достижение определенных количественных показателей в сфере образования в ущерб их качественному содержанию, количественную оптимизацию, выхолащивание воспитательной функции образования, отмечается сомнительность возможности неограниченного использования рыночных методов для повышения эффективности производства образования (*Тамбовцев, 2015а; 2015б*). Важный контекст происходящих процессов – возрастающая прекариатизация академических профессий (*Вольчик и Посухова, 2016*; см. также *Стэндинг, 2014*), критика возрастания степени формализации деятельности ученых и преподавателей (*Курбатова и др., 2014*). Примечательно, что в данном отношении зарубежные авторы выражают схожую моральную позицию (см., например: *Kruecken, 2003; Bollag, 1990; Hochstettler, 2004*).

Важным подтверждением значимости проводимого исследования стала одна из характерных проблем, сопровождающих процесс реформирования высшей школы, – выявленная очевидность и справедливость так называемого закона (принципа) Гудхарта: «Когда социальный или экономический показатель (KPI) становится целью для проведения социальной или экономической политики, он перестает быть достойным доверия показателем»². Эмпирически демонстрируется это тем, что стремление реформаторов посредством проводимой политики достичь тех или иных показателей превратилось фактически в самоцель при игнорировании воспитательной функции процесса высшего образования и реализуется в отсутствие внимания к принципам организации учебного и научно-исследовательского процесса с точки зрения вовлеченных в данные реформы непосредственных исполнителей – профессорско-преподавательского состава (*Курбатова, 2016; Фурса и др., 2016*). Так, вследствие отсутствия фактического вовлечения преподавательского и научно-исследовательского сообщества в процесс реформирования высшей школы не было сформировано коллективного действия со стороны его представителей, что объясняет рождение и развитие российской реформы высшего образования исключительно как проекта российской бюрократии (см. подр. *Курбатова, 2016*).

Примечательно, что еще в первой половине XX в. первые институционалисты реализовывали исследования в рамках парадигмы качественных исследований, по сути междисциплинарных, своей исследовательской деятельностью прямо указывая на необходимость формирования государственной политики на основе учета мнений представителей тех сообществ, которые непосредственно затрагиваются соответствующими реформами (см. подр.: *Rutherford, 2011; 2012; Ефимов, 2016*).

Таким образом, небезосновательно полагать, что реализуемый на протяжении последних лет подход к реформированию российской сферы высшего образования представители традиционного институционализма сочли бы неэффективным и пагубным с социально-экономической точки зрения. В отсутствии регулярного институционального мониторинга, который должен предполагать систематическое изучение дискурсов представителей всех затрагиваемых реформами сообществ образовательной сферы, в сферу образования, представляющую собой, в сущности, сферу воспроизводства социальных ценностей, законодательно внедряют рыночные механизмы, уповая на их априори подразумеваемую эффективность. При этом в стороне остается вопрос о том, каковы же должны быть правила функционирования самих этих механизмов?

Разумеется, в условиях игнорирования интересов значительной части профессорско-преподавательского состава о социальной направленности реформ, об их социальной справедливости говорить не приходится. Вероятность вытеснения из сферы

² Закон Гудхарта // Википедия – свободная энциклопедия (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD_%D0%93%D1%83%D0%B4%D1%85%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0).

высшего образования значительной доли квалифицированных специалистов в результате такой реформаторской деятельности высока, а вот вопрос о том, будет ли сохранение прежнего политического курса способствовать притоку на их место новых кадров, молодых, энергичных, инициативных, готовых с энтузиазмом передавать знания и воспитывать подрастающее поколение, приобретает особую остроту (см.: *Фурса и др., 2016*).

Теоретико-методологические координаты

Проводимое исследование претендует на частичное восполнение исследовательского пробела, представляя собой, в сущности, попытку реализации институционального мониторинга – наблюдения порядка проведения и результативности реализуемых в сфере российского образования реформ (на примере вузов Ростовской области). Теоретико-методологическую основу исследования сформировал традиционный институционализм, опирающийся на прагматистские философские предпосылки (см. подр.: *Stanfield, 1999; Gruchy, 1947; Mirowski, 1987; Hodgson, 2000; Parada, 2006; Dewey, 1922*) и обеспечивающий фактически междисциплинарный подход к исследуемой проблеме, охватывающий экономические, правовые и этические аспекты изучаемого социально-экономического поведения. Качественная методология, использованная в исследовании, предполагает, что любой социально-экономический феномен должен изучаться в контексте сопутствующих ему действующих правил (*Commons, 2012*), имеющих смысл в рамках конкретного сообщества. Так, выборку для исследования сформировали 50 представителей трех сообществ сферы высшего образования: руководителей структурных подразделений вузов (включая представителей административного персонала, некоторые из них не осуществляют в настоящее время преподавательскую деятельность), преподавателей и студентов.

Выбор качественной методологии исследования обоснован опорой на традиционный институционализм (см. подр.: *Rutherford, 2011; 2012; Commons, 1998; 2012; Ефимов, 2016*). Практическая значимость этой методологии состоит в том, что вопросы, связанные с разработкой социально-экономической политики, должны неизбежно предполагать выявление соответствующих убеждений основных акторов, непосредственно затрагиваемых происходящими в результате этой политики изменениями. Эти убеждения формируют основу привычек (см., например: *Hodgson, 2000; Dequech, 2013*) и отражают наличие или отсутствие согласия членов тех или иных сообществ по поводу тех или иных мер политики, реализуемой органами власти. Важной частью институционального анализа, таким образом, становится объяснение реальных перспектив проводимой политики, в частности возможности ее принятия или отторжения населением, иными словами, того, не останутся ли транслируемые посредством политики новые правила и порядки лишь формально декларируемым, неинституционализированным правилом (см. подр.: *Ефимов, 2016*), что неизбежно актуализирует вопросы «осторожного институционального дизайна» социально-экономической политики (см., например: *Hodgson, 2013*). Аспекты, охватываемые институциональным анализом, – это вопросы экономики, права и этики (*Commons, 2012; Chavance, 2012*).

Кроме того, природа социально-экономических феноменов требует их изучения как процесса, деятельности: институты и лежащие в их основе правила социальных взаимодействий значимы и реальны так же, как и физические показатели объемов производимой продукции и прибыли предприятия. Понять суть этих правил невозможно, опираясь лишь на количественные методы расчета эмпирических данных и построения зависимостей на их основе: экономический анализ в большей степени должен протекать в форме качественного исследования. В свою очередь, такое исследование неизбежно связано с интерпретацией смыслов и значений, вкладываемых людьми в те или иные события и проясняющих причину их возникновения (см. подр.: *Kvale, 1996; Guba & Lincoln, 1994*). Сам вопрос о рациональности экономического поведения при-

обретает при этом особый ракурс: рациональность больше не может рассматриваться как сводимая к имманентно присущему всем человеческим существам внеисторичному стремлению максимизировать индивидуальную выгоду при заданных ограничениях, а является социально и культурно обусловливаемой (*Mirowski, 1987*).

Важная часть институционального анализа, вместе с тем, – выявление последствий тех или иных правил и того, чьим интересам они служат (*Schmid, 2004*). Пусть и не достаточным, однако необходимым условием и важным критерием оценки социально-экономической успешности институциональных преобразований должны служить снижение конфликтности взаимодействий в рамках сложных социальных систем, не разжигание и провоцирование конфликтов при взаимоадаптации участников, а содействие их урегулированию, достижению согласия между сторонами. В рамках проводимого исследования предполагается акцентирование результатов и последствий проводимых реформ, в первую очередь, с точки зрения интересов профессии университетских преподавателей и интересов обучающихся студентов.

Выбор в качестве метода сбора данных личного глубинного интервью обоснован спецификой темы исследования: вопросы, находящиеся в центре нашего внимания, затрагивали этические проблемы, которые сложно выявлять в форме группового обсуждения, при котором есть риск получения недостоверной информации, представления ее в искаженном виде. Так, метод глубинного интервью, последующий анализ предоставленных участниками исследования дискурсов и нарративов послужили удачным способом выявления смыслов, вкладываемых представителями различных сообществ сферы образования в происходящее, позволили отразить реально действующие правила, а не формально декларируемые, или те, которое законодателям хотелось бы выдавать за реально действующие.

Интервью были проведены в период с августа по ноябрь 2015 г. В выборку вошли бакалавры, магистры, преподаватели и руководители 10 вузов и филиалов Ростовской области: Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону), Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону), Инженерно-технологическая академия ЮФУ (г. Таганрог), Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону), Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал ДГТУ в г. Шахты), Донской государственный аграрный университет (п. Персиановский), филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)» (г. Миллерово), Гуковский институт экономики и права (филиал ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)» в г. Гуково), филиал ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Новошахтинск), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) (г. Новочеркасск).

Принципом формирования выборки стала ориентация на поиск информантов, способных предоставить наиболее полное и разнообразное понимание происходящих событий, с готовностью честно и откровенно «поделиться историей». Это дало возможность сформировать насыщенное описание адаптивных процессов в связи с реформами. Надо отметить, что ни один из участников не отказался от личной встречи для проведения интервью. Впоследствии информантам неоднократно задавались уточняющие вопросы (по телефону или по скайпу). Так, достоверность и надежность полученных данных были обеспечены за счет пролонгированной включенности и повторного обращения к интервьюируемому для уточнения данных.

Разделы вопросов интервью включали:

- 1) вводная часть: общие характеристики интервьюируемого, опыт работы, мотивация для выбора профессии;
- 2) институциональные изменения, их восприятие и адаптация к ним;
- 3) услуги в сфере образования, образование как рыночная услуга/рыночные принципы функционирования сферы образования;
- 4) экономическое поведение, правовые и этические аспекты поведения включая (мини-кейсы).

Как происходит адаптация: интерпретативный анализ

Как бы развивалась российская сфера образования, если построить модель с рационально действующими акторами? Скорее всего, она представляла бы полупустыню с одинокими столичными элитными исследовательскими университетами и заметаемыми песком забвения провинциальными вузами. Почему при предпосылке рационального поведения так бы произошло? И почему в действительности все не так? Мы постараемся ответить на эти вопросы, используя методы интерпретативного институционализма и концепцию адаптивной рациональности.

После краха Советского Союза работа в сфере высшего образования постепенно стала терять свою престижность. Зарботная плата преподавателей на протяжении 25 лет редко достигала величины среднего уровня по тому или иному региону. Конечно, инвестиции преподавателей в свой человеческий капитал обладают свойством специфичности, что может объяснить, например, их попытки сохранить (хотя бы частично) работу в вузах. Но отсутствие внятных финансовых перспектив для профессорско-преподавательского состава на протяжении довольно длительного периода времени заставляет искать альтернативное объяснение стимулам сохранения работы в университетах.

Одним из таких объяснений может быть гипотеза о возросших в девяностых и нулевых годах теневых доходах в сфере высшего образования (Клямкин, Тимофеев, 2000). Не случайно в те годы возникли хорошо структурированные рынки выпускных квалификационных работ студентов, диссертаций и других теневых услуг, позволяющих купить искомые дипломы и научные степени. Возможно, такая адаптация была единственной возможной формой выживания значительной части университетского сообщества.

За последние 10 лет в России произошли значительные трансформации, затрагивающие как качественные, так и количественные показатели системы высшего образования. Эти изменения оказывают существенное влияние на процесс принятия решений акторами рынка образовательных услуг, а также формируют их дальнейшее поведение. Для изучения адаптивного поведения акторов в организации учебного процесса мы исследуем влияние наиболее значимых изменений для преподавателей и студентов, которые обусловили их дальнейшее поведение, а также идентифицируем разновидности этого поведения, основываясь на концепции адаптивной рациональности.

Проведенный в 2015 г. анализ 20 глубинных интервью преподавателей Ростовской области выявил, что наиболее существенное влияние на учебный процесс оказывают бюрократизация учебного процесса и увеличение административной нагрузки (Вольчик и др., 2015). Респонденты отмечают, что это негативно сказывается на учебном процессе: «Куча ненужных отчетов каждый месяц также добавляет нервозности процессу преподавания» (проф., д.ф.-м.н., 61 год); «Отчеты отнимают много времени за счет подготовки к лекциям» (доц., к.э.н., 38 лет).

На втором месте по значимости преподаватели выделяют переход на двухуровневую систему «бакалавриат–магистр». Это изменение оказывает двойственное влияние на образовательный процесс. С одной стороны, уменьшается количество аудиторных часов, увеличивается количество часов для самостоятельной работы студентов, в бакалавриате приходится уменьшать нужный объем курсов для успешного освоения предмета. С другой стороны, в магистратуре студенты могут заниматься научной деятельностью более углубленно, совершенствовать свои профессиональные навыки.

Преподаватели отмечают важность таких процессов, как «сокращение бюджетных мест, рост платности образования». Эти изменения снижают уровень доступности высшего образования. Образование «как социальный лифт перестает работать, так как становится доступно более обеспеченным, особенно в магистратуре» (доц., к.э.н., 35 лет).

Значимое влияние на учебный процесс оказало внедрение проверки работ на «Антиплагиат». Респонденты отмечают положительное влияние этого изменения: «Сту-

денты более ответственно стали подходить к процессу написания квалификационных работ, раньше просто скачивали рефераты, чужие курсовые в Интернете и выдавали за свои» (доц., к.э.н., 39 лет). Однако преподаватели отмечают, что «студенты учатся обходить системы, перефразируют и т.д.» (проф., д.ф-м.н., 61 год).

Неоднозначное влияние на образовательный процесс оказало введение балльно-рейтинговой оценки знаний. По мнению преподавателей: «Введение балльно-рейтинговой системы – это хорошо, но существует очень много недоработок. Студенты перегружены самостоятельными работами. Происходит гонка за баллами, а не за качеством знаний, которое страдает» (доц., к.ист.н., 46 лет), «Дает справедливость, заставляет работать студента весь год» (доц., к.э.н., 31 год).

Анализ наиболее значимых изменений, влияющих на образовательный процесс, побуждает преподавателей подстраиваться под реформируемую систему, однако институты и поведенческие паттерны в университетской (академической) среде инерционны и зависят от предшествующей траектории развития. Поведение преподавателей на постсоветском пространстве сохраняет особенности, доставшиеся в наследство от советской системы высшего образования. В развитых странах, где университеты больше интегрированы в рыночные отношения, дополнительные доходы могут быть получены от предпринимательской деятельности в процессе кооперации с иными исследовательскими и коммерческими организациями (Muscio et al., 2016).

Метафорически можно предположить, что на постсоветском пространстве в академической среде значительно выражена поведенческая предпосылка, внешне проявляемая как послушание³. В советское время послушание воспринималось как естественная поведенческая реакция в условиях, когда достижение плановых показателей создавало соответствующие стимулы. При переходе к рыночной экономике в секторах, ориентированных на производство частных благ, послушание было быстро заменено поведенческими паттернами, основанными на рациональности, оппортунизме или ограниченной рациональности. В сферах, где производились общественные или смешанные блага, эволюция поведения, основанного на послушании, происходила не так быстро. Можно констатировать, что в академической сфере послушание вследствие институциональной инерции сохраняется в поведенческих установках преподавателей. Это подтверждает анализ ответов респондентов на вопрос о том, как они адаптируются к негативным изменениям в образовательной сфере. Так, 52% преподавателей отметили поведение, основанное на послушании: «К этим изменениям приходится адаптироваться. В противном случае – уволят. Вот и трачу свое свободное время по вечерам и выходным на подготовку ненужных отчетов, на расчеты баллов и т.д., вместо того, чтобы проводить время с семьей» (проф., д.ф-м.н., 61 год); «Если что-то ввели новое, то тут придется адаптироваться. Отказаться в индивидуальном порядке невозможно. Иначе скажут – ищи другую работу» (доц., к.ф-м.н., 30 лет).

Следует отметить, что преподаватели, адаптирующиеся через послушание, среди качеств, которые им помогают работать в системе высшего образования указали на терпение (60%), ответственность (80%), любовь к студентам, науке (70%), трудолюбие (60%). Кроме того, для преподавателей данной группы, мотивирующими факторами продолжения работы в вузе, несмотря на негативное влияние ряда изменений, остаются надежда на улучшения, призвание, отдача от студентов, возможность саморазвития, отсутствие других альтернатив трудоустройства, привычка и др.

³ Надо отметить, что Уильямсон (1993) трактовал послушание как слабую форму следования своим интересам, на деле означающую отсутствие следования своим интересам (Уильямсон, 1993. С. 43), и отсылал к этому термину, со ссылками на Лоу и Жоржеску-Рожену, как к обозначающему «крайний случай монолитного коллективизма» и полной идентификации «функционеров» с поставленными перед ними задачами, описывая такую модель как нереалистичную в действительности (Там же. С. 46). Однако для целей настоящей статьи представляется возможным указать на склонность к поведению, внешне проявляющемуся как смирение с экзогенно внедряемыми новыми правилами и порядками, как на вполне определенную модель поведения некоторой части научного сообщества.

Послушание как форма адаптивного поведения может представлять собой имплицитную форму оппортунизма, которое вследствие изменившейся институциональной среды и экономических условий имело тенденцию быстро трансформироваться в симбиоз с послушанием. Например, преподаватель в своем поведении может демонстрировать полное послушание при выполнении одних обязательств, но при этом снижается мотивация при выполнении других: *«Я перестаяю относиться к процессу организации учебной деятельности творчески. Теперь нам спускают приказы и указы, и я как добросовестный, законопослушный работник должна их выполнять. Мне платят не за обсуждение приказов, а за их выполнение»* (доц., к.х.н., 36 лет).

Наряду с послушанием как формой адаптивного поведения, действующие акторы рынка образовательных услуг в условиях коммерциализации данного общественного блага могут адаптироваться к изменениям через оппортунистическое поведение.

Проблема оппортунистического поведения в контексте существующих институциональных ограничений является одной из центральных в рамках новой институциональной экономической теории. И хотя данная работа базируется на предпосылках оригинального институционализма, для развития диалога целесообразно обратиться к концептам неoinституционализма.

Отношения между государством и университетами в первую очередь заключают в себе предпосылки для возникновения проблемы принципала-агента. Предпосылкой служит, во-первых, неизбежная информационная асимметрия, а во-вторых, конфликт интересов и целей. Такие условия являются благоприятной почвой для оппортунизма (Kivisto, 2008; Enders et al., 2013. P. 8). Поскольку деятельность государства, направленная на регулирование и реформирование вузов, не всегда одобряется теми, кого затрагивают преобразования, а обратная связь зачастую отсутствует, и нет возможности скорректировать уже принятые решения по ходу осуществления изменений, оппортунизм акторов в системе образования становится одним из способов показать, что предпринимаемые властями решения не всегда работают. При этом, следуя логике агентской теории, государство будет сокращать административное давление на университеты лишь в том случае, если издержки оппортунистического поведения окажутся выше, чем издержки, ассоциированные с осуществлением реформ, но это очень маловероятно, поскольку просчитать издержки оппортунистического поведения практически невозможно (Kivisto, 2008. P. 345).

Безусловно, существуют вопиющие проявления оппортунизма, например фальсификация достижений, в частности присваивание в РИНЦ чужих статей, с тем чтобы набрать необходимое количество баллов в рейтинг: *«Рассказываю, это очень частая практика, я это ловлю. Коллеги специально добавляют чужие публикации, и не парочку статей, понимаете? И я видел, как человек осознанно это делал, вводил всех в заблуждение»* (доц., к.ист.н., 39 лет); *«Это бывает так часто, не многие вникают в это. Для человека не сильно известного это подходит, для другого может быть проблемой. Это недопустимо, но это есть»* (проф., д.э.н., 48 лет); *«На мой взгляд, мелкие жульничества для увеличения фактического значения формальных показателей нельзя исключить из российской практики»* (ст. преп., 26 лет).

Отношение преподавателей к подобным проявлениям оппортунистического поведения в основном резко негативное, осуждающее, однако часть интервьюируемых все же оправдывают коллег: *«То, что преподаватель не успевает из-за работы опубликовать статью – это не его вина, это его беда»* (проф., д.э.н., 73 года); *«Как могут люди, так и выживают»* (доц., к.э.н., 41 год).

Из проведенных интервью очевидно, что, оппортунистическое поведение, которое заключается, например, в игнорировании изменений и новых действующих правил, далеко не всегда преднамеренно. Оппортунистическую модель адаптации преподавателей к негативным изменениям подтверждают следующие высказывания респондентов (34%): *«Коллеги стали заниматься интригами, боясь сокращения; публикуются*

в научной периодике ради отчетов. Единицы принимают участие в реальных конференциях и иных научных мероприятиях. Я, поняв бессмысленность бюрократической работы, решила расслабиться и перестать относиться к этому внимательно и серьезно» (доц., к.ф.н., 39 лет); «Сейчас никому ничего не надо. Преподаватели не хотят выкладываться на 100%, поскольку заработная плата не является достойной. Студенты тоже не хотят ничего делать, только мечтают поскорее получить корочку» (доц., к.ф.-м.н., 60 лет). «Снижена мотивация, нет связи с обратной стороной, снизилось желание работать за смешные деньги. Нет удовлетворения своей работой из-за этого. Не понимаю своей роли» (доц., к.э.н., 40 лет); «Копирую формы отчета прошлогодние с минимальными изменениями» (доц., к.э.н., 38 лет).

Среди качеств, которые помогают работать в вузе преподаватели с оппортунистическим поведением указывали саморазвитие (70%), призвание (80%), творчество (70%), ответственность (50%), трудолюбие (60%). К наиболее значимым факторам, которые мотивировали к продолжению работы респондентов с оппортунистическим поведением, относятся призвание, востребованность среди студентов, творчество, возможность саморазвития, консерватизм, привычка и др.

В сфере высшего образования очень часто акторы обладают специфическим человеческим капиталом, который можно рассматривать через призму традиционного для неoinституционализма транзакционного анализа использования специфических активов. Традиционно специфические активы рассматриваются как причина интернализации транзакционных издержек вследствие того, что специфические активы невозможно перевести из одной области (сферы) в другую без очень высоких издержек (Williamson, 1985).

Специфичность активов представляется одной из центральных особенностей системы высшего образования. Поскольку главным ресурсом образовательной системы являются люди, занимающиеся научной и преподавательской деятельностью, обучение которых, как правило, занимает не менее 9–10 лет в высшей школе; переток кадров из университетов в реальный сектор экономики на деле оказывается очень дорогим и для государства, и для общества, и, собственно, для самих университетов. Тем не менее современная тенденция к прекаризации сотрудников университетов и увеличению неопределенности в среде высшего образования отражает тот факт, что важность и социальная ценность высшего образования, а также высокая специфичность человеческих ресурсов в академической среде сегодня не до конца осознаются.

Причиной роста транзакционных издержек и, как следствие, снижения эффективности сотрудников могут служить множество факторов; в рамках институциональной экономической теории, проблема транзакционных издержек традиционно рассматривается с позиции двух аспектов – оппортунизма и ограниченной рациональности (Williamson, 1985). Вопрос о том, что в большей степени влияет на эффективность акторов и институтов до сих пор остается открытым. И если в теории Уильямсона ключевая роль отводится оппортунизму (Williamson, 2000), то в работах (Foss & Weber, 2016a; 2016b) именно ограниченная рациональность выходит на первый план.

В рамках теории транзакционных издержек иерархия представляется эффективным регулирующим механизмом сглаживания транзакционных издержек, возникающих вследствие оппортунистического поведения акторов. Вместе с тем, необходимо понимать, что иерархических форм может быть множество, при этом не все из них в равной степени эффективно снижают транзакционные издержки (Foss & Weber, 2016a. P. 61).

Фреймы и поведенческие паттерны, которые свойственны разным типам иерархических структур, могут порождать конфликты в коллективе, которые являются результатом ограниченной рациональности, а не оппортунизма. Например, в работе (Simon, 1997. P. 80) информационные искажения рассматриваются как один из элементов ограниченной рациональности.

Как отмечают (Foss & Weber, 2016a. P. 62), ограниченная рациональность – это альтернативный источник транзакционных издержек, который генерирует их даже в от-

сутствии оппортунизма. Иными словами, транзакционные издержки возникают из-за конфликтов, причина которых – ограниченная рациональность, а не из-за стремления акторов вести себя оппортунистически при принятии решений. Слишком дорого может обходиться непонимание акторами действующих правил и институтов.

Саймон отмечал, что физиологические способности человека перерабатывать информацию, которая к нему поступает, ограничены (*Simon, 1990. P. 7*). Людям свойственно воспроизводить одни и те же модели поведения и руководствоваться устойчивыми стереотипами при принятии решений, упрощая тем самым сложный мир вокруг себя, иногда и вовсе упраздняя процесс обработки вновь поступающей информации, экономя тем самым свое время (*Gigerenzer, 2003*). При этом акторам свойственно обращать внимание лишь на определенные аспекты проблемы, на которые они привыкли обращать внимание, другие, иногда не менее важные детали могут просто игнорироваться, что и приводит к плачевным результатам. Сфера российского образования не стала исключением, зачастую акторы в своей работе действуют «по старинке», несмотря на то что правила давно поменялись: «Ничего не меняется, никак особо не адаптируюсь. Не с таким желанием готовлюсь к лекциям» (доц., к.э.н., 40 лет); «Как работали, так и работаем» (доц., к.э.н., 41 год), (проф., д.ф.-м.н., 61 год).

В условиях нестабильной, часто меняющейся российской системы высшего образования, а также нехватки информации 14% преподавателей адаптируются к изменениям через ограниченную рациональность: «Моя адаптация заключается в следующем – переждать» (доц., к.э.н., 39 лет); «Я люблю свою работу, люблю студентов. Надеюсь, ситуация скоро стабилизируется и требования станут едиными» (доц., к.ист.н., 46 лет).

Организация, как правило, и сама выступает в роли сдерживающей рамки для своих сотрудников, например, выстраивая свою собственную систему мотивации (*Foss & Weber, 2016a. P. 64*). В этом случае работники, дабы не остаться без премии или надбавки, будут перенаправлять свою энергию на достижение определенных показателей, ценных для организации, оставляя без внимания ряд задач, которые тоже требуют решения. Более того, необходимо понимать, что сотрудники не всегда верно интерпретируют информацию, которую пытается донести руководство. Не только качество доступной информации имеет значение, но также то, каким образом вышестоящее руководство расставляет информационные акценты, параллельно давая оценку тем или иным событиям (*Lumineau & Verbeke, 2016*). Успешность процесса передачи информации зависит от иерархической структуры в организации, от того, как налажено взаимодействие между структурными подразделениями и как работает система мотивации в разрезе структурных подразделений (*Whitford, 2006*). Если организация поощряет конкуренцию между структурными подразделениями, то информационный обмен будет затруднен, велика вероятность и намеренного искажения информации в процессе обмена (*Foss & Weber, 2016a. P. 68*).

Фреймы и вербальные коды, которые они образуют, являются инструментами интерпретации информации. В том случае если акторы действуют в условиях одних и тех же фреймов, оперируя одним и тем же языком, аббревиатурами, вкладывая один и тот же смысл в понятия, то скорее всего они одинаково воспримут одно и то же событие. Вместе с тем, если фреймы и/или языковые коды не полностью совпадают или же они совершенно некомплементарны, вариаций интерпретации одних и тех же событий может быть великое множество. Разнообразие интерпретаций одного и того же события с высокой долей вероятности приведет к интерпретационному конфликту и соответственно значительным транзакционным издержкам при обменах (*Foss & Weber, 2016a. P. 67; Weber & Mayer, 2014*).

Когда внутри организации необходимо объединить усилия нескольких структурных подразделений, которые работают в различных сферах, конфликты неизбежны. Так, например, в университетской среде попытки коммерциализировать технологии

зачастую терпят неудачу вследствие того, что ученые-естественники и специалисты в области экономики и права говорят на разных языках, более того, перед ними стоят совершенно разные задачи. Очень часто даже хорошим научным проектам не удается преодолеть цепочку бюрократических, экономических и правовых барьеров, потому как иерархическая структура, сложившаяся внутри вуза, подразумевает изолированность структурных подразделений и разную систему стимулов, что не способствует комплексному и скорому решению задач.

Примером адаптивного поведения как студентов, так и преподавателей может служить развитие института очной магистратуры в российских вузах после перехода на систему обучения «бакалавр–магистр». Первые магистратуры возникли в российских вузах еще в 1990 гг. XX в. В начале магистратура плохо вписывалась в традиционную систему специалитета и многими студентами рассматривалась как своеобразная форма второго высшего образования или дополнительного образования. Особенно это относится к специальностям социально-гуманитарного сегмента высшего образования. Поскольку магистратура внедрялась как дополнение специалитета, начало занятий чаще всего планировалось на вечернее время – с 17 или 18 часов. Большинство студентов после бакалавриата или специалитета это устраивало, так как позволяло совмещать образование и работу по ранее полученной специальности. Но в условиях очной магистратуры подобное совмещение создало негативные предпосылки для развития института очной магистратуры. Такое отношение студентов к обучению в магистратуре вызвало ответную реакцию со стороны преподавателей и руководителей магистерских программ. Здесь надо заметить, что повсеместное внедрение магистратуры с 2011 г. создало серьезную конкуренцию между различными магистерскими программами как внутри вузов, так и между ними.

В условиях конкуренции за потенциального студента руководители программ очной магистратуры вынуждены были отстаивать порядок начала занятий вечером и обещать потенциальным студентам сохранение возможности совмещения работы и обучения. Однако в условиях, еще раз оговоримся, очной магистратуры такой подход привел к тому, что постепенно из магистерских программ начала вымываться серьезная научная составляющая. В таких условиях магистранты не имеют возможности и времени заниматься серьезной научной работой. *«После бакалавриата студент может идти в магистратуру, но когда мы набрали магистров, оказалось, что все толковые ребята, имея уже диплом о высшем образовании, устраивались на работу. Дальше они с трудом заканчивали магистратуру. Им приходилось напоминать, что они все-таки еще магистранты»* (проф., д.х.н., 73 года).

Здесь надо заметить, что в российских условиях у преподавателей часто отсутствует четкое понимание отличий обучения в бакалавриате и специалитете от магистратуры: *«Никто не разъяснил, собственно говоря, что делать с бакалаврами и как работодателю относиться к человеку, который заканчивает бакалавриат. И действительно ли человек, который закончил магистратуру, получает какие-то преференции? Это очень смутный вопрос, он не разъяснен. Мы, например, не очень отчетливо понимаем, почему бакалавриат приравнен к высшему образованию. У нас бакалавриат, как правило, заканчивают те, кто еле учится, и те, кто жаждет вырваться на свободу. Сказать, что в магистратуру многие идут очень осознанно, я тоже не могу»* (доц., к.х.н., 57 лет).

Если существующие тенденции отношения к образовательному процессу в очной магистратуре не изменятся, то возможно в ближайшем будущем российская система образования столкнется со значительным дефицитом хорошо подготовленных, обладающих фундаментальными знаниями и исследовательскими компетенциями студентов, которые могли бы продолжить обучение в аспирантуре и заниматься научной и исследовательской деятельностью. Данный пример может быть отнесен к формирующейся на наших глазах зависимости от предшествующей траектории развития (эф-

фекте колеи), которая может надолго блокировать развитие эффективного института магистратуры в области фундаментальных наук.

Ситуацию с эволюцией института очной магистратуры можно соотнести с более общей проблемой отечественного высшего образования – конкуренцией за студентов. В ходе реформ все более жестко стало контролироваться соблюдение соотношения студент/преподаватель при планировании штатной численности профессорско-преподавательского состава. Преподаватели стали ясно осознавать, что сокращение контингента студентов (в том числе за счет отчисленных за академическую неуспеваемость) напрямую отразится на их занятости. Конечно не все готовы ради сохранения численности студентов снижать требования при проведении занятий и контроле знаний, но многие преподаватели вынуждены корректировать требования к освоению учебной программы в соответствии с уровнем студентов, что может приводить к ухудшению результатов обучения: *Пришлось сократить вычитываемый на лекциях материал, давать больше дополнительных источников для самостоятельного изучения студентам (которые они не читают) (доц., к.филос.н., 39 лет); Приспосабливаться к изменениям приходится путем сокращения лекционного материала, для самостоятельного изучения студентам необходим более доступный для понимания вариант учебников. Часть материала в буквальном смысле приходится давать в примитивной форме, понятной на интуитивном уровне. Это приводит к понижению общего уровня преподавания (доц., к.т.н., 39 лет); Университет преобразуется в школу, а школа транслирует знания. Стало меньше академизма. Школизация приводит к формированию преподавателей определенного склада, которые по многим характеристикам не способны к достижению целей, которые ставятся в образовании (проф., д.э.н., 48 лет); «Я преподаю уже не одно десятилетие, так вот очень заметно, как снижается уровень знаний у абитуриентов и выпускников. Сейчас никому ничего не надо» (доц., к.ф.-м.н., 60 лет); «За 4 года полноценное образование получить сложно, готовим «полуфабрикаты», впихнуть в этот срок нужный объем курсов нельзя, приходится их урезать, более сложной становится работа с дипломниками» (доц., к.э.н., 36 лет).*

Однако можно заметить, что тенденция снижения требований к студентам как результат рыночной адаптации характерна не только для российской практики. Подобные процессы отмечаются и в зарубежных университетах и могут рассматриваться как отражение фундаментальных изменений в экономических условиях и институциональной структуре сферы образования в современных условиях.

Студент сегодня трансформировался в потребителя образовательной услуги, а структурные подразделения реорганизуются, чтобы соответствовать требованиям рынка (Hall, 2013. Р. 720). Для руководства университетов образование представляется лишь неким экономическим благом, которое надо успешно «продавать», при этом студенты не рассматриваются как потенциальные ученые, научное развитие обучающихся не является приоритетом, теперь миссия университета состоит в том, чтобы выпускник занял место в реальном секторе экономики (White, 2007), это и будет одним из показателей его эффективности. Такой потребительский подход к вузам становится нормой во многих странах, где успех университета зависит от того, насколько более «эффективно», по сравнению с конкурентами, он удовлетворяет потребности студентов, причем, отталкиваясь от этих потребностей, строится стратегия развития организации в целом (Hall, 2013) (Fry & Polonsky, 2004). Очевидно, что студенты не представляют собой некую гомогенную потребительскую группу, которая преследует одни и те же интересы. В работе (Hall, 2013), основываясь на классификации потребителей, предложенной (Dagevos, 2005. Р. 35), выделены четыре группы студентов (табл. 1), каждая из которых представляет свой набор потребительских требований к университету, причем, образование не всегда на первом месте. (Dagevos, 2005) классифицирует потребителей, оперируя критериями склонности к индивидуализму/коллективизму, а также экономической эффективностью и, соответственно, опираясь на нечто нематериальное (эмоции, традиции).

Таблица 1

Типология студентов-потребителей

Тип студента-потребителя	Основные черты	Пример из интервью
Расчетливый (индивидуалист/материалист)	- Получает образование, руководствуясь тем, что ему необходим диплом для будущей работы (инструментарные мотивы); - немаловажны имидж вуза и его репутация; - ожидает прозрачные критерии оценки, ценит простых и опытных преподавателей, легко идущих на компромисс	«Студенты стали заниматься чем-то дополнительным, деньги их мотивируют, они пытаются хорошо учиться и одновременно заниматься чем-то еще» (бак., 3 курс, 19 лет). «Когда мы заканчиваем вуз, у нас должна быть какая-то уверенность в завтрашнем дне, что мы получим работу» (бак., 4 курс, 21 год)
Традиционный (коллективист/материалист)	- Вовлечен в образовательный процесс, прилежен, консервативен; - рассматривает оценки, как индикатор потраченного времени и приложенных усилий; - ценит преподавателей, которые разделяют его ценности; - далек от «высокого», предпочитает ясные задания	«Балльно-рейтинговая система удобна чисто для того, чтобы понимать, как и на что обратить внимание в процессе обучения. Так как учебный план и учебная карта дисциплины уже даны с самого начала, я знаю, за что я могу получить конкретный балл, мне легче понимать и организовывать свою систему работы в семестре. Сейчас я сразу могу отследить, сколько баллов у меня уже есть, что мне нужно сделать, чтобы получить зачет, что делать не надо, чтобы получить зачет. Можно уделять время тому, чем я действительно хочу заниматься» (бак., 3 курс, 19 лет)
Ответственный (коллективист/идеалист)	- Чувствует себя частью научного сообщества; - предпочитает обучение с возможностью общения; - ценит преподавателей, которые работают в кооперации со студентами, открыты для общения и обмена опытом; - ценит новаторский подход в образовании	«После того, как я стала более активно писать статьи научные, публиковать их, у меня налажился контакт с моим научным руководителем, с кафедрой, отношения стали такими, деловыми. Со мной стали больше общаться не как со студенткой, а как с партнером» (бак., 4 курс, 21 год)
Уникальный (индивидуалист/идеалист)	- Ожидает получить качественное образование с наименьшими издержками; - обращает внимание на рекламу вуза и его формальные коммуникации, важны статусы; - предпочитает новизну в образовательном процессе; - ценит «легких» преподавателей, посещение занятий которых доставляет удовольствие, а также возможность весело проводить время	«Сплошная и часто лишняя теория столетней давности, это скучно, мало кого из студентов интересует скучная, монотонная теория» (бак., 3 курс, 20 лет). «На занятиях дают больше практических знаний, заменяют скучные теоретические лекции на что-то более интересное и полезное. Многие преподаватели стараются проводить свои занятия в форме деловых игр, кейсов и т.п. На мой взгляд, такие занятия приводят к большим результатам. Это и интересно, и эффективно» (бак., 3 курс, 21 год)

Источник: (Hall, 2013. P. 721; Dagevos, 2005. P. 35)

Зарубежный опыт, в контексте проблемы ухода студентов от научной, а иногда даже учебной деятельности во время нахождения в стенах университета, не идет в разрез с реалиями российского высшего образования: «Я поняла, что для рейтинга нужно не только учиться, а участвовать в общественных мероприятиях и жизни факультета» (бак., 2 курс, 20 лет); «Стипендия больше стимулирует принимать участие в творческой жизни университета, а не в учебной» (бак., 4 курс, 21 год); «Сейчас много внимания уделяется внеучебной деятельности студентов, которая всячески поощряется» (бак., 3 курс, 21 год); «С одной стороны, появилось больше желающих принимать участие в мероприятиях именно из-за своих личных интересов, но с другой, очень распространены теперь корыстные цели псевдоучастия ради рейтинга» (бак., 2 курс, 20 лет); «Я занимаюсь внеучебной деятельностью. Это помогает отвлечься и завести новых друзей, не связанных с обычной учебной деятельностью» (бак., 3 курс, 21 год).

В отличие от производства частных благ, уровень и качество предоставления образовательной услуги будут зависеть от степени вовлеченности самого потребителя в процесс получения услуги. При этом изменения, которые происходят на рынке образовательных услуг, могут определять и трансформировать поведение самих потребителей. Так, среди наиболее существенных институциональных изменений, которые повлияли на образовательный процесс в вузах, студенты отметили прежде всего введение балльно-рейтинговой оценки знаний (*Вольчик и др., 2015. С. 123*). Это изменение оказало двойственное влияние на студентов. С одной стороны, эта система мотивирует студентов «к регулярной подготовке к занятиям», позволяет «организовать свою схему работы в течение семестра» и «отслеживать свою успеваемость» – «повышается объективность оценки полученных знаний студентом и за экзамен можно получить дополнительные баллы к тем, которые набраны за семестр» (маг., 1 курс, 21 год). С другой стороны, эта система создает «нездоровую конкуренцию между студентами», «происходит битва за баллы», преподаватели не всегда ведут систему учета баллов в течение семестра – «сухой подход к делу и незаинтересованность в том, чтобы студенты вынесли знания» (бак., 2 курс, 19 лет).

Следующим значимым изменением, которое влияет на поведение студентов, стал переход на двухуровневую систему «бакалавр–магистр». Эта система, по мнению студентов, ориентирована на «тех, кто не хочет учиться, а планирует идти работать», «позволяет получить некоторую основу знаний». В то же время для большинства работодателей эта система представляет собой незавершенный процесс обучения, поэтому «очень сложно после бакалавриата найти достойную работу», «считается, что бакалавриат – это «недовысшее» образование, какой-то промежуточный этап, который подразумевает дальнейшее обучение» (бак., 4 курс, 21 год).

Неоднозначными для студентов остаются влияние ЕГЭ, а также введение пороговых баллов при поступлении в вуз: «у людей из небольших городов появилась возможность поступить в любой вуз России» (бак., 3 курс, 21 год); «с одной стороны, гарантирует прозрачность, с другой стороны, остается коррупция на уровне школы, и этот студент занимает места более одаренных школьников» (бак, 3 курс, 20 лет).

Особую роль для студентов играет внедрение проверки работ по системе «Антиплагиат». Студенты могут адаптироваться к этому изменению двумя способами: «заставляет писать более качественные работы, посвящать больше этому времени» и «студенты придумывают, как обойти систему, обращаются за платными услугами по написанию подобных работ, перефразируют» (бак., 4 курс, 21 год).

Кроме того, к значимым институциональным изменениям, которые оказывают влияние на учебный процесс, студенты относят информатизацию образования, повышенные стипендии за достижения в научной, общественной или спортивной жизни, распространение индивидуальных траекторий обучения и др. (*Вольчик и др., 2015. С. 123*).

Анализ глубинных интервью студентов, отражающих способы и механизмы адаптации респондентов к институциональным изменениям, реализуемым в системе

высшего образования, позволил выделить две формы адаптивного поведения: через послушание (75% студентов) и через ограниченную рациональность (25%). Целью поступления студента в вуз является получение высшего образования или так называемой корочки, что побуждает студентов принимать и выполнять условия, которые выдвигает вуз в ходе учебного процесса – *«приходится адаптироваться. Я ведь все-таки хочу получить диплом о высшем образовании»* (бак., 3 курс, 20 лет); *«поведение меняется в сторону ослабления мотивации к учебе, учусь, потому что надо, а не потому что интересно, балльно-рейтинговая система отбивает всякое внутреннее желание к обучению. Адаптируюсь путем действия в рамках и правилах данной системы, подчинение системе»* (бак., 4 курс, 21 год). Студенты, адаптирующиеся через послушание, отмечают снижение мотивации к образовательной деятельности, а среди препятствий, мешающих качественному высшему образованию выделяют такие как высокая стоимость обучения (50%), коррупция в образовании (70%), некомпетентность или незаинтересованность преподавателей (70%), личное отношение студента к учебному процессу (60%), невысокие стипендии и др. Среди главных качеств (принципов), помогающих адаптироваться к изменениям, студенты отмечают посещение занятий, обучение, саморазвитие, ответственность, честность, борьбу с ленью и др. 25% студентов адаптируются к институциональным изменениям в учебном процессе через ограниченную рациональность. Так, например, респонденты отмечают: *«не можешь изменить ситуацию – поменяй отношение к ней. Я должен взять все от преподавателей и независимо от их поведения, что могу, возьму. Я не адаптируюсь, а действую»* (бак., 3 курс, 21 год); *«я не проявляю инициативу, инициатива наказуема, я ожидаю»* (маг., 1 курс, 21 год); *«в университете можно выкрутиться из любой ситуации, преподаватели пойдут на встречу»* (бак., 4 курс, 20 лет).

Среди принципов, которые помогают адаптироваться к изменениям, студенты, проявляющие ограниченную рациональность, выделяют упорство, использование всех возможностей, саморазвитие, ответственность, стремление к образованию, хитрость. Среди факторов, препятствующих получению качественного образования, они также выделяют некомпетентность преподавателей (60%), отсутствие мотивации к обучению (70%), недостаток практических курсов (50%), платное обучение (40%) и др.

Проведенный анализ наиболее значимых институциональных изменений для студентов, а также форм адаптивного поведения респондентов, свидетельствует об изменении поведения студентов – *«если раньше студент жил от сессии до сессии, то сейчас он живет от семинара к семинару. Все систематически готовят доклады, презентации...»* (бак., 4 курс, 21 год). В то же время выявляется сложность адаптации студентов к постоянно меняющимся правилам, что ухудшает качество учебного процесса и приводит к снижению образовательного уровня студентов: *«все так быстро меняется, что и преподаватели, и студенты в недоумении. Преподаватели вынуждены заполнять миллион бумаг, отчетностей, делать публикации, создавать новые карты дисциплины, что у них не хватает сил и желания преподавать, то есть заниматься своей основной деятельностью. Студентам тоже очень сложно адаптироваться к частым изменениям, поэтому не усваивается часть материала, а часто и желание стараться пропадает»* (бак., 3 курс, 19 лет).

Заключительные замечания

Университеты сегодня вынуждены принимать ценности и механизмы управления, свойственные бизнес-организациям, с тем чтобы иметь возможность соответствовать требованиям, которые предъявляет государство, несмотря на то, что эти требования зачастую расходятся с фундаментальными ценностями высшей школы. Государственные высшие учебные заведения должны расширять доступ к образовательным услугам, повышать качество образования, снижать издержки, применяя при этом инновационные технологии (Gumpert, 2000. Р. 86), и все это одновременно. Академические

свободы в рамках такого подхода нельзя заменить бизнесэтикой или корпоративной культурой, что приводит к дисфункции неформальных институтов и нарушает взаимодействия в коллективах.

Система высшего образования стала слишком масштабной и сложной, а так как государство зачастую не имеет возможности полностью ее финансировать, университеты вынуждены искать ресурсы на стороне. Как только запускается поиск альтернативных источников финансирования, начинают работать принципы, заимствованные университетами у частного сектора экономики. Эти принципы подразумевают создание и использование дополнительных внутренних механизмов контроля, мониторинга и оценки эффективности деятельности сотрудников вузов. Между тем, государственный контроль не ослабевает. Получается, что создаются квазирыночные условия, когда рыночные по своей природе механизмы управления нацелены на решение государственных задач (*Naidoo, 2008; Naidoo et al., 2011. P. 1144–1145*).

Вопрос автономии университетов остается сегодня одним из наиболее актуальных в сфере высшего образования. Современная концепция университета отражает идею о том, что университет заслуживает особого статуса в отношении автономии и академических свобод, но автономия может быть только реальной или только формальной. Академические свободы, подразумевающие, что ученые могут осуществлять образовательную и исследовательскую деятельность, не опасаясь вторжения или наказания со стороны вышестоящего руководства, являются неотъемлемым элементом самостоятельности университета (*Enders, 2006; Enders et al., 2013*).

Согласно Бурдье, высшее образование – это сфера с высокой степенью автономности от государства, где создается собственная организационная культура, состоящая из ценностей и поведенческих моделей, которые не зависят от процессов, происходящих в политической и экономической сферах. Именно тот факт, что университет выполняет функции социальной репродукции общества, поддерживает трехстороннее общественное соглашение (*social compact*) «государство–университет–общество» (*Enders et al., 2013. P. 7*), оправдывает необходимость предоставления университетам автономии (*Bourdieu, 1988*). Тем временем вышеупомянутое общественное соглашение в течение последних десятилетий постепенно ослаблялось, особый статус университетов теперь не воспринимается как нечто непререкаемое. Общемировые тенденции таковы, что университеты становятся больше, образование дорожает, становится менее элитарным, при этом политическое и экономическое давление со стороны государства нарастает (*Enders et al., 2013. P. 8*).

Актеры российской системы образования демонстрируют различные модели поведения в зависимости от того, с какими рабочими правилами они сталкиваются в рамках транзакций и как они интерпретируют эти правила. Изменения институциональной структуры имеют кумулятивный характер, однако в силу институциональной инерции, сохраняются гибридные формы координации и, как следствие, гибридные формы экономического поведения. Формы оппортунизма, послушания и ограниченной рациональности, выявленные в ходе нашего исследования, могут восприниматься как адаптивная реакция акторов на изменения рабочих правил.

Социальная значимость и специфика организационной культуры в учреждениях высшего образования связаны с эволюционно сложившимися социальными ценностями и институтами. Однако в ходе реформ не все акторы понимают и правильно интерпретируют меры регулирования и управленческие решения, что также является негативным фактором формирования эффективных (позволяющих осуществлять транзакции с меньшими издержками и увеличивать регулярность транзакций) действующих правил. Таким образом, недостаточно просто поставить под сомнение правильность попыток институциональных преобразований, подобных осуществляемым на протяжении последних лет в отечественной системе высшего образования, которую стараются полностью перевести на рыночные рельсы при фактическом навязывании за-

конодательных реформ «сверху». Обязательная организация публичных дискуссий с вовлечением в процессы реформирования самих представителей сообществ, образующих систему образования, является необходимым условием спасения высшего образования. При этом регулярные качественные исследования, фокусирующиеся на восприятии акторами сферы образования происходящих институциональных изменений, должны служить инструментом для лучшего понимания не только того, «что есть», но и того, «как должно быть» – как должны разрабатываться и реализовываться неизбежные и важные реформы, соответствующие вызовам времени и модернизации экономики и общества.

ЛИТЕРАТУРА

Балацкий Е.В. (2014а). Синдром аритмии реформ в системе высшего образования // *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 4, с. 111–140 (<http://www.econorus.org/geres/journal/2014-24-111-140r.pdf>).

Балацкий Е.В. (2014b). Как из высшего образования в России раздули пузырь // *Проблемы управления в социальных системах*, т. 11, № 7, с. 56–82.

Вольчик В.В., Зотова Т.А., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. (2015). Идентификация направлений институциональных изменений в сфере российского высшего образования // *Вопросы регулирования экономики (Journal of Economic Regulation)*, т. 6, № 2, с. 114–131.

Вольчик В.В., Посухова О.Ю. (2016). Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // *Terra Economica*, т. 14, № 2. DOI: 10.18522/2073-6606-2016-14-2-159-173.

Дорохина О., Левинский Д. (2016). Как поработал Дмитрий Ливанов // *Коммерсантъ*, 19 августа (http://www.kommersant.ru/doc/3069339?utm_source=kommersant&utm_medium=all&utm_campaign=speс).

Ефимов В.М. (2016). Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики: Монография. М.: Курс, НИЦ ИНФРА-М, 352 с.

Клямкин И.М., Тимофеев Л. (2000). Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. М.: Российский гос. гуманитарный университет, 595 с.

Курбатова М.В. (2016). Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России*, № 4, с. 59–86.

Курбатова М.В., Апарина Н.Ф., Донова И.В., Каган Е.С. (2014). Формализация деятельности преподавателя и эффективность деятельности вузов // *Terra Economica*, т. 12, № 4, с. 33–51.

Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.

Тамбовцев В.Л. (2015а). Социальная политика: нерешенная задача научного обоснования // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 5–13.

Тамбовцев В.Л. (2015b). О научных основаниях реформ в сфере высшего образования // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, № 2, с. 66–70.

Уильямсон О. (1993). Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // *THESIS*, вып. 3, с. 39–49.

Фурса Е.В., Оганесян А.А., Устинов Д.Ю. (2016). Высшее образование и государственные реформы: качественный анализ / *Сборник докладов и выступлений участников Всероссийской научной конференции «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании»* (22–23 июня 2016, Ростов-на-Дону). Ростов-н/Д: Издательство ЮФУ.

Bollag B. (1990). In Both East and West, Reunification Will Bring Big Challenges to German Higher Education // *Chronicle of Higher Education*, vol. 37, no. 5, A1.

Bourdieu P. (1988). *Homo academicus*. Cambridge: Polity Press.

Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of institutions: a discussion // *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–47 (doi:10.1017/S1744137411000336).

Commons J.R. (1998). Investigational Economics / In: *Samuels W.J. (ed.) Research in the History of Economic Thought and Methodology. Archival Supplement 7.* Greenwich, Connecticut: JAI Press Inc., pp. 39–326.

Commons J.R. (2012). Institutional Economics // *Terra Economicus*, vol. 10, no. 3, pp. 69–76 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>). (In Russian.)

Dagevos H. (2005). Consumers as four-faced creatures. Looking at food consumption from the perspective of contemporary consumers // *Appetite*, vol. 45, no. 1, pp. 32–39.

Dequech D. (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.

Dewey J. (1922). *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology.* New York: Henry Holt.

Enders J. (2006). The academic profession / In: *Forest J.J.F. and Altbach P. (eds.) International handbook of higher education.* Dordrecht: Springer, pp. 5–22.

Enders J., De Boer H. and Weyer E. (2013). Regulatory autonomy and performance: The reform of higher education re-visited // *Higher Education*, vol. 65, no. 1, pp. 5–23.

Foss N.J. and Weber L. (2016a). Moving opportunism to the back seat: Bounded rationality, costly conflict, and hierarchical forms // *Academy of Management Review*, vol. 41, no. 1, pp. 61–79.

Foss N.J. and Weber L. (2016b). Expand Bounded Rationality, but Don't Throw Opportunism Out of the Car and Under the Bus: A Reply to Lumineau and Verbeke // *Academy of Management Review*, vol. 41, no.4, pp. 741–744.

Fry M. and Polonsky M.J. (2004). Examining unintended consequences of marketing // *Journal of Business Research*, vol. 57, pp. 1303–1306.

Gigerenzer G. (2003). Why does framing influence judgment? // *Journal of General Internal Medicine*, vol. 18, pp. 960–961.

Gruchy A.G. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution.* New York: Prentice-Hall, Inc.

Guba E. and Lincoln Y. (1994). Competing paradigms in qualitative research / In: *Denzin N.K. and Lincoln Y.S. (eds.) Handbook of Qualitative Research.* London: Sage, pp. 105–117.

Gumport P.J. (2000). Academic restructuring: Organizational change and institutional imperatives // *Higher education*, vol. 39, no. 1, pp. 67–91.

Hall W.A. (2013). Consumerism and consumer complexity: Implications for university teaching and teaching evaluation // *Nurse education today*, vol. 33, no. 7, pp. 720–723.

Hochstettler T.J. (2004). Aspiring to Steeples of Excellence at German Universities // *Chronicle of Higher Education*, vol. 50, no. 47, B10.

Hodgson G.M. (2000). What is the essence of institutional economics? // *Journal of Economic Issues*, vol. 34, issue 2.

Hodgson G.M. (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus.* Chicago and London: The Chicago University Press.

Kivistö J. (2008). An assessment of agency theory as a framework for the government–university relationship // *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 30, no. 4, pp. 339–350.

Kruecken G. (2003). Mission Impossible? Institutional Barriers to the Diffusion of the «Third Academic Mission» at German Universities // *International Journal of Technology Management. Inderscience Publishers*, vol. 25, no. 1–2, pp. 18–33.

Kvale S. (1996). *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing.* Thousand Oaks: Sage.

Lumineau F. and Verbeke A. (2016). Let's Give Opportunism the Proper Back Seat // *Academy of Management Review*, vol. 41, no. 4, pp. 739–754.

Mirowski Ph. (1987). The Philosophical Bases of Institutionalist Economics // *Journal of Economic Issues*, 21, pp. 1001–1038. Reprinted in: *Lavoie D. (ed.) (2005). Economics and Hermeneutics.* Taylor and Francis e-Library, pp. 74–110.

Muscio A., Quaglione D. and Ramaciotti L. (2016). The effects of university rules on spinoff creation: The case of academia in Italy // *Research Policy*, vol. 45, no. 7, pp. 1386–1396.

Naidoo R. (2008). The competitive state and the mobilised market: higher education policy reform in the United Kingdom (1980–2007) // *Critique Internationale*, vol. 39, April/June, pp. 47–65.

Naidoo R., Shankar A. and Veer E. (2011). The consumerist turn in higher education: Policy aspirations and outcomes // *Journal of Marketing Management*, vol. 27, no. 11–12, pp. 1142–1162.

Parada J.J. (2006). A pragmatic institutional economics approach to economic development and institutions: The case of Colombia. *Dissertation ... presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Kansas City, Missouri: University Of Missouri-Kansas City.

Rutherford M. (2011). The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control. Cambridge: Cambridge University Press.

Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900–1930 / In: Maas H. and Morgan M. (eds.) *Histories of Observation in Economics. Supplement to volume 44, History of Political Economy*. Durham, NC: Duke University Press, pp. 179–199.

Schmid A.A. (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Oxford: Blackwell Publishing.

Simon H.A. (1990). Invariants of human behavior // *Annual Review of Psychology*, vol. 41, pp. 1–19.

Simon H.A. (1997). *An empirically based microeconomics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stanfield J.R. (1999). The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*, vol. XXXIII, no. 2, pp. 231–255.

Varghese N.V. (2013). Governance Reforms in Higher Education: A Study of Selected Countries in Africa // *IIEP/SEM334/Theme paper*, April (http://www.iiep.unesco.org/sites/default/files/governance_reforms_in_he_paper_pf.pdf).

Weber L. (2005). Nature and Scope of Public Responsibility for Higher Education and Research / In: Weber L. and Bergan S. (eds.) *The Public Responsibility for Higher Education and Research*. Strasbourg: Council of Europe, pp. 29–43.

Weber L. and Mayer K.J. (2014). Transaction cost economics and the cognitive perspective: Untangling the impact of informational and interpretive uncertainty on governance choice // *Academy of Management Review*, vol. 39, pp. 344–363.

White N.R. (2007). The customer is always right? Student discourse about higher education in Australia // *Higher Education*, vol. 54, pp. 593–604.

Whitford A.B. (2006). Unitary, divisional, and matrix forms as political governance systems // *Journal of Management Governance*, vol. 10, pp. 435–454.

Williamson O.E. (1985). *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press.

Williamson O.E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead // *Journal of Economic Literature*, vol. 38, pp. 595–613.

REFERENCES

Balatsky E.V. (2014a). Arrhythmia Syndrome in the field of Higher Education. *Journal of New Economic Association*, no. 4, pp. 111–140, (<http://www.econorus.org/repec/journal/2014-24-111-140r.pdf>). (In Russian).

Balatsky E.V. (2014b). How they blew the bubble with Russian Higher Education. *Management problems in social systems*, vol. 11, no. 7, pp. 56–82. (In Russian).

Dorokhina O. and Levinsky D. (2016). How Dmitry Livanov worked. *Kommersant*, August 19 (http://www.kommersant.ru/doc/3069339?utm_source=kommersant&utm_medium=all&utm_campaign=spec). (In Russian.)

Fursa E.V., Oganessian A.A. and Ustinov D.Yu. (2016). Higher Education and State Reforms: Qualitative Analysis. *Bulletin of the All-Russian Conference «Interdisciplinarity in the modern Humanities and Social Sciences»*, Rostov-on-Don: Southern Federal University Publ. (In Russian.)

Klyamkin I.M. and Timofeev L. (2000). *Russia in Shadow: economic and social study*. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ. (In Russian.)

Kurbatova M. (2016). Higher Education Reform as an Institutional Project of the Russian Bureaucracy: the Content and the Outcomes. *The Universe of Russia*, no. 4, pp. 59–86. (In Russian.)

Kurbatova M.V., Aparina N.F., Donova I.V. and Kagan E.S. (2014). Lecturer activity formalization and the universities activity effectiveness. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 4, pp. 33–51. (In Russian.)

Standing G. (2011). *The precariat: The new dangerous class*. Moscow: AD Marginem Press. (In Russian.)

Tambovtsev V.L. (2015a). Social Policy: Unresolved Problem of Scientific Justification. *Social Sciences and Modernity*, no. 6, pp. 5–13. (In Russian.)

Tambovtsev V.L. (2015b). The Scientific Basis for the Higher Education Reforms. *Omsk University Bulletin. Series «Economics»*, no. 2, pp. 66–70. (In Russian.)

Volchik V.V. and Posukhova O.Yu. (2016). Precarity and professional identity in the context of institutional change. *Terra Economicus*, vol. 14, no. 2, pp. 159–173. (In Russian.)

Volchik V.V., Zotova T.A., Filonenko Yu. V., Fursa E.V. and Krivosheeva-Medyantseva D.D. (2015). Identifying a Framework of Institutional Change in the Field of Higher Education in Russia. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 2, pp. 114–131. (In Russian.)

Williamson O. (1993). Behavioral Assumptions. *THESIS*, issue 3, pp. 39–49. (In Russian.) [English version: Williamson O. (1985). Behavioral Assumptions / In: Williamson O. *The Economic Institutions of Capitalism. Firms, Markets, Relational Contracting*. N.Y.: The Free Press, p.44–52.]

Yefimov V.M. (2016). Economic science in question: another methodology, history and research practices. Moscow: KURS, Infra-M Publ. (In Russian.)

Bollag B. (1990). In Both East and West, Reunification Will Bring Big Challenges to German Higher Education. *Chronicle of Higher Education*, vol. 37, no. 5, A1.

Bourdieu P. (1988). *Homo academicus*. Cambridge: Polity Press.

Chavance B. (2012). John Commons's organizational theory of institutions: a discussion. *Journal of Institutional Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 27–47 (doi:10.1017/S1744137411000336).

Commons J.R. (1998). Investigational Economics / In: *Samuels W.J. (ed.) Research in the History of Economic Thought and Methodology*. Archival Supplement 7. Greenwich, Connecticut: JAI Press Inc., pp. 39–326.

Commons J.R. (2012). Institutional Economics. *Terra Economicus*, vol. 10, no. 3, pp. 69–76 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/20/1251380341/journal10.3.1-7.pdf>). (In Russian.)

Dagevos H. (2005). Consumers as four-faced creatures. Looking at food consumption from the perspective of contemporary consumers. *Appetite*, vol. 45, no. 1, pp. 32–39.

Dequech D. (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.

Dewey J. (1922). *Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology*. New York: Henry Holt.

Enders J. (2006). The academic profession / In: *Forest J.J.F. and Altbach P. (eds.) International handbook of higher education*. Dordrecht: Springer, pp. 5–22.

Enders J., De Boer H. and Weyer E. (2013). Regulatory autonomy and performance: The reform of higher education re-visited. *Higher Education*, vol. 65, no. 1, pp. 5–23.

Foss N.J. and Weber L. (2016a). Moving opportunism to the back seat: Bounded rationality, costly conflict, and hierarchical forms. *Academy of Management Review*, vol. 41, no. 1, pp. 61–79.

Foss N.J. and Weber L. (2016b). Expand Bounded Rationality, but Don't Throw Opportunism Out of the Car and Under the Bus: A Reply to Lumineau and Verbeke. *Academy of Management Review*, vol. 41, no. 4, pp. 741–744.

Fry M. and Polonsky M.J. (2004). Examining unintended consequences of marketing. *Journal of Business Research*, vol. 57, pp. 1303–1306.

Gigerenzer G. (2003). Why does framing influence judgment? *Journal of General Internal Medicine*, vol. 18, pp. 960–961.

Gruchy A.G. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. N.Y.: Prentice-Hall, Inc.

Guba E. and Lincoln Y. (1994). Competing paradigms in qualitative research / In: Denzin N.K. and Lincoln Y.S. (eds.) *Handbook of Qualitative Research*. London: Sage, pp. 105–117.

Gumport P.J. (2000). Academic restructuring: Organizational change and institutional imperatives. *Higher education*, vol. 39, no. 1, pp. 67–91.

Hall W.A. (2013). Consumerism and consumer complexity: Implications for university teaching and teaching evaluation. *Nurse education today*, vol. 33, no. 7, pp. 720–723.

Hochstetler T.J. (2004). Aspiring to Steeples of Excellence at German Universities. *Chronicle of Higher Education*, vol. 50, no. 47, B10.

Hodgson G.M. (2000). What is the essence of institutional economics? *Journal of Economic Issues*, vol. 34, issue 2.

Hodgson G.M. (2013). *From Pleasure Machines to Moral Communities: An Evolutionary Economics without Homo economicus*. Chicago and London: The Chicago University Press.

Kivistö J. (2008). An assessment of agency theory as a framework for the government–university relationship. *Journal of Higher Education Policy and Management*, vol. 30, no. 4, pp. 339–350.

Kruecken G. (2003). Mission Impossible? Institutional Barriers to the Diffusion of the «Third Academic Mission» at German Universities. *International Journal of Technology Management. Inderscience Publishers*, vol. 25, no. 1–2, pp. 18–33.

Kvale S. (1996). *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks: Sage.

Lumineau F. and Verbeke A. (2016). Let's Give Opportunism the Proper Back Seat. *Academy of Management Review*, vol. 41, no. 4, pp. 739–754.

Mirowski Ph. (1987). The Philosophical Bases of Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, 21, pp. 1001–1038. Reprinted in: Lavoie D. (ed.) (2005). *Economics and Hermeneutics*. Taylor and Francis e-Library, pp. 74–110.

Muscio A., Quaglione D. and Ramaciotti L. (2016). The effects of university rules on spinoff creation: The case of academia in Italy. *Research Policy*, vol. 45, no. 7, pp. 1386–1396.

Naidoo R. (2008). The competitive state and the mobilised market: higher education policy reform in the United Kingdom (1980–2007). *Critique Internationale*, vol. 39, April/June, pp. 47–65.

Naidoo R., Shankar A. and Veer E. (2011). The consumerist turn in higher education: Policy aspirations and outcomes. *Journal of Marketing Management*, vol. 27, no. 11–12, pp. 1142–1162.

Parada J.J. (2006). A pragmatic institutional economics approach to economic development and institutions: The case of Colombia. *Dissertation ... presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Kansas City, Missouri: University Of Missouri-Kansas City.

Rutherford M. (2011). *The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rutherford M. (2012). Field, Undercover, and Participant Observers in US Labor Economics, 1900–1930 / In: Maas H. and Morgan M. (eds.) *Histories of Observation in Economics. Supplement to volume 44, History of Political Economy*. Durham, NC: Duke University Press, pp. 179–199.

Schmid A.A. (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics*. Oxford: Blackwell Publishing.

Simon H.A. (1990). Invariants of human behavior. *Annual Review of Psychology*, vol. 41, pp. 1–19.

Simon H.A. (1997). *An empirically based microeconomics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Stanfield J.R. (1999). The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. XXXIII, no. 2, pp. 231–255.

Varghese N.V. (2013). Governance Reforms in Higher Education: A Study of Selected Countries in Africa. *IIEP/SEM334/Theme paper*, April (http://www.iiep.unesco.org/sites/default/files/governance_reforms_in_he_paper_pf.pdf).

Weber L. (2005). Nature and Scope of Public Responsibility for Higher Education and Research / In: Weber L. and Bergan S. (eds.) *The Public Responsibility for Higher Education and Research*. Strasbourg: Council of Europe, pp. 29–43.

Weber L. and Mayer K.J. (2014). Transaction cost economics and the cognitive perspective: Untangling the impact of informational and interpretive uncertainty on governance choice. *Academy of Management Review*, vol. 39, pp. 344–363.

White N.R. (2007). The customer is always right? Student discourse about higher education in Australia. *Higher Education*, vol. 54, pp. 593–604.

Whitford A.B. (2006). Unitary, divisional, and matrix forms as political governance systems. *Journal of Management Governance*, vol. 10, pp. 435–454.

Williamson O.E. (1985). *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press.

Williamson O.E. (2000). The new institutional economics: Taking stock, looking ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 38, pp. 595–613.

THE BIRTH OF MARX'S POETIC PHILOSOPHY AND ITS INTENTION — REVALUATION OF MARX'S EARLY POETRY AND ITS SIGNIFICANCE

Yuwen LI,

PhD in political philosophy, Vice Dean,
School of Marxism, Peking University,
Pekin, P.R. China,
e-mail: yuwen@pku.edu.cn

TERRA ECONOMICUS ✧ 2016 Том 14 № 4

The poetic works by young Karl Marx has long been neglected in modern academic fields and studies on Marxism. Normally, most scholars view these poems as love poetry which bears nothing more than adolescent impulsion and thirst for love. Not only the motif is dull and singular but also the significance is narrow. This paper retorts the prejudice on Marx's poetry and expounds on the poetic theme and philosophical or even political economic significance of these early poems, believing in the continuation of romantic influence and transition on young Marx and his philosophical care revealed in these poems and thereof the political economic perspectives of the undergoing production system and social relations of capitalist society he lived in. In brief, Karl Marx has exhibited humanitarian ethos, critical thinking and aesthetic consciousness in his poems which serve as the best evidence of the origin of his poetic philosophy and political economy. In these poems, Karl Marx's sensible intelligence paves the way for his philosophical thinking and political economic perspective in his coming research and investigation in philosophy and political economy of human society.

Keywords: Karl Marx; poetic philosophy; political economy

JEL classifications: B14; B31

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ МАРКСА И ЕЕ НАПРАВЛЕННОСТЬ: ПЕРЕОЦЕНКА РАННЕЙ ПОЭЗИИ МАРКСА

Юйвэнь ЛИ,

PhD в области политической философии, заместитель декана,
Школа марксизма, Пекинский университет,
Пекин, КНР,
e-mail: yuwen@pku.edu.cn

Ранним поэтическим творчеством Карла Маркса довольно долгое время пренебрегали в современных академических кругах; исследователи марксизма обходили его стороной. Как правило, большинство ученых рассматривают

эти произведения как любовную поэзию, выражающую подростковую увлеченность, жажду любви – не более. Иными словами, – и идея банальна, и содержание – узко. Данная статья опровергает это предубеждение по отношению к поэзии Маркса и раскрывает поэтическую тематику в связи с философской, а зачастую и политико-экономической, значимостью его раннего творчества. Так, автор полагает, что романтические влияния на молодого Маркса и его увлеченность философией, нашедшие отражение в его поэзии, выражают политэкономические взгляды Маркса на современную ему систему производства и социальные отношения, характерные для капиталистического общества, в котором он жил. Одним словом, Карл Маркс продемонстрировал в своих стихах этос гуманиста, критическое мышление и эстетическое чувство. Эти стихи – лучшее свидетельство происхождения его поэтической философии и политической экономии. В них тонкий ум Карла Маркса прокладывает дорогу для развития его философского наследия и политэкономических исследований.

Ключевые слова: Карл Маркс; поэтическая философия; политическая экономия

I. Introduction

Karl Marx is a man of time and history, his deep influence upon the contemporary world is unprecedented. His outstanding contribution to the communism which changes the world for the recent 160 years is quite well-known to the world, yet what is unknown is his literary contribution to human ethos through all his early poems. In fact, Karl Marx is not only an excellent philosopher, but also an outstanding writer. He wrote quite a number of poems before and during his college years. Unfortunately, these poems were taken for granted as of unimportant and therefore received less attention by researchers on Marxism. In fact, most people believe that Karl Marx was too young to be taken as a real thinker. Therefore, what lies between youth and maturity often were taken more a void than a link in the case of Karl Marx. This paper, through a careful study of the poetic theme and actual text, argues that the gap between adolescence and manhood can be the distance between confusion and edification, negation and achievement, romantic self-involvement and the reality of life in the world, most of the poems by young Marx have already taken serious subjects born with solemnity of humanistic and social importance. They are, in fact, the special record of the formation of Marx's world outlook and life axiology. What's more, we may observe an obvious continuity between Marx's poems and his later works, either in perspective of economics, philosophies or in scientific socialism. These connections may fall into two categories, one is style of writing, such as his fond of metaphor, his use of allusions, his construction of complex sentence, the second is subject matter, even though clear evidence of Greek Tragedy may be found in Marx's poetry, yet almost all the subjects he later probed has ever been toughed in his early poetry, even thought the early ideas may be shallow and immature, or ever greatly changed years later. In this sense, these poems bear many philosophical propositions which prove them to a world literature as of great importance to be the legacy of Marx, especially to any study of his later thought which wants to take Marx as a complete thinker.

II. The subject matter and meaning of Marx's poetry

(1) why Marx's poetry receives less attention?

The fact that later researchers pay less attention and humble appraisal to Karl Marx's poetic works attributes to the following reasons: a modest comment by Marx himself and

his friends, the hasty conclusion by his biographer and the inadequacy of study on the formation history of Marxism. First, in a letter dated Nov. 1837 which Marx wrote to his father, his abasement upon those poems goes like the following: nevertheless, they are purely idealistic, censure to the era, unsteady and fuzzy sentiments, lack of naturalness, sheer fabrication, complete opposition of present and past, rhetorical arrangement in place of poetic thoughts, boundless and far-flung yearning exposed in various forms, all these make the poems loosen and fall into pieces (*The Complete Anthology...*, 1982. Pp. 9–10). This comment echoes with that of Friedrich Engels in his later years and also that of Laura, Marx's second daughter when she passed Marx's manuscripts to Franz Mehring for Marx's biography. Second, Marx's biographer, Franz Mehring, regards the poems as "romantic sound of harps" which belong to "sheer immature works" (*Mehring*, 1920. Pp. 25–28). His comment goes like that: "these youthful poems bear no more than trite romantic tones, with no actuality at all. Besides, they show only inept skills in writing poems." (*Mehring*, 1985. P. 19). Third, modern studies on Marx's thought have laid emphasis on his philosophy after 1840s and his social reformation theory afterwards, especially on Marx's research interest, also where his great achievement came to spotlight, in the economic-political issues in the social science sphere. Therefore, the traditional interpretation of Marx's academic history and his works always take the stand of a postponed starting-point at the beginning of 1840s when Marx finished his college life and turned to be social labor. At that time, his interest has shifted from literature to philosophy, his logic of thinking has shifted from romanticism to realism. However, all the above three reasons provide no solid proof for underestimating and neglecting Marx's early poems. Even though Marx himself did not sing high praise for his poems, yet he never put a denial on all the early literary works. On the contrary, he was very positive to the fiery sensibility and enthusiastic pursuit harbored in those poems, admitting that writing poems, especially love poems was the most pleasing and agreeable subject at that time. And what's more, he did intend to publish a book of poetry. Wolfgang Becker wrote in his book entitled *Karl Marx* as the following: "even though it wasn't long for this young poet criticizing his own work, yet the two poems published in 1841 did receive good comments." (*Beker*, 2001. P. 25). Praver also pointed out that when Karl Marx began his analysis on his own poems with his intelligence of criticism, it does not mean that he is doubtful with the function and effect of his works to his real life. He explained to his father that one usually writes love poems in important transitional period in life so as to 'erect a monument for what he has experienced, so that they can regain the position in real action as in our emotional life.' These poems, which are the result of past experience, whence created, would be touchable to kind reader (*Praver*, 1980. P. 25). After a humble self-evaluation on his poems, Karl Marx put forward his ideas on the purpose and artistic spiritualism of writing poems. He paid attention to the natural appetency existed in between life transition opportunity and lyric sentiments, declaring that in the moment of transiting, it's easy for anyone to have sentimental feelings, for every change of life image in one way maybe an ending masterpiece, in the other maybe a prelude of a new great piece. Poems written in these occasions tend to help the glory of life last for long (*Marx and Engel's Comment...*, 1960. P. 165). Next, as we mentioned earlier, that the first biographer Mehring apparently made a hasty judgement while he heard the brief comment by Friedrich Engels which passed on by Marx's daughter. No doubt, Mehring's first comment had a strong influence upon the later researchers. Contrasting to the earlier biographer, the writers on Marx today are seemingly careful and subjective in dealing with Marx's poems. One example is David McLellan, who comments on Marx's poetry with detailed nicety. Finally, the inadequacy of academic study on Marx's early thought, which may be the real reason why Marx's poems are overlooked in general. I believe it is out of the traditional rigid way of thinking that causes this missing. For, to the readers and researchers, especially the one who defines himself as Marxist researcher will easily skip the young Marx's thought because he will naturally assume a youngster has no important thinking and ear-

lier Marx has only adolescent yearnings common to anyone of his age. Without a careful study of the continuity of Marx's thought, it's easy to fall short in getting the deep world of his poems. However, it is obvious that young Marx should not be overlooked if a complete Marx is to be fully understood. As Wessell has put it as "it is unreasonable to neglect Marx's poems unconsciously or to take them as parenthesis to his autobiography" (Wessell, 2008. P. 5). As a matter of fact, if we are reasonable enough, we would believe that Marx's thought has maintained a gradual process till its maturity, it is not marked by a sudden moment, or by an abrupt idea coming to his head. Therefore, a careful study of Marx's early poems may indeed help us to gain a better understanding of Marx and his theory, deepening our recognition of Marx's inner world and life experience, his character, his ideal and his dream even when he was young.

(2) The subject matters of Marx's poetry

Up to now, thanks to the MEGA contribution, a total number of 164 poems were found written by young Marx when he was a teenager. A vivid depiction of cosmos and life, a penetrating revealing of ego and others, and even a brilliant and rich imagination of dream and reality were thoroughly exposed in his poetic pieces. His explanation of the nature and society, even though intermingled with his own knowledge, his feelings, his willpower, serves as a forceful argument of the contextual thought later appeared in his theories. Normally, due to the age of the author when he wrote the verse, in addition with many of his poems are entitled *To Jenny*, many of his poems are taken for granted as love poems. It is necessary to point out that many of the poems entitled *To Jenny* actually are not sheer love poems at all. They have been mistakenly interpreted only for the sake of name. In fact, besides the poems dealing with Marx's love towards Jenny, Marx has written quite a number of sonnets, epics, pasquinade, balladry which covers not only the outpouring of his emotion but also his description of natural scenery, bearing not only his life experience but also his design for the future, embodying not only his ambition but also his expectation, expressing not only his satire towards social reality but also irony to any reaction to process. Therefore, Marx's poetry deals with a wide coverage of subject matters ranging from nature to society which includes not only social figures but also social incidents. David Mclellan therefore proposed in his book that Karl Marx took Heinrich Heine, Johann W.Goethe and Johann C.F.Schiller as examples, believing that his poems have covered all the subject matters ever touched by German Romanticism with only exception of political reaction and nationalism (Mclellan, 2008. P. 17). What still worth mentioning is Wessell, who conducted a detailed research upon Marx's poem years ago, has explained some of the typical subject matters in his own way. He picked some poems as examples. To name but a few, Wessell thought that *Creation* was a perfect description of "perpetual spirit of creation" through the formation of universe gestated in a romantic way. In *the Singer's love*, Marx set up the logic of thinking following the route of "love – soul - poem". In *Two Heavens*, Marx equated the significance of sun to love and universe in the same way. In *Poetry*, he shifted from the creative spirit of cosmos to the creative spirit of human being. In *Awakening*, Marx highlighted a bardian man with ambition. In *Song to the stars*, Marx disclosed the opposition of nature and human ethos, the contradiction between man and object. In *Harmony* and *Longing*, the pain suffered from subjective redemption of man and ego dissociation was thoroughly exemplified. In *Human life*, Marx got so close to revealing the metaphysical pattern between the subjectivity and objectivity of man, and that of the internal life and exterior flowing objects, etc. (Wessell, 2008). In order to get a better understanding of Marx's gist revealed in all his poems, I now classify these poems into four types according to the object discussed and the key words used in the text. The first type is on emotion and consciousness, which includes the poems dealing with Marx's emotional conditions and perceptive feelings. The key words used in this type of poems are as follows: miss, complain, feeling, pain, torment, misery, wish, aspi-

ration, despair, adoration, happiness, bitterness, fantasy, idol, nightmare, etc. The second type is on natural objects and scenery, which includes the poems depicting the natural scenes and legendary objects from physical world. The key words used in the poems are cosmos, sky, night, ocean, mountain, forest, wave, starlight, rose, light, cloud, flame, sun, moon, lightning, storm, brook, lanneret, etc. The third type is on figures of social life and imaginary world, which includes poems taken personnel from different walks of life and fabricated or apotheosized figures as subject. The key words used in this type of poems are as follows: singer, troubadour, maiden, lad, mater, gaffer, vrouw, boatman, bellman, woman-harpist, violinist, doctor, poet, judge, knight, royal family, godfather, jinni, goddess, demon, ghost, elf, fairy, goblin, nessie, etc. The fourth type is on the artistic and historical figures, which includes poems commenting on actual life figures and historical figures. The main objects and figures appeared in these type of poems are Albergin and Rosamond, Charles the great, Knight Gluck, Homēros, Goethe, Schiller, Kant, Fichet, Hegel, etc. From the generalization of the category and connotation of these object and key words listed above, we may find out that the poems by Karl Marx are always related to two dimensional perspectives, one is the connection between universe and human life, which might be termed as the macro-dimension, the other is between history and reality, the micro-dimension. Individuals and society are the two main components active in both dimensional categories. In either dimensional category, two central themes of love and career are always in existence. That is to say, Karl Marx's poems always deal with the subject of love and career. In dealing with all these complex objects in his poems, Karl Marx was persistent in expressing his emotion and recognition to the outside world, either in description and narration or in exposition and argumentation. As a young man of the right time, Karl Marx described the dreamy consciousness and obscure feelings entangled with the young mind in a rather philosophical way, that is to say, he enlarged the extension of a floating imagination to couplet categories such as divine universe and earthly world, darkness and light, death and renascence, sense and sensibility. Among all the philosophical categories covered in his poems, Karl Marx laid much emphasis on the inner response and psychological reaction of human being to the outside world through his own experience. In this way, in defining the relations between and among the cosmos, human life and nature, some concepts are unavoidably revealed and interpreted in a particular manner, such as, love, hatred, hesitation, suppression, alienation, evil, challenge, opposition, etc. In dealing with all these subject matters, what we can perceive from the poems are Marx's glorification of the beautiful and castigation of the evil. However, his pursuit of light future and challenge of the darkness exhibited a strong force of a fortitude figure.

(3) The connotations of Marx's poetry

In traditional Chinese saying, there is a proverb goes like that poems represent ambitions. What we learn from this proverb is that poems manifest the author's ethos, willpower and ambition, express his emotion, psychology and ideal as well. It is quite obvious that Karl Marx's poetry embodies the impulsiveness and rashness of his emotion as a youth, which would be the most superficial meaning we can get while reading these poems. But on the other side, it will be too shallow if all these poems were taken only as an adolescent love book. There are apparently a continuation in either thought and logic in Marx's philosophy deeply buried in the creation and expression of these poems even though romantic talks can be found everywhere in the poems.

As to the connotation of the poems, I believe the protruding notions are related to Marx's glorification in loyalty of love, his extreme hatred to bondage in life and expectation to freedom, his strong will in pursuit for victory, bravery to challenge the suppression and evil in inner and exterior world. Here, the complete anthology of Karl Marx and Friedrich Engels summarizes as the following:

In the three poetic books dedicated to Jenny. von. Weistwarran, He could no hold back pouring his adoration towards his fiancée, he sings for the loyalty of love and worries due to the anxiety coming from all the hardships from the family and society. At the same time, his wish to achieve is so firm that he takes no hesitation to give up anything for success. From the volume dedicated to his father and record from the Memoir and Notebook by his sister Sophia, we might perceive Marx's thirst for Knowledge and his erudition in literature and history, his fighting spirit to the evil and darkness, his sense of justice, his perseverance to truth and beauty, his opposition to bondage as well (The Complete Anthology..., 1995b. See preface. P. 2).

In almost all the poems, as far as the form is concerned, Karl Marx combined his peculiar vision of interpreting with unrestrained imagination and artistic language in revealing his personal feelings to the inner and outside world he lives in. All his elucidation upon the ideal world originates from the true faces of the real world, no matter how hard it is. Since love is usually taken as one of the central themes and the most prevailing subject in his poems, we now take the love poems as example to conduct a textual and contextual analysis so as to find out the significance of 'loving words' by young Karl Marx. As we all know, young Marx wrote many lyrics to express his love while he wandered through emotional life in his teens. A rough estimation of this type of poems amounts to 56, which bear with the name of *To Jenny* as the title or subtitle. Therefore, it is not strange at all when one takes them as love poetry at the first glance and thus believes there's nothing new in these love poems. However, things are not as simple as one usually taken it to be in the case of Karl Marx because love is not the only central theme and subject matter in Marx's life and psychological world at that time. In fact, all the difficulties bothering him so much are not the usual disagreement from family prejudice but the conflict between love and career. It is the expectation of love and fear of losing love that baffles Marx, depressing or instigating his psychological and physical responses. In some of the early poems, Marx imaged the departure and then union with his lover, followed by all sorts of conjecture relating to betray or loyalty of human feelings. What is noticeably inlaid in all these mental activities of Karl Marx can also be interpreted in the contradictory theme in his mind, that is to struggle for love or struggle for life. In reality, love is part of life to us, but as a teenager, Marx has to deal with the superiority of career first with great entanglement of sentimental feelings among which love is that one he would not like to give up at all. Therefore, all the imaginations he expressed in the poems are in line with his caring of love and career. We can not deny that fact that he wrote a lot on love, but right behind the words, there have always been care for career, that's why we can find his intention and opinion on knowledge, ideal, thought, ambition and success. Here is an example:

*Look, I certainly can write books of a thousand,
With the name of Tenny on each and every page,
Rich minds contained in all the volumes,
Feast of centuries, minds of perseverance,
The sweet rhythm, quiet lingering,
All bearing the warmth and heat of sunlight,
Like the godly merry and painful melancholy,
Are all my knowledge and my dream
(The Complete Anthology..., 1995b. P. 678).*

At the same time, it is quiet necessary to mention again that even all the poems which bearing the name of *Jenny*, are no more than gifts. As Wessell has put it, the specific figure in these love poems can never only be Jenny at all. What's more, what Marx deals is love, a common topic which is obviously the perpetual theme of all human being lasting forever. Deep in the heart of Karl Marx, "life without love is cruel and infertile" (Prawer, 1980. P. 15). No doubt, this judgement is of common concern instead of personal

business. Of course, the love story of Karl Marx is a personal matter as well as a common issue to any young man of his age in terms of the hesitation in making choice when facing psychological dilemmas and mental shocks. Praver gave an example to illustrate the transcendental complexity and contradictory situations Marx encountered when he was far away from Jenny. His example is the poem entitled *Pride of Man* in which he pointed out that Marx's view on love was not as narrow as it thought to be. The beginning sentence of this poem pictured a crowding image of modern cities which mansions and skyscrapers gathered, people suppressed under the pressure of modernity. The inhibition and nervousness that the city brought to people, which were defined as **alienation** in Marx's later works, can only be cast off through one's effort to recognize his limitless power buried in his soul and the knowledge to admit his own strength. Only by a self-redemption can one save himself, only by help himself can one be helped. The transcendental and artistic conception revealed in this poem surpassed the narrow sense of man-woman relations and sublime the content of love in a broad perspective (Praver, 1980. P. 16). Under such circumstance, it is also reasonable that author develops a type of feeling of self-inundation and swelling arrogance to despise worldly evils which appeared frequently in the poems. With this elation in mind, the poet can not help imaging himself as superior and controlling to nature. In many occasions, young Marx's confession of his love and self-recognition as heroic gods is thus unavoidable. To be exact, the category of words such as titan, warbler, manito, conveys the magic-realistic ideas of Marx as he wishes himself to be a savior of his love, his world and the world of others. These words are symbolic to interpret Marx's psychological world at that time from the perspective of romanticism as well as realism because they are the combination of actual plight and imaginary success.

Worries, fears, craze, pain and hatred, all these mood were depicted in Marx's poems and exposed to the public, but apparently they are not only the single and simple human feelings of the author, nor even that of the natural feeling of mankind. In fact, they are the inner reflection of macro-cosmos in the internal psychological and physical world. At the same time, they bear natural as well as cosmic meanings. That is to say, they are the language and bridge between the internal and external world of a poet with vision to human life. As Tocqueville explained that all things related to the existence, evolution and future of human being may as well become the most abundant resources of poem (*De Tocqueville*, 2006. P. 597), the subject matters of poetry in Marx's literary world deal with the entire life of all mankind, that is, the spiritual and psychological activities exhibit throughout the aspects of lives in economic, political, cultural, scientific, literary sphere, either individually or collectively. The two microcosmic subject matters of love and career are intricately interwoven in the dimensional exhibition of universe, life and society. In all, to expose an extensive world in grand narratives through depiction of concrete life experiences, is the uniqueness and precedence of Marx's poetry compared with his peer poets or even the poet before him. Due to the exposure of relations in between man and the society he lives, Marx could continue his thinking even when his professional interest shifted from literature to philosophy and law and his devotion shifted from personal concern to human life.

III. The ethos and value of Marx's poetic philosophy

(1) The connection between poetry and philosophy

It is well known that poetry and philosophy belong to different artistic forms of science, yet they are related in the sense of exhibiting and unveiling the nature of the world. An American author, Stanley Rosen disproves the accusation of poetry by Plato in his book entitled *The Quarrel between Philosophy and Poetry*. He expounded on the innate connections between poetry and philosophy through a careful study of the development of philosophy from Plato, Nietzsche to Heidegger. Rosen reached the conclusion that poetry and philosophy are not opposing to each other in nature. He pointed out that philosophy with-

out poetic gist is no better than poetry without philosophical theme, if philosophy bore no poetry or vice versa, then both poetry and philosophy are not agreeable, they are unworthy of commenting (*Rosen, 2004. P. 210*). In my opinion, the connections between poetry and philosophy lie in the following: firstly, both poetry and philosophy are in the position to care about the extensive category of objects in either physical or psychological world. They share the same subjective world as well as the objective world in reality and imaginary fields. A Russian literary figure, V.G. Belinskiy proposed that poetry is truth in perceptual intuition form. He believes that the real creator of poetry is nothing but physical notions which are visible and sensible through perception and interpretation of a poet. Therefore, poetry takes the same logic and content with philosophy (*Belinskiy, 1979. P. 57*). Secondly, Poetry has the similar function with philosophy in the sense that both can interpret and illustrate whatever the author wishes. They pacify the soul and heart so as to edify or to redeem. A well-known poet, T.S.Eliot defines poetry and philosophy as the diversified languages of the same world. In accordance with this definition, we may conclude that poetry and philosophy share not only the similar pattern in understanding and explaining the world, but also similar function. Thirdly, Poetry has great influence upon philosophy in the process of human spiritual maturity, and vice versa. Wilhelm Dilthey, a German philosopher took poetry as the definite tool to understand certainty in the world through thinking which expressed all the stuff appearing in human mind, including various kinds of objects, values and decisions. Therefore, He believes that poetry reflects one's world outlook (*Dilthey, 2001. P. 243*). At the same time, he reviews the history of poetry, declaring that poetry once paved the way for the birth of philosophy in ancient Greece, then the revival of philosophy in Renaissance Period. Up to now, poetry is still continuously affecting the thinking and logic of philosophers in a regular and steady way. As what on earth is the effect on the development of philosophy, Dilthey made clear that poetry prepared for the creation of philosophical attitudes towards the world since it had developed some kinds of objective considerations of world order free of purport and personal interest (*Dilthey, 2001. Pp. 253–254*). To generalize the relations between poetry and philosophy, I now introduce the proposition of Novalis, an eighteen century German poet who studied philosophy under the guidance of Fichte, which supposes the concept of "poetry of poems". Novalis believed that poetry was primarily the supreme form of philosophical knowledge, ie, poetic philosophy or philosophic poetry (*Garbtova, 2007. P. 133*). He insisted on the decisive effect of poetry upon philosophy, which can be testified by poetry's disclosing of the most significant intercommunity on limit and infinity of the universe and the mystery of interaction between man and nature. Based on this argument, Novalis alleged that poetry might be the key to philosophy, "the aim and the meaning of philosophy." (*Collection of Novalis, 1965. P. 528*). Of course, it is obvious that philosophy is not equal to poetry in every means. There are seeming disagreements between them. But no matter what form poetry may take up, a true poem should always bear philosophical elements.

(2) The philosophical nature of Marx's poems

Young Marx was influenced by the romantic literary trend passed on in Germany when he was still a teenager. He developed pretty good personal relations with some of the renowned poets at that time and took up the romantic style in his poetic writings. In no more than a few years, Marx wrote quite a number of poems featuring the style of romanticism. The connection of Marx's poems to literary romanticism which once was prevailing in Germany can be seen in either the style or the theme of his poems. In the aspect of style, Marx took up a free imagination of symbolism and a casual monologue to express his feelings toward nature and life. His mind was open which helped him in combining elegant verse with frenetic mood in natural ways. In narrative or descriptive verses, Marx focused on his taste of objective experience derived from the real life. While in dealing with emotional affair, Marx became so imaginative that he often described a powerful

figure in transformation who was daring to challenge the worldly order. Marx's love poems inherited the traditional romance designed to "replace the dissatisfaction with beautiful ideals". Mclellan described the style of Marx's poem as a type of subjectivism which bore self-appreciation usually seen on some creative and isolated artists (Mclellan, 2008. P. 17). However, I believe that Marx is not a total romanticist even in his poetic style. In most of his poems, we can easily trace the evidence of realism on the ground that he based most of his thinking on practical life. His ideal of life and aim for struggling can never be far-fetched from his real life despite his wild imagination and dreamy ambition. In the light of this certain way of writing, I agree with MacIntyre that Marx's poetry and legend served not only as a narration of the earthly life, but also as a vivid exhibition of life patterns existed in this narrated life (MacIntyre, 2003. P. 157). In this sense, the realistic meaning of Marx's poems goes beyond the romantic meaning, resulting in the enhancement of realistic philosophy for Marx's theory. Because of the limitation of wording, Marx's poems certainly are not suitable to take the form of solemn philosophy, but they've already send out messages of philosophy.

Now it comes to the aspect of poetic themes. As to romanticism, poetry offers principles concerning mankind as well as universe. Even though they always tend to be transcendental, the romantic poets in general believe that the religious mission of poetry lies in revealing of the meaning of reality. Therefore, romantic poems may as well take real life as their contextual ground. Praver mentioned that Marx's poetic themes can also be found in other works by romantic poets, such as **Wilhelm Heinrich Wackenroder, Ludwig Tieck, E.T.A.Hoffmann, Ludwig Achim von Arnim, Clemens Brentano**, not even to mention that of **Johann Christoph Friedrich von Schiller, Johann Wolfgang von Goethe and Heinrich Heine**. In fact, what Marx surpassed romantic poets in significance is that he took reality as the foot-stand and starting point of his poetic logic. In his own poems, Marx concreted his feelings and mood in particular objects, unique characters and special circumstances, thus releasing his interpretation of the outside world in a way of spiritual wandering. He took much care of the inner reflection of the objective world and disclosed the self-struggle of human being in almost all his poems.

One of the features depicting the philosophical nature in Marx's poems is his consideration of the practical life. It is the care of the real world and thus practical life that helps Marx to shake off the notional entanglement of romanticism and to turn to realistic outlooks. The practical using of many natural objects and phenomena provides enough evidence to Marx's realistic view harbored in the bottom of his heart. As to the frequent appearance of elves, sirens or gods in his poems, it is necessary to learn of their symbolic noumenon and his artistic thinking in employment of these imaginary figures. Even for the floating inspirational objects that Marx himself mentioned, they are out of nowhere but the real life and physical world. Therefore, all poems by Karl Marx came out of his life experience, which undoubtedly pave the way for the development of his thought. Mehring once pointed out that the realistic images in Marx's poems were short of the magic and charm which romanticism usually possesses, on the contrary, Wessell believed that it was Mehring's mistake that he supposed romance completely faded away in Marx's poem. The decreasing of romantic meaning in Marx's poem is no dying of romance in the genius' mind than the radical evolvement of romanticism along with the changes happened in all round of the society (Wessell, 2008. P. 5).

The other feature exhibiting the philosophical nature of Marx's poems lies in the subject matters and categories which were further proposed in Marx's works where he expounds on the formation of dialectical materialism. Here is an example, the subject of independence and creation repeatedly mentioned in his early poems were brought up and sublimed in detail in his *Economic and Philosophical Manuscripts in 1844*. it goes as the following:

No any existing object can be conceived as independent until it stand on its own foot and only when it depends on itself, can it be conceived as standing on it own foot. One who

depends on the mercy of others is nothing but take him as an appurtenant existence. However, if one not only support my life but also creates my life, then he'd be my life resource. By then, I'll be totally dependent on his mercy. In other words, were my life not out of my own creation, there must be a resource apart from me (The Complete Anthology..., 1986. P. 129).

The above quotation is a discussion on the actual relation between self and others existing in social life. It echoes with the central theme appeared in Marx's early poems and touches upon the nature of his study on mankind in terms of its social relations. What has been proved here is that some of the philosophical clues in young Marx's thought, now have been brought up as a formal philosophical proposition along with Marx's theoretical attention.

Generally speaking, the poetry of young Marx reflects the spontaneous perception toward life and nature, which were perfected in his later works. To be concise, the early poetry can never be an equivalent to his later philosophical thesis, either in the depth of theoretical recognition or on the nature of philosophical beliefs. However, as Marx himself has put it, "lyrics undoubtedly became my primary subject of writings at that time. At least they are the most agreeable and pleasing subject matter." (*The Complete Anthology...*, 1982. P. 9). In a dynamic perspective of judgement, I believe that Marx's philosophy has grown from an individualized small world to a socialized greater world ever since his youth. Centuries later, when it became a role-model of a world philosophy resulting from the gradual evolvement of an ethnic philosophy, it is no doubt that the starting point as well as the origin of Marx's philosophical thinking are deeply rooted in his early poems, because what we can perceive from these poems are not only his philosophical style and logic, but also his feelings towards the society and the era.

(3) The value of Marx's poetic philosophy

Judging from the subject matter, central theme and connotative ethos, the poems of Karl Marx are more than literary pieces. Due to the philosophical content carried by these literatures, it may well be regarded as a type of versified philosophy dealing with the actual life and realistic world of the author. In general, the values of Marx's poems are at least can be seen in the following.

a. value of life solicitude

The criterion of poetic excellence lies not in the verbal form, rhythm or beats of lines but in the concern the poem extends to the internal world and external ones which are the cardinal connections between the gist of poetry and all the realities relating to mankind and society. What's more, good poetry should always care about the most valuable elements existing in the human life. Hegel once defined art in the way that most of the sensible forms and sounds exhibited in the art pieces were not for the existence of what they were felt to be, but for the catering of a higher level of spiritual purport because they were capable of responding to the inner voice of human demand (*Hegel, 1920. P. 53*). Coincidentally, Dilthey believed that poetry was capable of manifesting incidents in which it meaning could be proved, no matter it was epic or lyric. Dilthey's supposition is based on the fact that any incidents could be meaningful so long as they explain something concerning the nature of life. He therefore pointed out that poetry was the organ to understand life (*Dilthey, 2001. P. 245*). These assertions fit quite well with Marx's poem. In fact, while exposing his psychological intuitions to the world, Marx paid much attention to many important issues of mankind, such as love, life, death, cosmos, society, etc. Thereby, the poems by Marx became the window to the outside world and the tool to feel for life and society around him.

Clearly exhibited in some of the poems is Marx's indulgence to individual emotions, especially his experience in love. But in general, Marx talked about the life and future either of his own or of the mankind. And he talked about all these from the bottom of his heart and inspiration of his life. What he finally realized is the principles of universe and

the significance of salvation which lead to a deeper understanding of eternal life. When coming to this point, Wessell made a similar explicit statement as follows. Here I quote as follows, "the language of poet is not for duplicating the nature, nor is it for narration of sheer personal emotions. On the contrary, it saves the soul of the mankind from the control of profane life. In this process, objects are turned to be the song of ethos, or ethos itself. Therefore, they are holy and humane." (Wessell, 2008. P. 7). He also appealed that whenever we study the poems of Karl Marx, we should not forget the universal feeling he had when he wrote the lines because he was trying to explain the core value of life through discussing life and death. Thus speaking, the romantic poems he wrote are far more than being a biographical mark, they dramatize the existence of universe and the meaning of existence itself (Wessell, 2008. P. 9). All in all, I believe that the common feeling and ultimate concern of life solicitude are utterly explained through his imagination and perception. Marx showed his capability to care for spiritual existence of human being in his poems, which echo with the immortal theme of Marxist philosophy.

b. value of critical reasoning

Heidegger claims that the nature of poetry is to create truth (*Selections of Heidegger, 1996. P. 285*). In Marx's poetry, the truth is that all the subject matters were taken from real life, which exemplifies the transition of human philosophy from romanticism to realism. We can read between the lines and learn of the truth on Marxist philosophical world outlooks, that is, the origin of revolutionary criticism. It's a pity that Marx's criticism was grounded on the subjective intuition which can only be defined as idealistic criticism. In the early poems, Marx laughed at the manners of "ordinary people" when they talked about arts. Through a keen observation, Marx disclosed the disordered "fake consciousness" and vulgar expectations in the manners when philosophers and man of letters discuss literature. Praver reminded repeatedly of the criticism Marx had when he put judgement on writers and philosophers ranging from Hegel to Pustkuchen. He mentioned that Marx ironically criticized them where he believed they were wrong (*Praver, 1980. P. 18*). In fact, the gist of realistic poetry lies in its criticism to subjective romanticism. Marx's criticism to both the physical world and the spiritual world helps the growth of his bravery in philosophical criticism he later employed in many of his works. For example, in one of the epigrams, Marx laughed at the mess in Hegel's language and thinking, claiming that the professor's language has been messed up by nothing. His irony goes like "a dip of thought may be named cognition, a flash of mind may be termed as thinking." At the same time, Marx also criticized the classic idealistic philosophy so as to express his own ideas. He wrote as in the following, "Kant and Fichte are flying in the sky, probing to the unknown in darkness. I, nevertheless have no aim for that, hoping to lay on the ground for all." (*The Complete Anthology..., 1995a. P. 736*). What Marx criticized here is the abstract and empty logic of Kant and his advocates for their absurd deduction from axiom to result. He hoped to pay more attention to logics of social reality with a free mind. Apparently, Marx's holdfast to critical reasoning is not biased in putting judgement on philosophical forefathers. His criticism was out of a seemingly reasonable attitude when he came to the theoretical notion systems of those renowned philosophers. For example, young Marx once harbored loathsome sentiments towards Hegel's philosophy, his criticism then is based on the ground of truth. He agreed with the dialectical logic which Hegel proposed and inherited from him even when disagreed with his notion of the world. In fact, in the poems of criticism upon Hegel, Marx has never made a complete denial to Hegel's work. What is worth mentioning is that Marx's critical comments were not only for other, but for himself as well. His criticism to his early poetry and its style was quite noticeable. He put a satirical comment on his adolescent romantic sentiments, asserting that "a realm of real poetry has made all his poems vanish at once." (*The Complete Anthology..., 1982. P. 14*). What is still worth mentioning is that Marx has reached to ancient tradition for rhetorical allusions, but he has never given up being reasonable in judging the history. Far behind his

criticism, there existed his liberal tolerance and reasoning to interpret and understand the world, either spiritual or natural.

c. value of aesthetic consciousness

As Tocqueville has put it, poetry is a probe to ideal. "The purpose of poetry is to beautify the reality and to provide the most beautiful image for human spirit." (*De Tocqueville*, 2006. Pp. 593–594). Coincidentally, the year when Tocqueville made such assertion on poetry was exactly the year when Marx wrote down most of his romantic lines. Unfortunately, what Tocqueville asserted and also exhibited in Marx's poem, the beautiful lines depicting the psychological and physical nature has received not many attentions ever since then. But deep in the lines of Marx's poem, there exist recognitions of beauty. In most of the verses, no matter what form they take, aesthetic connotations are prevailingly conceivable. In my opinion, Marx has persistent ideal to create a beautiful world. There are at least six types of beautiful scenes either psychologically or physically appeared in Marx's poems. To name as defined in the poems, they are the beauty of universe, of youth, of love, of humanity, of ideal and of struggling. In fact, all these types of beauties have been deeply buried in the contextual meaning, and the verbal expression may be just a carrier of sense to that effect. Besides the innate characteristic of poetic beauty, what presented in the poems of Marx proves nothing but his consciousness to realize the natural beauty. Marx glorifies the spirit of fighting against evil, the bravery of challenging darkness, the pride to defeat banality in most of his narrative poems. His admiration of love and singing for loyalty in lyrics tell the world of his understanding of beauty. Through out the poems by Marx, the word "beauty" has appeared in the lines for an estimated frequency of over 300 times, and the beautiful sceneries in his description were also over 100. What we learn from this estimation is that Marx has indeed put much thought, intentionally or unintentionally, to the natural beauty which echoes with his subjective interpretation of the world.

(3) The Political economic connotation and its relation to Marx's poetic philosophy

After dealing with the philosophical significance of Marx's poetry, now let's turn to the last but not least important point of its political economic connotations. Modern scientific analysis usually separate academic disciplinary one from another and offers concrete analysis based on positivism. Therefore, it is not easy to perceive the deepest connotations and true-to-fact essence of Karl Marx's poetry. We have to admit that a large of amount of poems by young Marx reveal the fantasy and dreams of his own love life. In fact, most of the poems by Karl Marx, which seem to be out of his young warmth and adolescent effort to cry for love, yet imply the social relations undergoing in real German society transiting from feudalism to capitalism, revealing the interpersonal and interclass clash and class crises of bourgeoisies society, also dealing with the conflicts in the author's inner world also the outside realities of the worldly life he lived.

Other than the criticism of the corrupted lifestyle and world outlooks of the feudal ruling class and aristocracy, the focus of most Marx's poems is the actual life of different walks of life, such as those of the sailors, singers, physicians, rich and poor, man and woman, fairy and goddess, beggar and giver. To ponder a bit, we can not help to wondering the background and causes to the tragedy of the common people, and the extravagance of the privileged. You may argue that in his poems, Karl Marx never said that it is the actual progress of productive force and drastic change of productive relations that decides the at-present social status and class division, therefore the presence of their life pursuits, their ideals, and their worries. So to speak, though there is only a glimmer of thought to deal with the social production, and to deal with the political economic subject matter never happened in his young ambition. However, in the realism and narrative poems, especially the ironies and poems devoted to his father, Marx questioned the interpersonal relations and wondered the causes of human nature and the reason underlying human behavior.

Luckily enough, Karl Marx gave us the preliminary answer that the reason of class division and value difference among those figures mentioned in the poems, is due to the underlined economic relations designed by the material production of the actual world.

Let us take a very short poem entitled *The Employment Contract* as an example. In this poem, a one sentence dialogue between hostess and maid started with the question of the hostess, demanding an open attitude at any possibilities to the maid concerning her employment. The dialogue goes like the following,

Hostess: tell me, frankly, what else do you want?

Maid: We know all is okay, except one key issue

In order not to turn the cold shoulder to my family

I ask, for at least one heart-to-heart treat and talk in every month of my employment

The dialogue is short, yet the conflict between the employer and employee is big, the contradiction between the aristocratic ruling and the poor employed class is fierce. In this vein, most of the wonders, questions and critics in Karl Marx's poems, seeming carry a more serious political and economic theme than the apparent floating of words.

IV. Conclusion

Though filled with a realm of dreamy feelings and romantic fervor, together with the adolescent enthusiasm and critical rebellion, the poems by Karl Marx bear a strong urge for a sense of personal virtue, a firm willpower to rescue humanity from its agony, a struggle for something bigger than personal gains in nature. And with its traditional pre-occupation with love, death, nature, and transcendence, these poems seemed coherent to the critical methods seeking to discover the essence of life and the world. As to the transition of his central theme from romanticism to realism hidden in these literary works, it is in fact the reflection of specific social conflicts and historical conjuncture. William Blanchard once put it as "there was in him constant friction, an incompatibility with his surroundings, coupled with driving ambition. He expressed it very well in one of his early poems." (Blanchard, 1984. Pp. 365–374).

(1) As mentioned earlier, Marx's poetry should not be taken as sheer literary debut of his career because the diversified subject matters in these poems are indeed philosophically realistic even though they are colored with romantic imaginations. As a matter of fact, What Marx cared in most of his poems is not a private life but a public life, viewed from the sublimation of central themes which can be proved by the transcendence from minor object to greater concern. In general, he cared much more about a soul in common instead of a person in life. As Galotti has put it, the argument of Karl Marx has always been invariable from the very beginning to the very end. The gist of Marx's philosophy, economics and politics is that everyone has to be taken as a single person, that is to say, he has to be his own creator." (Galotti, 1976. P. 203).

(2) For the early poems, it is probable that Marx talked a lot about love. But along with the recognition of dilemma and true meaning of love, Marx shook off the chain of emotional bondage and turned to social concerns of mankind, especially a lead to the political economic matters of the human society. In the transition of his poetic style, we can not deny of Marx's imitation of romanticism at the beginning as well as his prone for realism in the end. However, his rigor criticism and grave irony towards romanticism symbolizes nothing but his progress towards real social problems, which lead to his final devotion to political economy and social philosophy.

(3) An analysis of Marx's methodology in his poetic writing may reveal his contribution to the development of German philosophy as well as philosophy of mankind, feudal political economy to capitalist political economy. In combing romantic feelings with realistic concerns, Marx has put his artistic writing into a description of social life, with social reality brought close and served as the ultimate foundation to poetic thinking, his critical thinking of human society. Therefore, the most impressive characteristic of Marx's poems

is that they are the combination of sentiments and sensibilities, with emotion and reasoning as the basic element of his fundamental logic to political economy and social-political philosophy.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Beker W. (2001). Karl Marx. Hebei Education Press.
- Belinskiy V. (1979). Glance of Russian Literature in 1847. Foreign Theorist and Writers' Comment on Imaginal Thinking. China Social Science Press.
- Blanchard W.H. (1984). Karl Marx and the Jewish Question. *Political Psychology*, vol. 5, no. 3, pp. 365–374.
- Collection of Novalis (1965). Vol. 2. Stuttgart.
- De Tocqueville A. (2006). *Democratie en Amerique*. Book two. Beijing: The Commercial Press.
- Dilthey W. (2001). *Meaning in History*. Beijing: China City Press.
- Galotti E. (1976). Karl Marx, The evolution of his thought. New York.
- Garbtova P.M. (2007). The German Romantic Philosophy. Beijing: Central Compilation & Translation Press.
- Hegel G.W.F. (1920). *The Philosophy of Fine Art*, vol. 4. London.
- MacIntyre A. (2003). *After virtue*. Nan jing: Translation Press.
- Marx and Engel's Comment on Art (1960). Vol. 1. Beijing: People's Literature Press.
- McLellan D. (2008). Karl Marx: A Biography. China People's University Press.
- Mehring F. (1920). *Aus Dem Literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels*, 4 vols., vol. I. Stuttgart.
- Mehring F. (1985). *A Biography of Karl Marx*. Beijing: People's Press.
- Prawer S.S. (1980). *Marx and World Literature*. Beijing: San lian Bookshop.
- Rosen S. (2004). *The Quarrel between Philosophy and Poetry*. Hua xia Press.
- Selections of Heidegger (1996). Vol. 1. Shang hai: SDX Joint Publishing Company.
- The Complete Anthology of Karl Marx and Friedrich Engels (1982). Vol. 40. Beijing: People's Press.
- The Complete Anthology of Karl Marx and Friedrich Engels (1986). Vol. 42. Beijing. People's Press.
- The Complete Anthology of Karl Marx and Friedrich Engels (1995a). Vol. 1. Beijing: People's Press.
- The Complete Anthology of Karl Marx and Friedrich Engels (1995b). Vol. 40. Beijing. People's Press.
- Wessell L.P. (2008). Karl Marx, Romantic Irony and the Proletariat: The Mythopoetic Origins of Marxism. Shang hai: East China Normal University Press.

CRITICAL ATTITUDE TOWARDS THE THEORY OF DIGITAL SHADOW ECONOMY: LITERATURE REVIEW AND NEW FOUNDATIONS

Ligita GASPARĖNIENĖ

Mykolas Romeris University,
Address: Ateities str. 20, LT 08303,
Vilnius, Lithuania
e-mail: ligitagaspareniene@mruni.eu

Rita REMEIKIENĖ

Mykolas Romeris University,
Address: Ateities str. 20, LT 08303,
Vilnius, Lithuania
e-mail: rita.remeikiene@mruni.eu

Romualdas GINEVIČIUS

Vilnius Gediminas Technical University,
Address: Saulėtekio al. 11, LT-10223
Vilnius, Lithuania
e-mail: romualdas.ginevicius@vgtu.lt

Arjan SKUKA

SS. Cyril and Methodius University,
Address: Goce Delcev 9, 1000 Skopje, R.
Macedonia
e-mail: arjan.skuka@gmail.com

This article is aimed at the complement of the theory of traditional shadow economy with the definition, features and channels of digital shadow economy. The issue of digital shadow economy is indeed new and, considering it as a branch of traditional shadow economy, very young. According to the results of the national scientific project "Digital Shadow Economy" the definition of digital shadow economy has been developed; the distinctive features and the main channels of digital shadow economy have been identified. The position of consumers' towards the phenomenon of digital shadow economy and consumers' motives to buy products/services in digital shadow markets has been found out as well.

Keywords: digital shadow economy, concept and features of digital shadow economy, theory of digital shadow economy

Acknowledgements: This work was supported by the Research Council of Lithuania [grant number MIP-15642]

JEL classifications: E26, O17

КРИТИКА ТЕОРИИ ЦИФРОВОЙ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И НОВЫЕ ОСНОВЫ

Лигита ГАСПАРЕНЕНЕ,

университет Миколаса Ромериса,
Вильнюс, Литва,
e-mail: ligitagaspareniene@mruni.eu;

Рита РЕМЕКЕНЕ,

университет Миколаса Ромериса,
Вильнюс, Литва,
e-mail: rita.remeikiene@mruni.eu;

Ромуальдас ЖИНЕВИЧЮС,

Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса,
Вильнюс, Литва,
e-mail: romualdas.ginevicius@vgtu.lt;

Аржан СКУКА,

Университет Святого Кирилла и Мефодия,
Македония,
e-mail: arjan.skuka@gmail.com

Цель статьи – дополнение теории традиционной теневой экономики определением, представлениями об особенностях и каналах цифровой теневой экономики. Цифровая теневая экономика – действительно новое проблемное поле, рассматриваемое как очень молодое ответвление традиционной теневой экономики. Согласно результатам национального научного проекта «Цифровая теневая экономика», разработано определение цифровой теневой экономики, а также обозначены отличительные особенности и основные каналы цифровой теневой экономики. Кроме того, выявлено отношение потребителей к феномену цифровой теневой экономики и потребительские мотивы покупать товары и услуги на цифровых теневых рынках.

Ключевые слова: *цифровая теневая экономика; понятие и особенности цифровой теневой экономики; теории цифровой теневой экономики*

Благодарность: *Данная статья подготовлена при поддержке Исследовательского совета Литовской Республики (грант номер MIP-15642)*

Introduction

Although the advancement of IT and the Internet has greatly expanded business opportunities, it also provided the environment for the performance of illegal activities online, and gave birth to a new category of entrepreneurs who operate outside law or at the boundaries of law (Dobson et al. 2015; Fuschi, Tvaronavičienė 2014; Teivāns-Treinovskis, Amosova 2016; Allabouche et al. 2016; Rezk et al. 2016; Samašonok et al. 2016; Belás et al. 2016; Tvaronavičienė 2016), which, in turn, leads to wide scopes of digital shadow economy.

With reference to Amasiatu and Shah (2014), the success of online business transactions to a large extent depends on mutual trust and identity confirmation/authenticity because many agents operating in e-space aim at the gain of dishonest financial benefits.

Growing scopes of economic activities, which are difficult to define, as well as an increasing number of unidentified subjects and objects operating in e-space have become the most urgent economic issues of the recent decade. Via remote platforms like social networks, e-commerce and e-business systems, e-game sites, etc., real money circulates. However, in most cases, the revenue earned in these platforms is not accounted, and the taxes to a state budget are not paid. Although the scopes of digital shadow economy have not been accurately estimated so far, following the figures announced by *Europol* (2011), the losses incurred due to unreported activities online may reach nearly 750 billion EUR per year. Growing volumes of digital activities have been confirmed by different bodies responsible for the conduction of economic analysis. For instance, U.S. Government Accountability Office (GAO) estimated that the value of the losses incurred as a consequence of different types of cybercrime make nearly 117.5 billion US dollars per year (GAO, 2007).

Due to the reasons explicated above, both developed and developing countries are trying to find the ways to reduce the scopes of digital shadow economy without violation of individual and business rights to privacy (Astrauskaitė, Paškevičius 2016; Dobrovič et al. 2016; Lavrinenko et al. 2016; Pauceanu 2016).

At the same time, they face the emerging need to estimate the real value the revenue earned by agents in e-space. Lack of the official statistics on the real scopes of digital shadow economy in both local and global terms causes major difficulties to develop the measures of digital shadow economy prevention. Indeterminancy of the phenomenon of digital shadow economy exacerbates the problem even further.

Thus far, the research on the issues of digital shadow economy has covered the analysis of the single forms and manifestations of this phenomenon, in particular, cybercrimes like hacking into online banking systems, cracking of PIN codes or steal of credentials (Yip, et al. 2012; Holz et al. 2012; Bossler, Holt 2012; Thomas & Martin, 2006; Mello, 2013; Vlachos, et al. 2011; Amasiatu & Shah, 2014; Zorz, 2015), e-fraud (Mello, 2013; Vlachos et al., 2011; Amasiatu & Shah 2014), and digital piracy (Sirkeci, Magnusdottir, 2011; Camarero, Anton, & Rodriguez, 2014; Camarero et al. 2014; Taylor 2012; Arli, Tjiptono, & Porto, 2015; Yu, et al. 2015). Some authors also analysed the motives of subjects' involvement into illegal activities online (Williams, Nicholas, & Rowlands, 2010; Sirkeci & Magnusdottir, 2011; Amasiatu & Shah, 2014; Vida, et. al., 2012; Taylor, 2012; Arli, et. al., 2015; Yu, et. al., 2015). Nevertheless, the phenomenon of digital shadow economy has not been analysed in complex. Moreover, the definition of digital shadow economy has not been developed either in national or international levels, which would be truly purposeful minding the rapid penetration of e-communications and the expansion of e-business. In addition, although scientific literature is rich in different interpretations of illegal (underground) activities online, such illegal activities as cybercrimes, digital piracy or e-fraud should not be included in a definition of digital shadow economy since they refer to crimes and criminal responsibility rather than to performance of shadow economic activities. Hence, an exact and clear definition of digital shadow economy as well as identification of the features and channels typical of this phenomenon could help to form a clear notion of what this phenomenon refers to, and would contribute to the improvement of the methodologies of shadow economy estimation.

This article is aimed at the complement of the theory of traditional shadow economy with the definition, features and channels of digital shadow economy. In order to fulfil the defined aim, the following objectives have been raised: 1) to analyse the scientific literature on the issues of digital shadow economy focusing on theoretical interpretations, features and channels of this phenomenon; 2) with reference to the results of the empirical surveys conducted over the period of the last two years, to complement the theory of traditional shadow economy with the definition, features and channels of digital shadow economy.

The concept of digital shadow economy and its theoretical interpretations: a literature review

According to *Bossler and Holt (2012)*, a substantial share of shadow economy revenue is generated in e-space. This attitude is supported by *Holz et. al. (2012)*, who note that growing scopes of digital economy make conditions favourable to illegal digital business, which, in turn, leads to the increase in digital shadow economy. Rapid advancement and changeability of IT make observation and perception of the phenomenon of digital shadow economy a truly challenging task. Without any clear definition of digital shadow economy, its accurate scopes cannot be estimated because it remains vague which illegal (non-recorded) digital activities should be considered as digital shadow activities and included in statistical estimations, and which of them should be left for criminal consideration.

Minding an aggressive nature of digital shadow economy, the concept of digital shadow economy can be aligned with the term of "digital underground economy", which refers to conduct of repeated illegal activities online in a global scale. According to *Yip, et al. (2012)*, such activities are aimed at the achievement of incredibly complex wide-scale objectives (*Yip, et al. 2012*). As it was noted by *Moore, Clayton and Anderson (2009)*, digital underground economy refers to trade in the Internet, when the agents act openly, without any need to hide, although their actions are treated as illegal. *Herley and Florencio (2010)* interpret digital shadow economy as an online crime, which is committed aiming at particular gains (e.g. benefits or profits). The authors also note that the scopes of such crimes commonly exceed the capacities of a closed group of agents.

Considering illegality of activities as the main feature of digital shadow economy, the concept of digital shadow economy can be linked to the term of "cybercrime". In the scientific literature, a cybercrime refers to a strong underground economy that provides and produces tools and channels for crimes online (*Mello, 2013*). On the other hand, a cybercrime may refer to technologically advanced criminal activities that cover employment of malware causing serious threats to consumers, organisations and business enterprises as well as to the entire public sector (*Vlachos et al., 2011; Ferreira et al. 2015*).

According to *Smith (2015)*, cybercrimes are remote crimes, which are committed by the Internet, when an illegally acting agent embezzles somebody else's assets or resources. Resources can also be embezzled by violating intellectual property rights, and in many other ways. Illegality of an action is recognised following jurisdiction of a state's government, i.e. it is recognized in the crime scene, but not in the place of origin of the crime.

Hence, the analysis of the scientific literature has revealed that the nature and different interpretations of digital shadow economy are closely related to the concept of cybercrime, proposing that digital shadow economy can be interpreted as an illegal online activity, which is conducted aiming at misappropriation of somebody else's assets and/or resources (*Smith, 2015*). *Amasiatu and Shah (2014)* call cybercrimes "faceless crimes", which, actually, are referred to as illegal activities that are performed in Internet networks or via information technologies. According to the authors (*Amasiatu, Shah, 2014*), illegal business activities are commonly linked to retail.

The above-introduced concepts of cybercrimes mainly refer to the operations of illegal sellers or service providers. Indeed, the link between the notions of a cybercrime and digital shadow economy seems logical because both of the notions refer to generation of illegal flows of money in digital shadow economy. Nevertheless, the definition of digital shadow economy should not be interpreted only as illegal flows of money. Illegal consumer activities (or deviant behaviour) in e-space (e.g. downloading of particular products/services from the Internet without any payment or with a partial payment only) should also be considered as a part of digital shadow economy because such behaviour deprives legally operating agents (natural or juridical persons) from a share of their potential revenues, which could be legally earned and declared. Scientific literature often links illegal or deviant consumer behaviour online with the term "e-fraud". E-fraud may

refer to consumption of illegal copies of particular products or services (*Ho & Weinberg, 2011; Taylor, 2012; Arli et al., 2015*), violation of the terms of a contract establish online (*Hjort & Lantz, 2012*) or breach of trust between the contract parties (*Amasiatu & Shah, 2014*). With reference to *Amasiatu and Shah (2014)*, trust is breached when one contract party refuses to comply with the contract terms. On one hand, a consumer is a party that may act unfairly and fail to comply with contract terms in order to get benefits from unfairness. Such unfair consumer behaviour is called a first party *fraud* (*Amasiatu & Shah, 2014*). *Vlachos et al. (2011)* note that the largest number of e-fraud cases are related to fraudulent transactions, when consumers are looking for opportunities to purchase goods (e.g. luxurious clothes, computers, software, music records, entertainment devices, etc.) at a discount or obtain them for free.

It should not be overlooked that interpretations of digital shadow economy found in the scientific literature go beyond the concepts of illegal trade or service provision online. The notion of digital shadow economy also covers the agents who participate in shadow activities in e-space. Illegal activities of e-consumers are often aligned with such terms as "e-piracy" and "e-crime". E-piracy (in other words, digital piracy) is described as an illegal copying/downloading of an object, which is protected by copyrights (*Castro et al. 2009; Cronan, Al-Rafee 2008; Camarero et al. 2014*). Other authors (*Jacobs et al. 2001; Ho, Weinberg, 2011*) use such terms as forgery, product thefts or piracy. The key aim of digital piracy is benefit gained from genuine, authentic brands/trademarks. In legal terms, it is violation of intellectual property rights (*Camarero et al. 2014*), when a legal owner of the rights is deprived from potential cash flows and potential revenue. With reference to *Ho and Weinberg (2011)* currently prevailing types of digital piracy cover downloading of films, music records or other digital products as well as acquisition of paper or digital pirated goods.

Leaning on the results of the literature analysis, the authors of this article support the opinion that digital shadow economy is related to illegal activities in e-space that generate illegal flows of money for illegally operating traders/service providers (supplier's attitude) and deprive legally operating entrepreneurs from the revenues that could be officially earned and reported (consumer's attitude). If digital shadow economy was treated as a system, it would combine the elements of classical and digital crimes (*Holz et al., 2012*).

With reference to the concepts and interpretations of digital shadow economy found in the scientific literature, the following definitions of digital shadow economy can be proposed:

- Digital shadow economy is a part of shadow economy, when illegal profit-driven online trade or service provision is performed. The activities of digital shadow economy tend to be of repeated or non-repeated nature, with or without changing IP addresses/computer networks;
- Digital shadow economy refers to global networks emerging in closed Internet forums and promoting chains of e-crimes, including bank attacks, payment card crimes, identity steals and other Internet intrusions;
- (Un)interrupted, financial-gain-driven provision of particular commodities or services in the remote space, performed without activity registration and causing damage to an officially registered subject, who provides similar commodities or services;
- Digital shadow economy is an illegal operation in the Internet space, which generates illegal money flows for commodity/service providers or purchasers, and deprives legal traders/service providers from the revenue that could be officially accounted, calculated and declared;
- Digital shadow economy refers to the trade in e-space, performed without paying any taxes to the state budget, excluding purely criminal activities such as drug trafficking, prostitution, etc.).

In general sense, digital shadow economy refers to unregistered and/or illegal profit-driven activities (usually trade or service provision) in e-space. Nevertheless, it is important to note that such illegal profit-driven offences as cybercrimes, digital piracy or e-fraud, should be separated from the definition of digital shadow economy and left for consideration of criminal law since these offences refer to crime rather than to illegal economic activities. Minding different nature of crime and shadow economy, the authors of this article are convinced that **criminal activities and illegal economic activities should be distinguished.**

The features of digital shadow economy

As previously mentioned, rapid technological advancement as well as fast changes in IT communications burden perception and detection of the cases of digital shadow economy. Due to this reason, scientific literature is rich in explanations of the nature, general aims and forms of this phenomenon. The literature also introduces different attitudes towards unregistered profit-driven online activities (*Herley, Florencio 2010*) and illegal revenues generated as a result of online trade or service provision (*Zorz, 2015*).

The analysis of the scientific literature has enabled to identify and systematise the main features of digital shadow economy (see Table 1).

Table 1

Theoretical features of digital shadow economy

Feature	Description
Subjects	Traders, service providers, consumers (buyers), natural and juridical persons, MNEs, business networks
Forms	E-business, e-commerce, online service provision, cybercrimes, digital piracy, e-fraud
Aim	Financial aims - profits, revenues, cash flows
Registration	Unregistered, illegal activities
Repeatedness	Repeated, non-repeated
Equipment	Sophisticated, advanced technologies
Abilities of participants	Advanced abilities, high level of coordination
Losses	Deprivation of officially registered subjects from potential revenues/profits, tax losses for state budgets
Nature/character	Deceptive, non-deceptive

First of all, traders and services providers (natural or juridical persons) are treated as the most active participants of digital shadow economy (*Zorz, 2015; Moore et al. 2009; Vlachos et al. 2011*), although *Herley and Florencio (2010)* note that the nature of this phenomenon may exceed the capacities of a single agent group (e.g. an enterprise, an institution, a community, etc.), and suggest to consider the probability that the subjects of digital shadow economy may also include MNEs or even large business networks.

The assertions that the activities of digital shadow economy are profit-driven disclose the key aim of this phenomenon – financial benefit (*Holz et al. 2012; Herley, Florencio 2010; Zorz, 2015; Moore et al. 2009; Delina, Tkač 2015*). Employment of sophisticated equipment, technical expertise as well as engagement of high-level coordination between the contract parties are also attributable to the main features of digital shadow economy (*Dittrich 2009; Provos et al. 2009; Vlachos, et al. 2011*). The losses generated by digital shadow economy consist of the damages incurred by officially registered subjects (deprivation of these subjects from potential benefits – profits or revenue) and losses to state budgets (*Vlachos, et al. 2011; Holz et al. 2012; Dobson et al. 2015*). Finally,

although some forms of digital shadow economy (e.g. e-fraud, cybercrime) may be hard to detect due to their fraudulent or criminal nature, in particular cases (e.g. in the case of e-fraud) consumers must be aware that getting involved in shadow transactions (e.g. digital piracy) they also commit a crime (*Ho, Weinberg 2011*). This leads to the conclusion that subjects' participation in digital shadow economy can have a deceptive or non-deceptive (voluntary) background.

The analysis of the scientific literature has also disclosed that acting in e-space basically means employment and usage of a remote space (e.g. online shops, online service provision websites, social networks, etc.) (*Hafezieh et al. 2011; Levi, Williams 2013; Amasiatu, Shah 2014*). What is more, e-advertisement and e-auctions (*Vlachos, et al. 2011; Dion 2011; Smith, 2015*), e-games and e-gambling sites (*Vlachos, et al. 2011; Smith, 2015*), online broadcasts (*Dion 2011; Dobson et al. 2015*), bitcoins and other cryptocurrencies (*Haines, Johnstone 1999; Holz et al. 2012; Zorz, 2015*) may be considered as the channels of digital shadow economy, minding the flows of unreported revenues generated via them. According to *Smith (2015)*, the channels of digital shadow economy may cover the Internet access, data on hard discs, remote financial resources, intellectual capital, etc. In other words, the channels of digital shadow economy are the remote platforms that ensure anonymity of users, this way allowing both a customer and a supplier/service provider to hide their geographical location, which, in turn, ensures that their identities and transactions will not be detected (*Zorz, 2015*).

The forms of digital shadow economy in black digital markets

Thomas and Martin (2006), who provided a deeper insight in the problems of digital shadow economy, analysed such forms of this phenomenon as trade in stolen credit card credentials via online chats. This form of digital shadow economy was later recognised by other scientists (*Herley & Florencio, 2010; Yip, et al. 2012*). Over the last few years, the interest in the forms of digital shadow economy has been gradually increasing. The forms of digital shadow economy are more and more often selected as an object of scientific research.

Mello (2013) introduces five forms of cybercrimes:

- data security violations – stolen credentials employed for wide scopes of industrial frauds via social networks, such as Twitter, LinkedIn, LivingSocial's, etc.;
- malware – malicious software that is employed in order to get an access to various authorisations; to prevent malware attacks, anti-malware is developed to protect computer systems from viruses and detect illegal users;
- telephone threats – smart phones and mobile malware applications;
- industrialisation – covers online and mobile interactions “a machine-to-a machine”, i.e. a user's device (a computer or a mobile phone) is linked to a business server, and such electronic connection generates automatic authorization; this way, an agent has an access to a potential victim's accounts, and the process of money transfer can be started;
- distributed denial of service attacks – interruptions of regular functioning of a website, leading to a dramatical increase in a website manager's operational costs and lost trust from consumers' position.

The study of the climate of cybercrime in Greece, conducted by *Vlachos et al. (2011)*, disclosed such forms of cybercrime as financial frauds (i.e. frauds driven by financial gain starting from simple fraudulent attacks and ending with money “pumping” schemes), children's issues (i.e. any cases of children's abuse from pedophilia to pornography), spams (i.e. unwanted huge quantities of e-mails, which negatively affect the efficiency of the Internet users and are linked to promotion of fraudulent products/services), violations of personal data and privacy (i.e. all the incidents related to privacy issues and abuse of the private data that was transmitted or received via electronic communications),

technologically advanced activities (i.e. network usage for the spread of malware and attacks), e-games (i.e. administration of the accounts to which illegally earned virtual money flows), and technical issues (i.e. deliberately caused technical problems that are directly linked to the protection of a computer or computer system).

Yip, et al. (2012) provided a detailed analysis of online social networks, known as online forums (*Holt & Lampke, 2010; Poulsen, 2011*). The authors (*Yip, et al., 2012*) found that online social networks were previously used as a black online market for the trade in stolen credentials. It was also established that the current usage of online social networks has slightly changed by its nature: at present it covers sharing of criminal values and trade in goods and services that promote criminal co-operation (*Thomas & Martin, 2006; Holt & Lampke, 2010; Yip, et al., 2012*), money laundering, bank data steals, identity steals, exchange of virtual currency, decoding systems, etc. (*Holt & Lampke, 2010*). In their study on digital underground economy (in particular, the study on the trade in stolen digital credentials), *Holz et al. (2012)* researched keylogger-based steals of credentials via dropzones (publicly writable directories on a server in the Internet) and anonymous collection points of illicitly collected data. With reference to the authors, keylogger-based stealing is a newly emerging form of digital underground economy. What is more, the results of the study revealed that this technique can be applied in e-banking to extract information from protected databases (a computer memory).

The above-introduced forms of digital shadow economy are initiated by a supplier, whose basic aim is to generate illegal money flows. Nevertheless, digital shadow economy is also linked to fraudulent consumer activities, which deprive legal service providers from the revenues that could be officially earned, reported and declared. For this reason, it is purposeful to have an insight into the forms of digital shadow economy initiated by a consumer.

Digital piracy is one of the general forms of e-fraud indicated in the scientific literature. With reference to *Ho and Weinberg (2011)*, digital piracy is a type of piracy that emerges from the need to copy, produce or illegally consume genuine products. In other words, digital piracy refers to buying, copying, downloading and/or sharing of illegal CDs or software (*Arli et al., 2015*). In fact, the volumes of digital piracy all over world stun legal producers of such easily copied digital products as music (*International Federation of Phonographic Industry, 2009*), films (*Castro, Bennett, & Andes, 2009*), software (*Business Software Alliance, 2009*), etc. That is why general cases of digital piracy are based on the presumption that individuals involved in it make a profit from the abuse of legally registered brands/trademarks (*Ho & Weinberg, 2011*).

Amasiatu and Shah (2014) focused on the research of the forms of fraudulent (deviant) consumer behaviour online. Their study enabled to indentify the following forms of e-fraud:

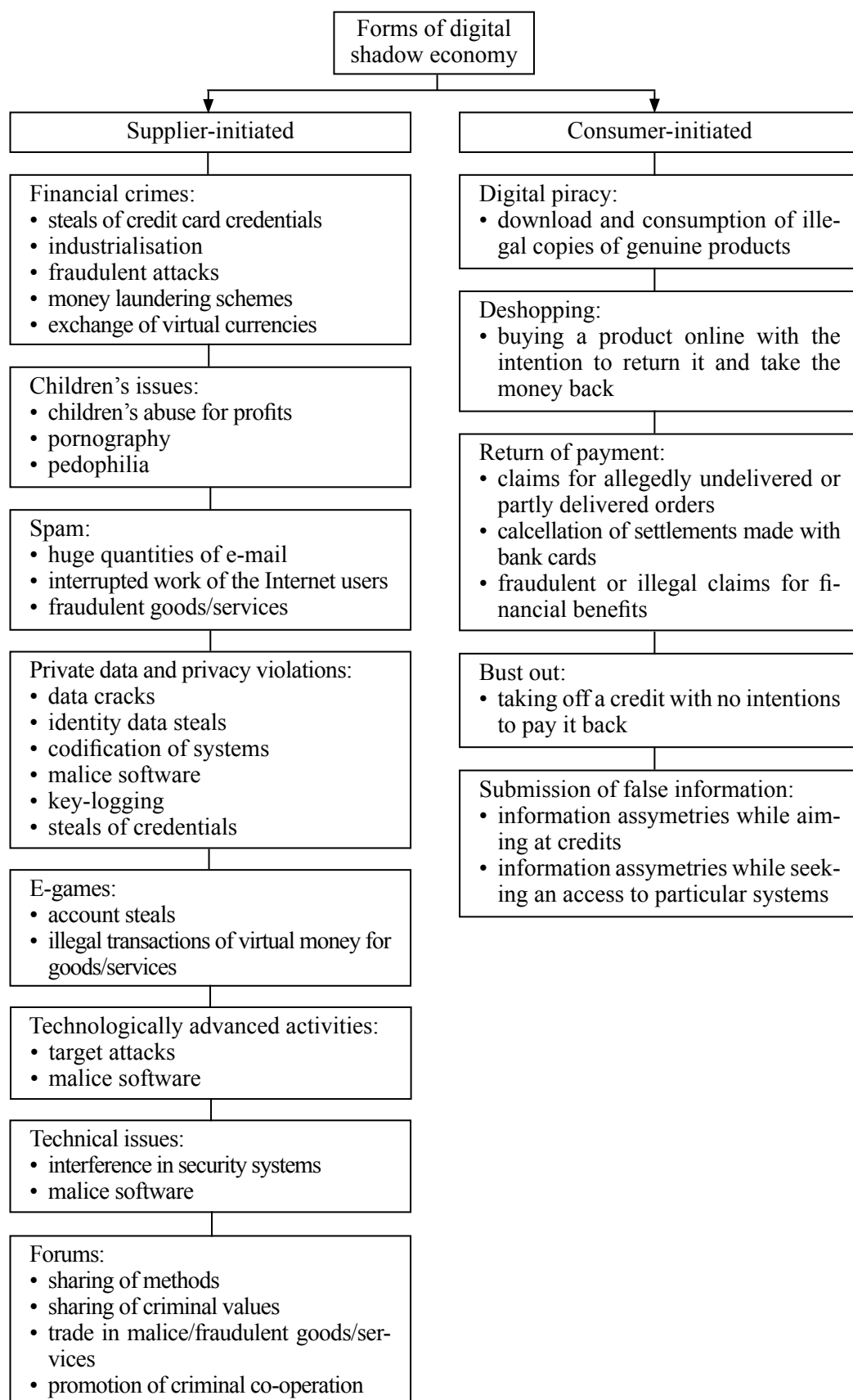
1. Deshopping – buying a product online with the intentions to return it by the defined term and take the money back;
2. Return of payment – fraudulent or illegal claim to return the money with the intentions to gain particular financial benefits;
3. Bust out - taking off a credit with no intentions to pay in back;
4. Submission of false information – applicants submit falsified information about themselves because otherwise they could not get an access to particular services (for example, to a credit).

Scientific literature analysis has revealed that deshopping is the most common form of consumers' deviant behavior online (*Hjort & Lantz, 2012; Amasiatu & Shah, 2014*). It is often considered to be the result of unreasonably liberal return policies in e-commerce. As it was noted by *Hjort and Lantz (2012)*, deshopping is reinforced by offering a free return of a product; it is driven by lower consumer general expenditure and low delivery costs.

The methods of payment return, analysed in the scientific literature, are based on the understanding that a consumer should not be willing to return the goods which he/she orders, although in practice consumers are often inclined to do so or they are inclined to submit a claim that not all goods on order were delivered even in case they were (*Greek, 2010; Amasiatu & Shah, 2014*). With reference to the report of Cybersource Corporation (2012), the affair of payment return emerges when a consumer makes a purchase with his/her card, and later impugns the purchase. According to *Amasiatu and Shah (2014)*, a payment return fraud is beneficial in its general sense because particular legal obligations ensure protection of the rights of consumers when they are shopping online; for instance, consumers are ensured the protection from card payment frauds, when a supplier assumes full responsibility for any possible losses incurred before a purchase is delivered to a consumer. In accordance with *Fair Isaak Corporation (2008)*, the cases of e-frauds often emerge in financial institutions since they possess a wide variety of credit issuance equipment. *Amasiatu and Shah (2014)* note that, in exceptional cases, e-frauds are based on masking of real consumer intentions or on the principle of a "slight lie", which may help to get a bigger credit before avoidance of regular payments or complete disappearance. According to *CIFAS (2012)*, submission of falsified information is widely-spread while making mail orders, when individuals hide their real addresses, which, in turn, has a negative impact on the credit information. Submission of falsified data is also popular in the field of insurance, where consumers artificially "inflate" their capacities to match the insurance requirements. Benefit hunters lie about their income to gain from insurance systems (*Amasiatu & Shah, 2014*).

The analysis of the scientific literature has enabled to systematise the forms of digital shadow economy. The data in Figure 1 show that digital shadow economy can be initiated by either a supplier/service provider or a consumer. Supplier-initiated forms of digital shadow economy cover financial crimes, children's issues, spam, violations of private data and privacy, e-games, technologically advances activities, technical issues and social forums. All these forms of digital shadow economy commonly emerge as steals of credentials, money laundering, exchange of virtual currencies, illegal transactions in virtual currencies, and codification of systems with malicious and deceptive software. Consumer-initiated forms of digital shadow economy cover digital piracy, deshopping, returns of payment, bust out, taking credits without any intentions to pay them back, and submission of falsified data. Consumers get involved in digital shadow economy in order to reduce their general consumer expenditure and/or have an access to credits, funds, insurance and social benefits.

According to *Zorz (2015)*, different forms of digital shadow economy emerge in digital black markets depending on a type of target products or services. Considering an object of an activity (i.e. minding whether a product or service is digital or non-digital), the author (*Zorz, 2015*) distinguishes two basic types of digital black market: physical (or material) black market (i.e. online trade in material products, such as drugs, guns, etc.) and fraudulent data market (i.e. performance of digital activities, such as codification, data violations, system interruptions, etc.). The author (*Zorz, 2015*) notes that the first market - physical black market - functions via online platforms (e.g. TOR network), which allow anonymous customers and suppliers hide their locations and be sure that their identities cannot be tracked. The second market - fraudulent data market - functions via traditional *http* websites, which can be accessed from any computer by employing a browser; these websites are created to trade in stolen credentials (e.g. credit card credentials, users' names and passwords, etc.), which have become the most prevalent type of the stolen data on sale. Digital shadow activities are mostly performed via such channels as online chat sites, forums, social network and dropzones.

Fig. 1. Classification of the forms of digital shadow economy (Gaspareniene, Remeikiene, 2015, p. 409)

The newest results of the research on the issues of digital shadow economy

Scientific literature is comparatively rich in the methodologies of shadow economy estimation that are employed for clarification of the scopes of this phenomenon in both Europe and all over the world. Different methodologies are based on subjective evaluations (direct methods), inclusion of particular indicators (indirect methods) or variable models (for instance, MIMIC model). Direct methods provide an opportunity to obtain the data from natural and/or juridical persons on plausible scopes of shadow economy. Indirect methods lean on a comparative analysis of various statistical data and reveal the discrepancies that are explained by employing the relevant monetary, economic and social factors. Finally, the models with different variables can reveal the impact of production, labour, money markets and other relevant indicators on the overall scopes of shadow economy. The results of the newest research (*Gasparenienė, Remeikiene, 2016*) have shown that direct methods of shadow economy estimation mainly include such participants as households and business subjects, and are based on the analysis of general economic variables; indirect methods lean on the variables of general economics, monetary policy, money turnover, electric energy consumption, and labour market; the models include the indicators of general economics, taxes, and legal, social, labor and monetary environment. The scopes of unrecorded economy are reflected in the estimations of GDP and GNP. Nevertheless, the indicators of digital shadow economy are not included the methods of traditional shadow economy estimations, which not only burdens grasping the true volumes of this phenomenon, but also impedes the development of digital shadow economy detection and prevention measures. In addition, it should be noted that estimations of shadow economy are usually funded by public institutions because the costs of the estimation process are relatively high, especially in the cases when direct methods are employed. Another way to estimate the scopes of shadow economy is to find the difference between total reported revenues and the revenues detected during a selective audit. In this case, tax audit, which enables to estimate the scopes of unreported revenues, is extremely effective. Hence, this method could be employed for estimations of the share of digital shadow economy in the total scope of shadow economy in a particular sector or country. However, it should not be overlooked that selection of the subjects for audit is typically based only on tax delarations submitted to state tax inspectorates by tax payers. This way, the sample of the research is not random and can not accurately reflect the real situation. Furthermore, the estimations based only on the data of tax audit, reflect the share of shadow economy revenue that was disclosed by the authorised officials, while the rest part of shadow economy revenue remains undisclosed. On balance, a significant disadvantage of both direct and indirect methods of shadow economy estimation is that they fail to reflect all types of shadow activities (including the ones performed in e-space). What is more, these methods represent only annual data, and this practice impedes estimation of the real scopes of shadow economy in the long run. Some widely-spread methods like surveys of tax auditors or comprehensive analysis of employment data (comparison of employment data obtained from different sources of information – administrative reports, media, etc.) can be helpful for identification of the in-depth causes of shadow economy, but they can hardly reveal the numerical scopes of this phenomenon. Macro models (e.g. money demand model, MIMIC, DGE, etc.) are not recommended for statisticians since these models do not provide any opportunities to detect the causes of unrecorded economy, and the presumptions of the models are not firmly substantiated. Thus, the probability to double estimations of shadow economy is relatively high.

Summarising, it can be stated that the theory of shadow economy cannot provide the methodologies of shadow economy estimation which would include the indicators that reflect the features of digital shadow economy. What is more, no generally accepted definition of the phenomenon of digital shadow economy has been developed. The results of this research (that have not been publically announced thus far) have enabled to complement the theory of traditional shadow economy:

1. The definition of digital shadow economy has been developed. The authors propose that digital shadow economy should be referred to as illegal online activities, such as digital services and/or trade in products/services online, performing which economic agents violate applicable regulatory norms while aiming at illegal mutual material benefits.

2. The distinctive features of digital shadow economy have been identified: digital shadow economy is defined by promptness of transactions, hardly identified geographical location, communication exceptionally in e-space/the Internet, and absence of physical contact between the agents. The other features that can be attributed not only to digital shadow economy, but also to traditional shadow economy include anonymity, settlement exceptionally in electronic tenders, and high competence of the agents in the fields of IT and the English language.

3. It has been found that consumers clearly perceive that digital shadow economy is not the same as cybercrime, and treat it as illegal acting in e-space that allows to generate illegal money flows for traders/service providers or consumers and deprives legal traders/service providers from the revenues that could be officially earned, accounted and declared. Digital shadow economy causes huge losses of tax revenue in the budgets of states.

4. Consumers' motives to buy products/services in digital shadow markets have been identified: it has been found that consumers are driven by lower prices, unfavourable economic situation in the country, favourable economic opportunities, advantages of the IT age, absence of a desirable product/service in domestic markets, and time cost saving. Legal factors, such as low probability of detection of the fact that a person has acquired a product/service from a formally non-existent or illegally operating supplier without paying VAT to the state budget, weak legal framework of a country (especially concerning regulation of e-commerce), weakly regulated IT industry, and lack of professional officials with the competence to detect cybercrimes, have not been recognized as critical ones. Hence, acquisition of products/services from illegally operating suppliers is mostly based on such determinants as lower prices and advantages of the IT age (access to the Internet, relatively low prices of computers, smart phones, mobile applications, etc.).

5. It has been established that the issues of digital shadow economy as well as the difficulties to estimate the real scopes of this phenomenon burden the problems of poor tax collection not only in Lithuania, but also in other countries of Eastern Europe. Unfortunately, no clear strategies to solve the problems of this type have been developed yet. The authors of this article make this conclusion following the results of the expert survey (with participation of the officials from the Department of Control, Lithuanian State Tax Inspectorate, directly responsible for inspection of economic agents): more than a half of the experts (52.6 percent) declared that they had never inspected illegal agents operating in e-space or had never detected operation of such agents during the term of 2015; 53.9 percent of the experts indicated that they had never detected any cases when agents ran a traditional business, but at the same time were involved in unregistered e-business. Hence, the results lead to the conclusion that the Department of Control under Lithuanian State Tax Inspectorate either does not possess sufficient financial and human resources for the detection of the cases of digital shadow economy, or does not follow any effective strategies purposefully developed for detection of such cases. It is obvious that timely detection of the cases of digital shadow economy calls for additional staff competences and skills in the fields of IT and law; extra funds are necessary for acquisition of the advanced software that could help to track illegal activities in e-space.

6. With reference to the results of the expert survey (as already mentioned at point 5), it has been found that 2 percent of the cases of digital shadow economy were detected while dealing with the cases of traditional shadow economy over 2015. The main areas of manifestation of digital shadow economy covered wholesale and retail, and repair of motor vehicles (with average ranks equal to 3.55). The general industries were tiered to some smaller groups of products/services: in the industry of construction, the cases of digital shadow

economy mostly appear in the form of rent of real estate; in the industry of sales – in the form of trade in clothes, automobiles and electronics; in the industry of services – in the form of provision of educational and catering services. Variation of the plausible scopes of digital shadow economy in a relatively wide interval from 15 thousand EUR to 1.5 million EUR proposes that the estimations are not accurate.

7. It has been found that e-shops are the objects in e-space most frequently inspected by assigned officials, while websites and social networks hardly fall under inspection, which makes them a favourable environment for digital shadow transactions.

8. Thus far, the scopes of digital shadow economy have been estimated neither in Europe, nor in any other continents. Officials from the Department of Control under Lithuanian State Tax Inspectorate attribute the random cases of digital shadow economy to the general statistics of traditional shadow economy. Due to this reason, the real scopes and tendencies of digital shadow economy remain undiscovered, which, in turn, determines the necessity to complement the methodologies of shadow economy estimation with the indicators of digital shadow economy. Employment of comprehensive methodologies would allow to have a deeper insight in the nature of the phenomenon of digital shadow economy, and at the same time could contribute to the development of efficient detection mechanisms.

Conclusions

The issue of digital shadow economy is indeed new and, considering it as a branch of traditional shadow economy, very young. The research, conducted on the basis of the national scientific project “Digital Shadow Economy”, has enabled to collect the original and valuable data on the issues of digital shadow economy and achieve the following results:

1. The definition of digital shadow economy has been developed: digital shadow economy should be referred to as illegal online activities, such as digital services and/or trade in products/services online, performing which economic agents violate applicable regulatory norms while aiming at illegal mutual material benefits.

2. The distinctive features of digital shadow economy have been identified: digital shadow economy is defined by promptness of transactions, hardly identified geographical location, communication exceptionally in e-space/the Internet, and absence of physical contact between the agents. The other features that can be attributed not only to digital shadow economy, but also to traditional shadow economy include anonymity, settlement exceptionally in electronic tenders, and high competence of the agents in the fields of IT and the English language.

3. The main channels of digital shadow economy have been identified. They cover e-shops with electronic tenders of settlement, poker/casino/bingo sites, e-game sites, social networks, settlements in bitcoins and other cryptocurrencies, and advertisement portals.

4. The position of consumers' towards the phenomenon of digital shadow economy has been found out: consumers clearly perceive that digital shadow economy is not the same as cybercrime, and are inclined to treat it as *illegal acting in e-space that allows to generate illegal money flows for traders/service providers or consumers and deprives legal traders/service providers from the revenues that could be officially earned, accounted and declared*. Consumers are of the opinion that digital shadow economy causes huge losses of tax revenue in the budgets of states.

5. Consumers' motives to buy products/services in digital shadow markets have been identified: it has been found that consumers are driven by lower prices, unfavourable economic situation in the country, favourable economic opportunities, advantages of the IT age, absence of a desirable product/service in domestic markets, and time cost saving. Legal factors, such as low probability of detection of the fact that a person has acquired a product/service from a formally non-existent or illegally operating supplier without

paying VAT to the state budget, weak legal framework of a country (especially concerning regulation of e-commerce), weakly regulated IT industry, and lack of professional officials with the competence to detect cybercrimes, have not been recognized as critical ones. Hence, acquisition of products/services from illegally operating suppliers is primarily based on such determinants as lower prices and advantages of the IT age (access to the Internet, relatively low prices of computers, smart phones, mobile applications, etc.).

6. The channels to acquire products/services from digital shadow markets have been identified: they cover e-shops, social networks and internet sites; the above-mentioned channels are commonly employed for acquisition of clothes and footwear, trips, entertainment, perfume and cosmetics.

7. It has been established that the majority of consumers are not inclined to verify the status of a supplier/service provider in e-space; they are also not inclined to ask for bills or other types of documents for confirmation of a purchase. The latter factors serves as an extra motive for suppliers/service providers not to register their activities.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Allabouche K., Diouri O., Gaga A. and El Amrani El Idrissi N. (2016). Mobile phones' social impacts on sustainable human development: case studies, Morocco and Italy // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 4(1), pp. 64–73.

Amasiatu C.V. and Shah M.H. (2014). First party fraud: A review of the forms and motives of fraudulent consumer behaviours in e-tailing // *International Journal of Retail & Distribution Management*, no. 42(9), pp. 805–17.

Arli D., Tjiptono F. and Porto R. (2015). The impact of moral equity, relativism and attitude on individuals' digital piracy behaviour in a developing country // *Marketing Intelligence & Planning*, no. 33(3), pp. 348–365.

Astrauskaitė I. and Paškevičius A. (2016). Assessing the optimal taxation of the capital income: a case of corporate bond market // *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 5(4), pp. 519–532.

Belás J., Korauš M., Kombo F. and Korauš A. (2016). Electronic banking security and customer satisfaction and in commercial banks // *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 5(3), pp. 411–422.

Bossler A.M. and Holt T.J. (2012). Patrol officers' perceived role in responding to cybercrime, *Policing An International Journal of Police Strategies & Management*, no. 35(1), pp. 165–181.

Business Software Alliance (2009). *Software piracy on the internet: A threat to your security* (A report) (<http://global.bsa.org/internetreport2009/2009internetpiracyreport.pdf>).

Camarero C., Anton C. and Rodriguez J. (2014). Technological and ethical antecedents of e-book piracy and price acceptance: Evidence from the Spanish case // *The Electronic Library*, no. 32(4), pp. 542–566.

Castro D., Bennett R. and Andes S. (2009). Steal these policies: Strategies for reducing digital piracy. *The Information Technology & Innovation Foundation*, 12 (www.itif.org/files/2009-12-15.DigitalPiracy.pdf).

CIFAS (2012). *Fraudscape: depicting the UK's fraud landscape* (Research and Reports) (https://www.cifas.org.uk/secure/contentPORT/uploads/documents/Cifas%20Reports/External-Fraudscape_2013_Cifas.pdf).

Cronan T.P. and Al-Rafee S. (2008). Factors that influence the intention to pirate software and media // *Journal of Business Ethics*, no. 78(4), pp. 527–545.

Cybersource Corporation (2012). *13th annual online fraud report* (www.jpmorgan.com/cm/BlobServer/13th_Annual_2012_Online_Fraud_Report.pdf?blobkey=id&blobwhere=141320571432216&blobheader=application/pdf&blobheadername=Cache-Control&blobheadervalue=private&blobcol=urldata&blobtable=MungoBlobs).

Delina R. and Tkač M. (2015). Role of e-business in the perception of ICT impact on revenue growth // *Journal of Business Economics and Management*, no. 16(6), pp. 1140–1153.

Dittrich D. (2009). Malware to crimeware: how far have they gone, and how do we catch up? // *Login*, no. 34(4), pp. 35–44.

Dion M. (2011). Corruption, fraud and cybercrime as dehumanizing phenomena // *International Journal of Social Economics*, no. 38(5), pp. 466–476.

Dobrovič J., Korauš A. and Dančišinová L. (2016). Sustainable economic development of Slovakia: factors determining optimal tax collection // *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 5(4), pp. 533–544.

Dobson S., Sukumar A. and Tipi L. (2015). Dark Matters: The Institutional Entrepreneurship of Illicit and Illegal Cyberspace / In: Mcelwee G. and Smith R. (eds.) // *Exploring Criminal and Illegal Enterprise: New Perspectives on Research, Policy & Practice (Contemporary Issues in Entrepreneurship Research)*, no. 5, pp. 179–201.

Europol (2011). *Cybercrime as a business: The digital underground economy* (Press Releases) (<https://www.europol.europa.eu/content/press/cybercrime-business-digital-underground-economy-517>).

Fair Isaak Corporation (2008). *Reducing bad debt levels by addressing first party fraud and credit abuse* (white paper) (http://brblog.typepad.com/files/first_party_fraud_2486wp_en.pdf).

Ferreira N.C.M.Q., Ferreira F.A.F., Marques C.S.E., Perez-Bustamante Ilander G.O. and Cipi A. (2015). Challenges in the implementation of public electronic services: Leassons from a regional-based study, *Journal of Business Economics and Management*, no. 16(5), pp. 962–979 (<http://dx.doi.org/10.3846/16111699.2014.920718>).

Fuschi D. and Tvaronavičienė M. (2014). Sustainable development, Big Data and supervisory control: service quality in banking sector // *Journal of Security and Sustainability*, issue 3(3), pp. 5–14.

Gasparėniene L. and Remeikiene R. (2015). Digital Shadow Economy: a Critical Review of the Literature // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 6, no. 6, S5: 402–409.

Gasparėniene L. and Remeikiene R. (2016). Shadow economy estimation methods: Digital shadow economy assessment aspect // *9th International Scientific Conference "Business and Management 2016"* Vilnius, Lithuania (<http://dx.doi.org/10.3846/bm.2016.34>).

Government Accounting Office (2007). *Cybercrime: Public and Private Entities Face Challenges in Addressing Cyber Threats* [online] [cited 10 October 2015]. United States Government Accountability Office Report to Congressional Requesters (www.gao.gov/new.items/d07705.pdf).

Greek D. (2010). *Who is responsible when goods go missing in transit?* (www.computeractive.co.uk/ca/consumerrights/1931458/missing-transit).

Hafezieh N., Akhavan P. and Eshraghian F. (2011). Exploration of process and competitive factors of entrepreneurship in digital space: a multiple case study in Iran, Education, Business and Society // *Contemporary Middle Eastern Issues*, no. 4(4), pp. 267–279.

Haines J. and Johnstone P. (1999). Global cybercrime: new toys for the money launderers // *Journal of Money Laundering Control*, no. 2(4), pp. 317–325.

Herley C. and Florencio D. (2010). Nobody sells gold for the price of silver: Dishonesty, uncertainty and the underground economy // *Economics of Information Security and Privacy*, 10 (http://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-1-4419-6967-5_3#page-1).

Hjort K. and Lantz B. (2012). (R)e-tail borrowing of party dresses: An experimental study // *International Journal of Retail & Distribution Management*, no. 40(12), pp. 997–1012.

Ho J. and Weinberg C.B. (2011). Segmenting consumers of pirated movies // *Journal of Consumer Marketing*, no. 28(4), pp. 252–260.

Holt T.J. and Lampke E. (2010). Exploring stolen data markets online: Products and market forces // *Criminal Justice Studies*, no. 23(1), pp. 33–50.

Holz T., Engelberth M. and Freiling F. (2012). Learning more about the underground economy: A case-study of keyloggers and dropzones // *ESORICS Proceedings*, no. 9, pp. 1–18.

Jacobs L., Samli A.C. and Jedlik T. (2001). The nightmare of international product piracy // *Industrial Marketing Management*, no. 30(6), pp. 499–509.

International Federation of the Phonographic Industry (2009). *New business models for a changing environment* (Digital music report) (www.ifpi.org/content/section_resources/dmr2009.html).

Kalyugina S., Strielkowski W., Ushvitsky L. and Astachova E. (2015). Sustainable and secure development: facet of personal financial issues // *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 5(2), pp. 297–304 ([http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2\(14\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.5.2(14))).

Lavrinenko O., Ohotina A., Tumalavičius V. and Pidlisna O.V. (2016). Assessment of partnership development in cross-border regions' innovation systems (Latvia-Lithuania-Belarus) // *Journal of Security and Sustainability Issues*, no. 6(1), pp. 155–166 ([http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2016.6.1\(12\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2016.6.1(12))).

Levi M. and Williams M.L. (2013). Multi-agency partnerships in cybercrime reduction // *Information Management & Computer Security*, no. 21(5), pp. 420–443

Mello J.P. (2013). *Cybercrime fueled by mature digital underground* (Identity & Access) (<http://www.csoonline.com/article/2133649/identity-access/cybercrime-fueled-by-mature-digital-underground.html>).

Moore T., Clayton R. and Anderson R. (2009). The economics of online crime // *Journal of Economic Perspectives*, no. 23(3), pp. 3–20.

Pauceanu A.M. (2016). Innovation and entrepreneurship in Sultanate of Oman – an empirical study // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 4(1), pp. 83–99 ([http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2016.4.1\(8\)](http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2016.4.1(8))).

Poulsen K. (2011). *Kingpin: How one hacker took over the billion-dollar cybercrime underground*. New York: Crown Publishing.

Provos N., Rajab M.A. and Mavrommatis P. (2009). Cybercrime 2.0: when the cloud turns dark // *Commun ACM*, no. 52(4), pp. 42–7.

Rezk M.A., Ibrahim H.H., Radwan A., Sakr M.M., Tvaronavičienė M. and Piccinetti L. (2016). Innovation magnitude of manufacturing industry in Egypt with particular focus on SMEs // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 3(4), pp. 306–318 ([http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2016.3.4\(1\)](http://dx.doi.org/10.9770/jesi.2016.3.4(1))).

Samašonok K., Isoraitė M. and Leškienė-Hussey B. (2016). The internet entrepreneurship: opportunities and problems // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 3(4), pp. 329–349.

Sirkeci I. and Magnusdottir L.B. (2011). Understanding illegal music downloading in the UK: A multi attribute model // *Journal of Research in Interactive Marketing*, no. 5(1), pp. 90–110.

Smith G.S. (2015). Management models for international cybercrime // *Journal of Financial Crime*, no. 22(1), pp. 104–125.

Taylor S.A. (2012). Evaluating digital piracy intentions on behaviors // *Journal of Services Marketing*, no. 26(7), pp. 472–483.

Thomas R. and Martin J. (2006). The underground economy: Priceless // *The USENIX Magazine*, no. 31(6), pp. 7–16.

Teivāns-Treinovskis J. and Amosova J. (2016). Some aspects of criminal environment impact on sustainable entrepreneurship activities // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 4(1), pp. 17–27.

Tvaronavičienė M. (2016). Start-ups across the EU: if particular tendencies could be trace // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, no. 3(3), pp. 290–298.

Vida I., Koklic M.K., Kukar-Kinney M. and Penz E. (2012). Predicting consumer digital piracy behavior: The role of rationalization and perceived consequences // *Journal of Research in Interactive Marketing*, no. 6(4), pp. 298–313.

Vlachos V., Minou M., Assimakopoulos V. and Toska A. (2011). The landscape of cybercrime in Greece // *Information Management & Computer Security*, no. 19(2), pp. 113–123.

Williams P., Nicholas D. and Rowlands I. (2010). The attitudes and behaviours of illegal downloaders // *Aslib Proceedings*, no. 62(3), pp. 283–301.

Yip M., Shadbolt N., Tiropanis N. and Webber C. (2012). The digital underground economy: A social network approach to understanding cybercrime. In *Digital Futures 2012: The Third Annual Digital Economy All Hands Conference* (2012) (http://eprints.soton.ac.uk/343351/1/yip_de2012_submission.pdf).

Yu C.P., Young M.L. and Ju B.C. (2015). Consumer software piracy in virtual communities: An integrative model of heroism and social exchange // *Internet Research*, no. 25(2), pp. 317–334.

Zorz M. (2015). *Global black markets and the underground economy* (Featured News) (<http://www.netsecurity.org/article.php?id=2288>).

ДЖ. МЭЙНСТРИНГ,
эсквайр и протоинституционалист
(1855–1915)

КОНСУЛЬТАНТ

Эта новелла была навеяна впечатлениями о недавних выборах, в которых демократическая и республиканская партии не стеснялись использовать любые средства агитации. Известный институционалист Дж. Мэйнстринг мастерски рисует психологические метания зарубежного либерала.

Перевод с английского – Анфим Кандопожский

J. MEINSTRING,
Esquire and proto-institutionalist
(1855–1915)

THE CONSULTANT

This story was inspired by the impressions on the recent presidential campaign, which has demonstrated that the candidate did not suffer from false modesty in choosing the means for struggle. Famous institutionalist John Meynstring masterfully describes psychological spinning of the foreign liberal.

Translated by Anfim Kandopozhskiy

Эрик Монетаров, ординарный профессор и неординарный экономист, отдыхал после тяжелой лекции, когда раздался телефонный звонок, и из трубки, как из бутылки джинна, повалил густой бас:

- Хэлло, это профессор Монетаров?
- Да.
- Из регионального управления штата. Вас рекомендовал проректор Инсайдерского университета.
- Чем могу быть полезен?
- Мы перестали понимать, что происходит в экономике. Вы должны проконсультировать нас. У нас особенный бизнес – благотворительность. И мы нуждаемся в научных рекомендациях.
- Нет-нет, я, извините, теоретик, от практики далек, поэтому...
- Так это нам как раз и нужно, практику мы и так знаем, нам бы общий обзор.
- Удивительно, первый раз слышу такое, обычно просят поближе к жизни, а теорию не выносят.
- Так мы договорились? Оплатой не обидим.
- Ну, что вы, это не главное, спасибо.

*

Сразу стало не до отдыха. Монетаров вскочил, подсел к письменному столу, достал чистый лист бумаги и задумался.

– Я начну с общей характеристики экономики, – прикидывал он. Объясню, что она и сегодня отягощена незалеченными шрамами предыдущей эпохи, что ее убили из «идеологического» пистолета.

В этот момент Монетаров вспомнил, что сегодня все больше поклонников той самоубийственной экономики, и, поколебавшись, решил:

– Ладно, обойдемся без общей характеристики.

Он подумал-подумал и вскричал:

– Эврика! Я начну с глобализации, что без нее сегодня нельзя, что она необходима как единственно приемлемая нынче форма эффективного участия в международном разделении труда, и так далее. И затем скажу о главной проблеме – для вхождения в глобализацию надо поступиться частью экономического суверенитета, как это сделали страны, вошедшие в ЕС, главное – чтобы выигрыш от интеграции превышал проигрыш от передачи части суверенитета.

Тут Монетаров остановился, вспомнив, что ВТО, МВФ, ЕС и другие глобализационные структуры рассматривают как новые угрозы закабаления национальной экономики, и, поколебавшись, махнул рукой:

– Ладно, обойдемся без глобализации.

И тогда он решил, чего ходить вокруг да около, надо сразу о главном, например, о том, что реформы по созданию креативных рынков придется доводить до конца.

– И объясню, что мы страдаем не от рыночных реформ, а от недорыночности, от их незавершенности. Да, не забыть сказать, что система должна быть монистичной, то есть рынок должен восторжествовать во всех сферах, включая государственный, ЖКХ, медицину и образование. А мне скажут – люди хотят бесплатной медицины и бесплатного образования. А я им скажу – так этого они хотят при нынешней зарплате и нынешней пенсии, а того не знают люди, что «бесплатное» в наших условиях означает – платить они все равно будут, только через налоги. Зато этими «налоговыми деньгами» на медицину будут распоряжаться чужие, чиновники, поэтому не надейтесь на качество, да еще и украдут, потому всегда лучше самому все оплачивать, без посредников. Просто надо повышать зарплату, включив в прожиточный минимум услуги и на образование, и на медицину.

Монетаров уже представил, как он убедительно говорит, а потом вспомнил – о реальном повышении зарплат и пенсии можно только мечтать, махнул рукой: не надо, что зря растравливать людей.

– А что если восславить предпринимательство? Ведь это очень чуткий, можно сказать, нежный сектор экономики, его надо любить, кохоть, нежить малыми налогами и доверием, а не ненавидеть, не измывать поборами, отчетами, отсутствием кредитов и прочим. Но тут Монетаров вспомнил реальность, припомнил бегство из страны капиталов, хоть чужих, хоть отечественных, требующую для их возврата новую индустриализацию, потупился, а потом махнул рукой:

– Ладно, не буду... А не сказать ли о том, что мир, в том числе и социальный, одинаков, что как в неживой природе, так и в обществе, в экономике, действуют одни и те же законы, и они – общечеловеческие: дрянь никто и нигде покупать не будет + доходы должны превышать расходы + «мускулы» экономики наращиваются только реальной конкуренцией + экономика должна развиваться по своим законам, а не по идеологическим + государство должно быть выведено из экономики + работа должна кормить, а не обрекать на нищету...

Монетаров вдруг резко встал.

Начал озиаться, будто рассматривая один за другим элементы современной экономики. И, оглядев каждый, вновь и вновь отбрасывал жестом, – нет, это не пойдет, и это, а уж это – тем более. На лице его отобразилось отчаяние...

Соседи вдруг слышали вой ординарного профессора, так может быть только оскотелый неординарный экономист.

– Мучается, соколик, – сказала одна бабушка, – дык и профессию надо было выбирать полегче, чтоб совесть так не мучила.

Встреча с благотворителями не состоялась.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

TERRA ECONOMICUS
(ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ)

2016

Том 14

Номер 4

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

Адрес издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
Тел.: +7 (863) 218 40 00, 219 97 49, **e-mail:** info@sfedu.ru, **сайт:** <http://sfedu.ru/>

Адрес редакции: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88, к. 211
Тел.: +7 (863) 250 59 54, **e-mail:** terraeconomicus@mail.ru, **сайт журнала:** <http://te.sfedu.ru/>

Сдано в набор: 15.12.2016. Подписано в печать: 20.12.2016

Выход в свет: 25.12.2016

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Officina Serif.

Печать офсетная. Усл. п. л. 18,30. Уч.-изд. л. 16,75.

Тираж 558 экз. Заказ № 80. С. 175

Свободная цена

Издательство «Наука-Спектр».

Адрес типографии: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
Т. 8 (863) 269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.